

Дружба народов

8/2025

«Дружба народов» —
пути и горизонты

В номере:

Достоинство обязывающего имени

В минувшем году «Дружба народов» отметила 85-летие. Мы обратились к авторам из России, соседних и далёких стран с предложением обсудить место и роль журнала в современной культуре и в их личной творческой судьбе, вместе подумать о перспективных направлениях его развития.

«Дружба народов» давно уже больше, чем литературный ежемесячник: это тот самый «островок дружелюбия в океане вражды», о котором напоминает писатель из Казахстана Николай Верёвочкин. С 1939 года мы не просто печатаем тексты — мы защищаем возможность и право разных голосов живого многоязычного пространства звучать на общем русском языке.

В эпоху «бесконтрольной интернетной литературы», — отмечает поэт Ефим Бершин, — без громких заявлений, полагаясь на профессиональный отбор и редакторскую школу, журнал связывает берега культурного пространства русского мира.

«Дружба народов» — заметный участник текущего литпроцесса, проза, стихи, литературная критика, опубликованные на её страницах, отмечены престижными премиями. Мы гордимся и обратной связью с читателями. Приятно, когда номера в библиотеках читают в очередь. Когда сельская библиотека в Республике Коми просит подписку, потому что «бабушки зачитали старые номера до дыр» (а теперь, благодаря нашему автору, писателю Анатолию Валеvскому, эта библиотека получает «Дружбу...»). Мы понимаем: бумажная тяжесть журнала всё ещё весомее виртуальных лайков.

На страницах «Дружбы народов» встречаются доверие авторов и интерес читателей. Нас объединяет убеждённость, что «все камни давно разбросаны, наступает время их собирать» — собирать вместе таланты, людей, как говорили раньше, «доброй воли», без деления на своих и чужих, столицы и провинцию, «патриотов» и «либералов». Пока сердца пишущих и читающих бьются в унисон, журнал будет жить, расти и делать своё главное дело — давать литературам разных народов общую крышу и общее небо.

«От света остаётся боль»

В гражданской лирике Ивана ВОЛОСЮКА много тёплых строк о Екатеринбурге и о доме на родном Донбассе, о колыбельной матери, отправляющей сына «на Отечественую, Германскую, / на слияние двух миров» и о земляках («только в плане небесной механики / местным жителям повезло»). Стихи Станислава МИНАКОВА «Сашкин лес» — исполненная смирения и любви молитва родителей о погибшем сыне: «постичь не значит превозмочь / над твёрдью остаётся твердь / у жизни остаётся дочь / у сына остаётся смерть».

В рубрике «Другая оптика» — первая часть поэмы поэта из Бурятии, пишущего на русском языке, Амарсаны УЛЗЫТУЕВА «В Индию духа купить билет». Продолжение этой масштабной фантазмагии выйдет одновременно в августовском номере журнала «Урал»: любопытный и едва ли не исключительный опыт совместной публикации поэтического текста в двух журналах.

Трифонов 100+

«... Тридцать первого декабря, когда все сидели утром за завтраком в столовой, в бабушкиной комнате раздался внезапно оглушительный грохот. ...Никто не мог понять, каким образом и почему старинное толстое зеркало выпало из двери платяного шкафа, запертого к тому же на ключ. ...Домашняя работница Мария Ивановна сказала, что это к войне. Отец Горика сказал, что война с Гитлером и Муссолини, разумеется, будет, но не скоро. А Горик подумал о том — и это поразило его, — что в мире происходят вещи, которые не может объяснить никто...» В «Золотых страницах «ДН» — главы из романа Юрия ТРИФОНОВА «Исчезновение» и размышления Леонида БАХНОВА о творчестве писателя.

Дружба народов

**Независимый
литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Основан
в марте 1939 года**

Редакционная коллегия

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, стр. 2,
журнал «Дружба народов»
Телефон (многоканальный):
8-499-519-02-12

**E-mail: dn52@mail.ru,
Сайт журнала:
<http://дружбанародов.com>**

Юридическая поддержка:
Congress Consulting.
Свидетельство о регистрации
№ 73 от 14.09.1990 г.
в Министерстве печати
и массовой информации РСФСР.
Свидетельство о регистрации
товарного знака № 288681.
Зарегистрировано в
Государственном реестре
товарных знаков и знаков
обслуживания РФ
12 мая 2005 г.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»;
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

**Редакция не имеет возможности
рецензировать и возвращать
рукописи.**

**Во всех случаях полиграфического
брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию, указанную
в выходных сведениях.**

**При перепечатке наших материалов
ссылка на журнал «Дружба народов»
обязательна.**

Сдано в набор 20.06.2025.
Подписано в печать 23.07.2025.
Формат бумаги 70 x 108 ¹/₁₆
Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Усл. кр.-отг. 23,1.
Уч.-изд. л. 21. Тираж 1200 экз.
Заказ . Цена свободная.

Главный редактор Сергей
НАДЕЕВ
Леонид
БАХНОВ
Ирина
ДОРОНИНА

Ответственный секретарь Елена
ЖИРНОВА

Первый заместитель главного редактора Наталья
ИГРУНОВА

Галина
КЛИМОВА
Владимир
МЕДВЕДЕВ

Заместитель главного редактора Александр
СНЕГИРЕВ

Редакционный совет

Мария
АНУФРИЕВА
Сухбат
АФЛАТУНИ
Муса
АХМАДОВ
Ольга
БАЛЛА
Дмитрий
БИРМАН
Денис
ГУЦКО
Фарид
НАГИМ
Илья
ОДЕГОВ
Валерия
ПУСТОВАЯ
Ренат
ХАРИС
Александр
ЧАНЦЕВ
ЭЛЬЧИН

СОДЕРЖАНИЕ

«Дружба народов» — пути и горизонты. <i>Заочный круглый стол</i>	3
--	---

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Иван ВОЛОСЮК. Не ради сцепления речи. <i>Стихи</i>	73
Владимир ЛИМ. Последнее кочевье. <i>История вымышленная, но правдивая.</i> <i>Окончание</i>	77
Станислав МИНАКОВ. Сашкин лес. <i>Стихи для псалтериона</i>	144
Игорь МАЛЫШЕВ. Три рассказа	147
Евгений ТОПЧИЕВ. Зло блуждает где-то рядом. <i>Рассказы</i>	162
Сергей ПОПОВ. Илья. <i>Скелет из семейного шкафа</i>	177
Александр МАХНЁВ. Иронические рассказы	187
Наталья КАРАЕВА. Всё сложилось. <i>Рассказ</i>	198
Амаяк ТЕР-АБРАМЯНЦ. Два рассказа	205
Лидия ГРИГОРЬЕВА. Охотничья луна. <i>Стихи</i>	212

ДРУЖБА НА ВЫРОСТ

Ибрагим ШАОВ. Общий котёл. <i>Рассказ</i>	215
---	-----

ДРУГАЯ ОПТИКА

Амарсана УЛЗЫТУЕВ. В Индию духа купить билет. <i>Поэма</i>	218
--	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Юрий КАГРАМАНОВ. Другая дорога	226
--------------------------------------	-----

НАЦИЯ И МИР

Надежда БЕСФАМИЛЬНАЯ. Душанбинские записки	235
--	-----

ЗОЛОТЫЕ СТРАНИЦЫ «ДН»

Юрий ТРИФОНОВ. Исчезновение. <i>Главы из романа</i>	245
---	-----

ТРИФОНОВ 100+

Леонид БАХНОВ. В отблесках костра. <i>«Московские» повести Юрия Трифонова</i>	255
---	-----

ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАРОМЕТР

Евгений АБДУЛЛАЕВ. Возвращение «частника»	264
---	-----

ПРАВИЛА ИГРЫ

Борис МИНАЕВ. Реинкарнация Шарикова	268
---	-----

SUMMARY	272
---------------	-----

«Дружба народов» — пути и горизонты

В заочном круглом столе принимают участие:

*Алексей Алёхин, Максим Амелин, Мария Ануфриева,
Сухбат Афлатуни, Ольга Балла, Евгения Джен Баранова,
Ефим Бершин, Мирослава Бессонова, Ирина Богатырёва,
Игорь Булкаты, Евгений Бунимович, Александр Бушковский,
Валерий Былинский, Анатолий Валевский, Николай Верёвочкин,
Герман Власов, Иван Волосюк, Лилия Газизова, Дмитрий Гасин,
Лидия Григорьева, Максим Гуреев, Денис Гуцко, Женя Декина,
Александр Джумаев, Сергей Дмитренко, Елена Долгопят,
Варвара Заборцева, Вера Зубарева, Денис Драгунский,
Шамиль Идиатуллин, Геннадий Калашников, Алёна Каримова,
Алексей Колесников, Денис Колчин, Константин Комаров,
Владимир Коркунов, Андрей Коровин, Анатолий Королёв,
Илья Кочергин, Марина Кудимова, Игорь Кузнецов,
Михаил Кураев, Борис Кутенков, Елена Лепишева,
Владимир Лидский, Владимир Лим, Игорь Мальшев,
Анна Маркина, Александр Марков, Александр Мелихов,
Вадим Месяц, Борис Минаев, Марина Москвина,
Ирина Муравьёва, Вадим Муратханов, Фарид Нагим,
Даур Начкебия, Олеся Николаева, Саша Николаенко,
Владимир Нуров, Илья Одегов, Александр Орлов,
Сергей Пагын, Сергей Прудников, Валерия Пустовая,
Олег Рябов, Владимир Салимон, Диана Светличная,
Роман Сенчин, Евгений Сидоров, Олег Сидоров,
Евгений Степанов, Тамерлан Тадтаев, Алексей Торк,
Амарсана Улзытуев, Алексей Устименко, Илья Фаликов,
Мадина Хакуашева, Анатолий Цирульников, Александр Чанцев,
Евгений Чижев, Константин Шакарян, Дмитрий Шеваров,
Леонид Юзефович*

«Дружба народов» — единственный в России литературно-художественный и общественно-политический журнал, системно поддерживающий постсоветское культурное пространство на основе русского языка, — в прошлом году отметил 85-летие.

В 1939-м появился не просто новый ежемесячник — была учреждена институция, предназначенная для знакомства с творчеством народов СССР, публикации произведений авторов из союзных республик в переводах на русский язык и тем самым — для формирования общего культурного пространства многонационального государства. Мы и теперь не просто печатаем тексты — мы утверждаем право разных голосов звучать на общем русском языке.

За время существования «ДН» наработан огромный опыт.

На страницах журнала публиковались Константин Симонов, Чингиз Айтматов, Расул Гамзатов, Василь Быков, Олесь Гончар, Юрий Трифонов, Нодар Думбадзе, Кайсын Кулиев, Анатолий Рыбаков, Грант Матевосян, Юрий Рытхэу, Мустай Карим, Яан Кросс, Даниил Гранин, Чабуа Амирэджиби, Абдижамил Нурпеисов, Лев Аннинский, Левон Хечоян, Валентин Курбатов, Олжас Сулейменов, Леонид Юзефович, Анатолий Ким, Александр Мелихов, Анар, Евгений Чижов, Михаил Кураев, Евгений Попов, Сухбат Афлатуни, Павел Крусанов, Сергей Пагын, Анатолий Королёв, Марина Кудимова, Роман Сенчин, Захар Прилепин, Шамиль Идиатуллин и другие замечательные писатели, всех не перечислить.

Традиционно в центре внимания журнала — межнациональные, межконфессиональные и межкультурные отношения.

Этим проблемам посвящаются тематические и национальные спецвыпуски («Дружба народов — дружба конфессий», «Современная литература народов России», «Дружба на вырост», «Провинция. Точки роста», «Саха (Якутия) на страницах “ДН” и другие). В том числе представляющие современное состояние литературы Армении, Грузии, Казахстана, республик Поволжья и Северного Кавказа.

Практически в каждом номере в рубриках «Страна Россия», «Нация и мир», «Моя малая родина», «Культурный слой», «Дружба на вырост», «Жизнь в литературе» публикуются статьи, эссе и очерки авторов из регионов России.

За последние годы напечатаны переводы поэзии и прозы с аварского, азербайджанского, армянского, белорусского, бурятского, калмыцкого, коми, осетинского, табасаранского, татарского, тувинского, узбекского, украинского, шорского, якутского и других языков.

Среди приоритетных тем журнала — поддержка русских и русскоязычных писателей, утверждение традиционных ценностей, проблемы детского чтения, работа с молодыми литераторами (тут и публикации, и семинары, и мастер-классы).

Проведённые журналом круглые столы «Русская и русскоязычная культура на постсоветском пространстве», «Война и мир в XXI веке», «Уроки чтения: классический сюжет», «Только детские книги читать...», «Места силы и гении тамошних мест» стали важной трибуной для писателей, публицистов и критиков из стран СНГ и республик и областей России.

«Дружба народов» остаётся флагманом в продвижении русского языка через литературу.

Особая миссия журнала очевидна.

Мы обратились к нашим авторам из России, стран СНГ и дальнего зарубежья с вопросами:

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Михаил КУРАЕВ, прозаик, сценарист, лауреат Государственной премии России (Санкт-Петербург)

История последних десятилетий журнала «Дружба народов», входящего в короткий перечень самых авторитетных литературных изданий, сама по себе художественна и даже образна.

Пожалуйста. До 1990 года — орган СП СССР, а с 1991 года — частное издание. Частным делом стала дружба народов!

Как не отдать должное принявшим исключительно на себя труд единения писателей на пространстве бывшего СССР, писателей, живущих принципами гуманизма, патриотизма и интернационализма.

По-своему наглядна и по-своему образна «география» перемещения редакции журнала «Дружба народов» по отношению к главной резиденции российских писателей, к Дому Ростовых.

Помнится, журнал занимал правое, если от входа, крыло полуциркульного флигеля, примыкающего к Дому Ростовых. Как только «дружба народов» со сменой ценностных ориентиров оказалась не в приоритете, редакцию попросили освободить место под ресторан. Столы, рукописи и стулья перенесли через двор в крохотные комнатухи в левом флигеле. Но по-прежнему, приехав в Москву, можно было зайти поздороваться с мудрым и неторопливым Александром Эбаноидзе, узнать о литературных жемчужинах, отрытых Леонидом Бахновым, поговорить с магнетически притягивающей таланты Натальей Игруновой...

Бывало, принесёшь вам роман никому не ведомой Анны Тугаревой «Иншалла. Чеченский дневник», глядишь, и дебютантка с вашей лёгкой руки в шорт-лист престижной премии попала.

Сама редакция журнала «Дружба народов» была вершиной, с которой можно было обозреть литературное пространство нашего отечества. Надо ли говорить, что журнал был высоким подиумом для писательского братства, не разделённого новыми границами. Все же понимают (или не все?), что подлинное искусство, музыка, живопись, литература интернациональны по своей природе.

Не помню, разве что любители детективов припомнят, как «Дружбу народов» снова попросили убраться, но теперь уже вовсе за пределы Садового кольца. Свято место пусто не бывает. И снова ресторан! Не знаю, был ли Дед Хасан хозяином нового ресторана, или нет, но убили его там, где была «Дружба народов».

Полуциркульные флигели Дома писателей когда-то были заселены литературными обителями, а теперь они, как клешнями, обнимают ресторанами сквер с памятником Льву Николаевичу Толстому, писателю...

В новом месте обитания «Дружбы народов» в непроглядных московских далях так и не случилось побывать, а в ресторане, в том что подешевле, был.

Тридцать пять лет сотрудники журнала «Дружба народов», предоставленные сами себе, не дают изданию сгнить, выживают в новых реалиях.

Что за реалии?

Нет денег для оплаты труда переводчиков, сколько сами без зарплаты сживали, беда, но журнал отыскивает, призывает авторов из национальных республик и зарубежных стран, пишущих на русском языке. Дело настолько важное, государственное, что неслучайно и наш Президент говорил о значимости русского языка, о необходимости его всемерной поддержки и распространении в современном мире. Большое государственное дело взял на себя сегодня журнал «Дружба народов».

Хочется отдать должное тем, кто сохранил «Дружбу народов», удержал на высоте художественной и публицистической мысли, уберёг в пору расцвета всевозможных

спекуляций от подмены ценностей, сохранил достоинство своего обязывающего имени.

Но — кто задолжал?

Кто отдаст должное?

Евгений СИДОРОВ, литературный критик, литературовед, эссеист, Первый секретарь Союза писателей Москвы, член Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО (Москва)

Понятно, что надо собирать осколки старых дружб и создавать новые культурные связи. Но это возможно только отказавшись раз и навсегда от имперских амбиций.

Нынешняя «Дружба народов» — это дружба конкретных людей по обе стороны границы. Это не абстракция, а образ действия и мышления. И вот моё предложение: почему бы для начала не организовать и не провести с деятельным участием журнала международную встречу писателей и переводчиков стран СНГ в Ташкенте или в Алматы? Почему не обсудить по сердцу и по уму, куда ж нам плыть.

Владимир НУРОВ, народный поэт Республики Калмыкия, заслуженный работник культуры Калмыкии и Российской Федерации (Элиста, Республика Калмыкия)

1. Журнал «Дружба народов» — всегда был центром притяжения культуры и литературы народов великой России, тем очагом, который собирал и сближал народы в этом уютном доме, где мы всегда находим внимание, понимание и поддержку.

Я с благодарностью вспоминаю свою первую публикацию в вашем журнале. Это было в 1972 году, в пятом номере. Моя подборка стихов на русском языке была опубликована в переводе знаменитого переводчика, Народного поэта Калмыкии Семёна Липкина.

Это незабываемо!.. Это могло быть только в «Дружбе народов», чтобы молодому, неизвестному поэту из глубинки уделили такое внимание и отеческую заботу.

Это невероятно... но это случилось через полвека, опять же в «Дружбе народов»! Был опубликован отрывок из моего романа «Белобородый старец» в 10 номере 2024 года в переводе Геннадия Калашникова.

Спасибо редакции журнала за такое постоянное продвижение литературы народов России и стран СНГ. Это свидетельствует о том, что «Дружба народов» — настоящий флагман современной литературы.

2. Ценность работы журнала заключается в сближении литератур народов России и стран СНГ. По вашим ярким публикациям мы имеем представление о состоянии и уровне литератур разных народов. Постоянно чувствуем пульс и дыхание жизни. Расширяем свой кругозор. В этом достоинство и ценность опыта и мастерства.

3. Больше внимания литературе малых народов России. Оказывать практическую помощь в пропаганде их достижений, в переводе их на русский язык. Очень трудно найти контакты переводчиков прозы. Я готов сотрудничать и дальше с любимым и незаменимым журналом «Дружба народов».

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Сухбат АФЛАТУНИ (Евгений Абдуллаев), прозаик, поэт, критик, философ, педагог, дважды лауреат Русской премии, главный редактор журнала «Восток Свыше» Ташкентской епархии РПЦ (Ташкент, Республика Узбекистан)

1. Есть журналы как судьба. В 2001 году я оказался в небольшом флигеле на Поварской (меня привёл Санджар Янышев, который уже публиковался в «Дружбе народов»). Под мышкой была папка с распечаткой дебютного «Ташкентского романа». Пустые узкие коридоры... Первая незапертая дверь, просторная комната; женщина средних лет. «Вам кого?» — «Нам бы... отдел прозы...» — «Я — проза», — ответила женщина. Это была замечательная Юлия Владимировна Ильина-Король, которая стала моим первым «дружбинским» редактором. Не сразу, но роман был принят, и в 2005 году вышел; в том же году была опубликована в «ДН» и моя первая рецензия.

Поэтому вопрос, почему я выбираю для своих публикаций «Дружбу народов», для меня не стоит. Это не я выбираю, это журнал меня выбрал, за что я ему благодарен. За прошедшие почти четверть века, конечно, многое изменилось. И состав редакции, и состав авторов. (В октябрьском номере «ДН», где вышел «Ташкентский роман», рядом стояли тексты Льва Аннинского, Георгия Кубатьяна, Владимира Шпакова...) Иных уж нет, а те далече. Но дух журнала, его главные смыслы и цели остались прежними.

2. «Дружба народов» — это один из важнейших механизмов культурной интеграции на постсоветском пространстве. Это журнал делал в 90-е, когда на глазах распадались, растекались и крошились прежние литературные связи. Это журнал делал в 2000—2010-е, когда прежние контакты стали восстанавливаться и даже начали возникать новые российско-белорусские, российско-грузинские, российско-казахстанские и прочие совместные проекты. Это журнал продолжает делать сегодня, несмотря на новое обострение локальных национализмов на постсоветском пространстве и попытки культурной изоляции России (как извне, так, увы, порой и изнутри).

Что касается вопроса о наиболее ярких публикациях последних лет, то, на мой взгляд, все публикации достаточно яркие: блёклых не припомню. Это в советские годы, когда журналы должны были выделять энное количество журнальных полос под нечто «идеологически правильное» (и, как правило, непреодолимо скучное), всё более-менее живое на этом фоне выглядело событием. Сейчас яркое и интересное в каждом номере почти всё. Это видно и по внешней оценке — например, по спискам финалистов крупнейших российских премий. Как недавно пошутил в своём «книжном» подкасте Константин Мильчин, у «Дружбы народов» есть своя «квота» в премиальных списках «Большой книги». Никакой квоты, конечно, нет. Просто серьёзное отношение к качеству отбираемого и печатаемого.

3. Я бы выделил два. Первое: более современный, более регулярно обновляемый сайт. С выкладыванием, желательно, всех материалов. Когда нормально функционировал «Журнальный зал», о последнем можно было не заботиться, но сейчас это всё более актуально.

Второе, но это касается всех главных «толстых» журналов. Необходимо, чтобы на «Дружбу народов» (равно как и «Новый мир», «Знамя»...) была обязательная подписка во всех центральных библиотеках 89 субъектов РФ. Кроме того, и это уже касается только «ДН», номера журнала должны поступать в русские культурные центры во всех постсоветских государствах. Это очень важное решение, и его нужно лоббировать.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Роман СЕНЧИН, прозаик, редактор, литературный критик, лауреат премий Правительства РФ, «Большая книга», «Ясная Поляна» (Санкт-Петербург)

В «Дружбе народов» я публикуюсь с 2001 года. Раньше чаще, в последние годы, к сожалению, реже. Да и вообще пишется меньше. Многих, замечая, обстоятельства не располагают к вдохновенной, самозабвенной работе.

Кроме повестей и рассказов, романа «Елтышевы», рецензий и статей журнал напечатал мой очерк «Сидя на московской кухне» о моей малой родине — Туве. (В третьем номере за 2025 год, кстати сказать, прочитал подборки тувинских поэтов Алексея Бегзин-оола и Николая Куулара в переводах Михаила Липкина и Юрия Татаренко.)

Каждый «толстый» журнал для меня особенный, имеет свою физиономию, свою походку в движении литературы. «Дружба народов» выделяется сильнее других. Она сохранила то, ради чего была когда-то создана, — помогает не порваться тем нитям, что связывают культуры народов. Народов и России, и ближнего, и дальнего зарубежья. А в последние годы это особенно важно.

Причём делает это «Дружба народов» ненавязчиво, не давя на читателя.

До сих пор в некоторых изданиях существует, на мой взгляд, ужасная практика тематических номеров. Никто такие тематические номера не читает, они собираются и выходят для галочки. «ДН» поступает умнее и интеллигентнее — из номера в номер даёт место и тем, и другим, и третьим. В каждом номере, по-моему, любому читателю есть что найти по душе и вкусу.

Из тех публикаций последних лет, что мне запомнились: романы Андрея Волоса «Персей» и особенно «Мешалда» — о Душанбе, где автор родился и вырос; рассказы писателя из Казахстана Николая Верёвочкина, проза Ирины Богатырёвой, Саши Николаенко, Андрея Белозёрова, очерк дальневосточника Василия Авченко о его первой поездке в Крым, критические работы Евгения Абдуллаева, Александра Чанцева, Ольги Балла, стихи Олеси Николаевой, Константина Комарова, Инги Кузнецовой... Очень много появляется новых, интересных, оригинальных голосов.

Как и большинство других «толстых» журналов, «ДН» — это настоящий дневник современной литературы.

Какие аспекты и направления?... Я представляю, как сложно «толстым» журналам сегодня. Коллективы редакций крошечные, бюджеты копеечные. Служить в журнале — это без всякого преувеличения подвиг. Я на такое не способен, поэтому и давать советы не вправе.

Знаю, что на «Дружбу народов» пошла атака, возможен рейдерский захват. Но что хотят захватить? Нечего у журнала захватывать, кроме символа, этих двух слов названия. Захватят и умертвят, как умертвили до этого не одно полезное дело.

Надеюсь, с «Дружбой народов» у них не получится.

Марина КУДИМОВА, поэт, прозаик, публицист, переводчик, лауреат Бунинской премии, премии «Венец» и многих других (Москва)

1. Я вообще имею обыкновение печататься только там, откуда зовут. Зовут — значит ждут. В идеале — любят. «Дружба народов» с определённых пор зовёт регулярно — даже тогда, когда я по разным причинам (но не потому, что не слышу

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

и не ценю зов!) не откликаюсь. Я благодарна «ДН» за позывные. Даст Бог, они не умолкнут, а я не оглохну.

2. Для меня ценность в системности, концептуальности и хорошем вкусе без оглядки на моду. При всех новациях нынешняя редакция «ДН» исповедует именно эту триаду. Вот уже 85 лет — с тех времён, когда журнал ещё пребывал в статусе альманаха «Творчество народов СССР», и когда стал журналом «Дружба народов», и в период пребывания органом СП СССР, и в трудном свободном плавании издание было — и остаётся — открытым для всех народов как России, так и бывшего СССР. Разумеется, и всех, кто хочет предстать перед русским читателем на русском языке. Как трудно формируется сегодня портфель переводов, можно себе представить. Но недавний — и, надеюсь, имеющий шансы продолжаться на страницах журнала — проект «Современная литература народов России» показывает, что мастерство и энтузиазм переводчиков не иссякли. Я читала публикации в рамках проекта и хочу отметить подборку кабардинки Зарины Кануковой в переводах Ирины Ермаковой и поэта из Горной Шории Геннадия Косточакова в переводах Максима Амелина. Очень мне нравится рубрика «Моя малая родина». Видимо, сказывается глубоко провинциальное моё происхождение. Отмечу Варвару Заборцеву («О реке Пинеге») и Гузель Агишеву («Бапэс и картатай»).

Не всегда есть время читать большую прозу, но не могла пройти мимо публикации романа Марии Бушуевой «Томский телеграфист». Любопытная повесть загадочной персоны Илая Илимара «Колдун».

Разумеется, по основному роду занятий много читаю стихов. Отдел поэзии «ДН» — выше всяких похвал по отношению как к мэтрам, так и к молодым! Сергей Попов, Алексей Дьячков, Анна Павловская, Юрий Казарин, Сергей Пагын, Сергей Золотарёв, Елизавета Евстигнеева, Дмитрий Трибушный, Ефросиния Капустина, — перечень отличных публикаций последних лет далеко не полный.

3. Я помню слишком много хорошего, чтобы опираться на актуальное. Помню зашкаливающие за миллион тиражи конца 80-х. Помню 200-тысячное издание «Дата Туташиа» и другие важнейшие книги своего времени в «Библиотеке “ДН”». Помню новые публикации Фазиля Искандера и Чингиза Айтматова, Виктора Астафьева и Алесея Адамовича. Кстати, очень перспективной мне кажется рубрика «Золотые страницы». С волнением читала Льва Аннинского! Очень сильные материалы, посвящённые 100-летию Василя Быкова. Весьма полезен Журнальный клуб «ДН».

И всё же актуальность журнала по-прежнему в руках переводчиков. Это направление надо развивать и всемерно поддерживать, сколь это ни тяжело в новые времена! Нам всем придётся отложить собственные экзерсисы и вернуться к подстрочникам и оригиналам. Как писал печатавший в «ДН», кажется, с 83-го года свои стихи, но и переводы, которым отдавал немалую часть души, Владимир Леонович:

Переводчик, сломай карандаш:
перескажешь — размажешь — предашь.
Этот подлинник неуследим.
Подвиг — подвигом переводим.

Новых подвигов на поле словесной битвы желаю дорогому журналу!

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Александр МЕЛИХОВ, прозаик, публицист, литературный критик, лауреат Международной премии им. Фазиля Искандера, премии «Неистовый Виссарион» за вклад в развитие критической мысли и многих других, главный редактор журнала «Нева» (Санкт-Петербург)

1. Национальный вопрос — одна из важнейших тем моей публицистики и прозы, и потому я прежде всего вспоминаю редакцию, для которой это тоже одна из важнейших тем. Разрабатываемая в течение нескольких десятилетий с редкой широтой взглядов и компетентностью. С тревогой думаю о том, что этот подвижнический коллектив заменить некому. По крайней мере, на моём горизонте достойной замены не вижу. Остаётся просить судьбу, чтобы она продлила до ста двадцати лет его активность и энтузиазм. Впрочем, когда одному римскому папе пожелали жить до ста двадцати, он ответил: не будем ограничивать милость Господню.

2. Ценность опыта «Дружбы народов», прежде всего, в его продолжительности и в том, что в советское время называли широтой охвата. Если хочешь что-то узнать о том, что происходит в культурном пространстве многонациональной России, читай «Дружбу народов», лучшего источника я не знаю. А неярких публикаций в журнале просто нет.

3. Мне кажется, самое актуальное сегодня — хранить верность вечному. Тому, что Достоевский называл *всемирной отзывчивостью русской культуры*. То есть продолжать делать то, что редакция делала всегда и, не сомневаюсь, будет делать независимо от моих пожеланий.

Леонид ЮЗЕФОВИЧ, прозаик, лауреат премий «Большая книга», «Ясная Поляна», «Национальный бестселлер» (Москва)

Журнал «Дружба народов» — это не просто ежемесячник, но институция, возникшая в 1939 году для публикации произведений писателей республик СССР в русских переводах. Теперь СССР нет, отношения между его бывшими частями часто оставляют желать лучшего, но в истории государств и народов культурные связи всегда бывают прочнее политических. Тем не менее теперь редакционная политика «Дружбы народов» направлена главным образом на поддержание таких связей между народами не всего бывшего СССР, а России. Русский интеллектуальный роман, чукотский миф и татарская сага на равных существуют на его страницах. «Дружба народов» превращает «их» в «нас» — без пафоса, без приукрашивания.

Сегодня, когда мир тонет в море «идентичностей», журнал напоминает: культура — не сувенирный ковёр с узорами для туристов. Это язык, на котором народ говорит с самим собой, — и, если дать ему быть услышанным, окажется, что все мы говорим об одном. Главная заслуга журнала в том, что он показывает: мы уже связаны единой на протяжении сотен лет историей, вместе пережитой болью, общими надеждами.

Сегодня журнал стоит перед вызовом: как остаться мостом между культурами в эпоху, когда одни тонут в глобализации, а другие замыкаются в локальных идентичностях? На мой взгляд, главная задача «Дружбы народов» — показать, что «многоголосие» не советский реликт, а инструмент для жизни в будущем.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Иван ВОЛОСЮК, поэт, переводчик, журналист (Москва)

Я печатаюсь в «Дружбе народов» с 2015 года. Другим журналам, которые предлагают мне опубликоваться на том основании, что я из Донбасса, потому что вдруг всем стала интересной — в основном по команде сверху — «донецкая литература», я отвечаю избитой фразочкой: «Где вы были десять лет?»

Пусть это у меня посттравматическое, но я прекрасно помню место, обозначенное в голове как «уличные столы для настольного тенниса возле зелёного дома», где я получил письмо от Галины Климовой с первой составленной ею подборкой и словами, что в ней всё — и жизнь, и война, и Бог.

Это был июль 2015-го. Дружковка. Ненавижу слово «беженец», но я был человеком, уехавшим без вещей из круглосуточно обстреливаемого Донецка: документы и смартфон, брюки и летняя футболка с надписью Italy. Видимо, это было «пророчество», потому что пару лет спустя мои тексты перевели на итальянский...

Там, в Дружковке, меня нашли и ответили на мои письма «Юность», «Волга», «Новый берег» и многие другие российские и мировые журналы, но «Дружба народов» — и когда я вернулся в Донецк, и когда переехал на ПМЖ в Россию, — всегда была главным моим публикатором: поэзия, переводы с украинского и белорусского языков.

Я не совсем понимаю, что значит «публикации не способствуют росту патриотизма», — в этом обвинили журнал, призвав к его «национализации». С обиженнописательского это переводится как «напечатали не меня, а другого, давайте передадим журнал Союзу писателей, где я состою, — они и печатнут по квоте что-то». Но прямо же так не скажешь — тогда в ход идёт «патриотизм».

Давайте возьмём для примера поэтессу и военкора Анну Долгареву. Она своей поддержки СВО не скрывает. Зададим вопрос: какой из главных, не местных, вроде «Огней Кузбасса» или «Алтая», а именно «толстяков», её печатает? Правильно, «Дружба народов».

Какой из журналов несколько лет посылает свежие номера в Донецкую республиканскую библиотеку им. Крупской?

Кто вытащил из самотёка и первым всерьёз представил в России поэзию священника из Донецка Дмитрия Трибушного? В отличие от поэзии Трибушного, «проза.doc» опубликованного в «ДН» «точно» (№6/2020) прозаика Анатолия Николина и роман о событиях на Донбассе Сергея Самсонова «Держаться за землю», напечатанный в трёх номерах за 2018 год и получивший премию «Ясная Поляна», не «разлетались» по социальным сетям столь стремительно. Но это важная форма литературной репрезентации региона, в случае с Николиным, погибшим в Мариуполе в 2022-м году в возрасте 76 лет, — абсолютно бесценная.

Кто напечатал моего земляка Александра Курапцева?

Кто просил с завидной настойчивостью: «Ваня, порекомендуй нам авторов из Донбасса, пусть пришлют стихи, мы всё прочитаем и ухватимся за соломинку Божьей искры, если она там будет!»

«Дружба народов» уже пережила отрывание от корней, когда в 2012 году журнал лишили помещения в Доме Ростовых на Поварской. Судьбу тех, кто тогда выгнал редакцию, я не могу назвать счастливой. И важно то, что торжество справедливости в случае с МСПС стало возможным благодаря вмешательству государства. Теперь же руками государства пытаются совершить вопиющую несправедливость.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Евгений БУНИМОВИЧ, поэт, журналист, правозащитник и общественный деятель, Заслуженный учитель России (Москва)

1. Для меня важно, что журнал «Дружба народов» выбирает не только литературно-художественные темы и материалы для публикаций, но, следуя своему обязывающему названию и — соответственно — миссии, сохраняет и развивает общественную, социальную линию на своих страницах, регулярно поднимает актуальные общественно-значимые темы, публикуя соответствующие обсуждения, статьи, эссеистику... Поэтому именно в «Дружбу народов» в последние годы я предлагал свои размышления о нашем молодом поколении, о нынешних школьниках, а также полемические заметки об образовании, хронику работы детского омбудсмена и другие материалы, затем появившиеся на страницах журнала. Причём некоторые из этих актуальных тем были предложены мне редакцией в рамках готовящихся специальных публикаций.

2. Думаю, основная особенность журнала — регулярное знакомство читателей с поэтами, прозаиками, критиками, публицистами из разных областей, краёв и республик России, а также стран ближнего зарубежья, пишущих как на русском, так и на многих других языках, — в хороших, качественных переводах.

Можно перечислить целый ряд публикаций, имевших заслуженный серьёзный резонанс, но для меня лично особенно важно, что именно в этом журнале состоялись последние прижизненные публикации недавно ушедшего от нас моего давнего и близкого друга, прекрасного поэта и прозаика и, наверное, самого знаменитого и титулованного российского сценариста Юрия Арабова. Он выбрал «Дружбу народов». И, конечно, неслучайно, что его посмертная публикация состоялась так же в этом журнале.

3. Тут, полагаю, вся суть, смысл, цели — всё заложено в самом обязывающем названии, которое, не скрою, в определённый период казалось уже застывшим привычным клише, золотым фонтаном на ВДНХ с колосьями и подсолнухами, но сегодня снова стало одним из самых острых, болезненных, а зачастую и трагических вопросов, вставших перед человечеством.

Николай ВЕРЁВОЧКИН, прозаик, журналист, лауреат Русской премии (Алматы, Республика Казахстан)

1. Своими литературными крёстными отцами считаю трёх русских писателей: Чингиза Торекуловича Айтматова, Александра Луарсабовича Эбаноидзе, Леонида Арамовича Теракопьяна. Храм, в котором я был крещён лет двадцать тому назад, ютился в нескольких крохотных комнатках, заваленных рукописями. Кабинет настоятеля храма, кроме него самого, мог с трудом вместить одного не очень упитанного посетителя. С риском спровоцировать лавину из папок. Храм назывался «Дружба народов». В названии предельно лаконично и точно был сформулирован смысл существования журнала.

Те времена вспоминаются запахом дыма горящих на помойках книг, выброшенных уезжающими на «исторические родины» земляками. Сам ты, никуда не уезжая, стал для своих друзей иностранцем. Из тёмных подворотен обывательского сознания скалила зубы отвратительная спесь, предтеча ненависти и фашизма. Знакомая журналистка, вернувшись из командировки в Сибирь, трагическим шёпотом

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

рассказывала об известном писателе, зарабатывающем на жизнь кладкой печей. Писатель вызывал уважение. В этом было достоинство: в тяжёлые времена он разделит участь своих читателей.

Впрочем, читатели в самой читающей стране мира внезапно исчезли. Толстые журналы, на которые можно было подписаться лишь за особые заслуги перед человечеством, выходили тиражами, сравнимыми с заводскими многотиражками. Настоящей литературе была уготована судьба бомжа.

Если литература не нужна в такие тяжёлые времена, нужна ли она вообще? Есть вопросы, от которых хочется застрелиться.

И вдруг звонок из «Дружбы народов»: «Мы хотели бы опубликовать вашего “Человека без имени”».

Засветился огонёк в непроглядной ночи.

И вот вопрос: почему я печатаюсь в «Дружбе народов»? Потому что мне нравится название журнала. Потому что верю: наступит время, когда оно будет соответствовать действительности. Потому что в этом храме я был крещён.

2. Ценность опыта «Дружбы народов» именно в том, что во времена, которые Л.А.Теракопьян назвал тектоническим разломом, во времена раскола и раздора, розни и лжи журнал оставался верен своему названию. Он оставался одним из немногих островов дружелюбия в океане вражды.

Журналу советовали сменить название. Не сменили. Не изменили своему предназначению. Журнал с таким названием особенно необходим в смутные времена, когда народы не особенно дружат.

Кто-то под телекамеры бил общую антикварную посуду. «ДН» в тишине и печали склеивал осколки. Восстанавливал утерянные связи. Искал на некогда общем пространстве авторов. Противостоял всеобщей отчуждённости. Этот тихий подвиг благородства ещё ждёт своего исследователя.

Что касается ярких публикаций, я не критик. Очень много известных и неизвестных мне авторов, которыми я восхищаюсь. Особое уважение вызывает то, что публиковались они не ради гонорара. Думаю, что им тоже нравится название журнала.

3. Развитие журнала именно в его предназначении: в поисках и открытиях новых авторов не только в России, но и в ближнем, и в дальнем зарубежье. Не делить русскоязычных людей на «наших» и «не наших» по месту проживания. Находить среди тех и других таланты, противостоящие общему отчуждению.

Для этого «Дружба народов» должна быть независимой. Это очевидно.

Представьте: журнал стал органом какой-то группы писателей. Из этого автоматически следует потеря его предназначения. Какая дружба народов? Ты, пацан, не с нашего двора. Кто не с нами, тот против нас.

Если какой-то группе литераторов нужен свой журнал, можно обойтись без рейдерского захвата, без битвы за логотип. Создайте свой — и никаких проблем. Придумайте своё название получше. Если сможете. Только не надо покушаться на дружбу народов. Уже покушались. И весьма успешно.

Ефим БЕРШИН, поэт, прозаик, журналист (Москва)

1. Нынешний период русской литературы называют по-разному, но я уже давно для себя определил его суть: это «сектантский период» нашей литературы. Расслоение литературных изданий и самих литераторов началось ещё в годы советской власти, но сегодня приобрело гротескные формы. У нас фактически две литературы, представители

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

которых друг о друге часто даже не слышали. Секты «литературных патриотов» и «литературных либералов» политизированы настолько, что почти не сходятся не только в политическом, но и едином литературном пространстве. Но есть и группа неприсоединившихся. Она невелика, но у неё есть свой проверенный временем печатный орган — журнал «Дружба народов». Из старых «толстых» журналов «ДН» чуть ли не единственный, на чьих страницах сходятся поэты и прозаики самых разных политических взглядов. Журнал отбирает лучшее с точки зрения непосредственно литературы. И, к примеру, мне, «неприсоединившемуся», зачастую просто некуда идти со своими стихами и прозой, кроме как в «Дружбу народов». Поэтому я этот журнал и выбираю.

2. А ценность работы журнала именно в том и заключается, что в период всеобщего разобщения и распада он пытается, что называется, соединять берега. Он словно бы сам по себе является тем цементом, тем строительным материалом, скрепляющим здание русского и не только русского культурного пространства — всего того, что можно прочесть на русском языке. Даже удивительно, как при фактическом отсутствии государственной поддержки журнал умудряется печатать большое количество переводов стихов и прозы с десятков других языков. И ещё одна важная ценность. Во времена нашествия бесконтрольной интернетной так называемой литературы (не могу подобрать для неё достойного слова) высокопрофессиональные редакторы журнала осуществляют отбор рукописей исключительно по их качеству. Чтобы читатель всё-таки сохранил способность отличать талантливые произведения от экспансии графомании.

3. Если же говорить об актуальном направлении развития, то его особо-то и менять не надо. Надо продолжать делать то, что редакторы «Дружбы народов» делают и сейчас: сохранять русское культурное пространство при помощи русского языка и с помощью авторов, проживающих в разных странах, но говорящих, думающих и пишущих по-русски. И если даже сегодня народы не очень хотят дружить, то нужно буквально заставлять их делать это на страницах журнала.

Все камни равно разбросаны. Наступает время их собирать.

Амарсана УЛЗЫТУЕВ, поэт, переводчик, лауреат Государственной премии по литературе Республики Бурятия (Улан-Удэ, Республика Бурятия)

«Дружба народов» — особенный журнал. Во-первых, он выжил. А многие другие — нет. Например, из столичных — «Октябрь», «Арион» и др. «Арион», возможно, и до сих пор выходил бы, но, как я понял со слов главного редактора (может быть, я неправильно понял), — на 101-м выпуске журнал выполнил свою миссию.

У «Дружбы народов» миссия в таком ключе — невыполнима, в смысле — со всеми, например, взять и раздружиться, и закончить на этом. Потому что дружить можно и нужно — нескончаемо, бесконечно. Тем более народами. Не воевать же! Вот такая миссия выполнима, и на том стоит журнал, и сие — востребовано читателем, раз до сих пор журнал прилично себя чувствует.

Итак, что же это за миссия такая: подружить народы?

Но сначала — что есть дружба? Казалось бы, простая и понятная вещь, но не всё так просто. В своей работе «Философский камень, или Место во Вселенной» я однажды написал:

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

75. У Контакта или Дружбы всегда есть место для Правды.

76. У Правды всегда есть место для Веры.

77. У Веры всегда есть место для Чуда или Трансцендентного.

78. У Чуда или Трансцендентного всегда есть место для Бога.

79. У Всемогущего Бога нет места для Тлена или Энтропии, но есть место для Надежды.

80. У Надежды всегда есть место для Спасения... и т.д.

Я глубоко убеждён, что миссия журнала — спасти, в том числе и литературный мир, и пишущее человечество. Однажды, как обычно (а журнал я читаю частенько) листая его, я обнаружил там подборку стихов Александра Кабанова. Украинского русскоязычного поэта. Журнал как бы сказал мне: на, дивись, друже! И я действительно удивился. Был уже далеко за 14-й горячий год, а Саша Кабанов продолжал печататься в «Дружбе». Именно в «Дружбе», не в «Новом мире» или «Знамени» — лицевых журналах столицы, что, вообще-то логично для знаменитого лауреата «Русской премии» и всех других премий (чем Саша очень гордился), и, действительно, хорошего поэта. И журнал его печатал, ибо миссия у него такая: дружить литературами, поэтами и писателями и тем самым спасать нас от войны и уничтожения. К сожалению, война всё-таки случилась. Но это уже не вина журнала. Журнал сделал всё, что смог. И за это ему большое человеческое спасибо.

Вадим МЕСЯЦ, поэт, прозаик, издатель (Москва)

1. Мне нравится взвешенная позиция редакции журнала: никаких политических крайностей, выбор авторов по таланту, а не по партийному признаку. Я помню «войны журналов» времён перестройки, но представить себе «Дружбу народов» в подобной роли не могу. Другой подход, иные принципы. Причём высокомерия, «парящего над схваткой», за этим нет. Есть более внимательное отношение к непреходящим вещам, нежели к переменчивой повестке дня. Это не только профессиональная экспертная, но и патриотическая позиция, усиленная интернационализмом, на котором я, как минимум, воспитан. Журнал, на мой взгляд, охватывает весь спектр поэзии и прозы, пишущиеся на просторах России. В любом случае есть определенное количество авторов, с которыми можно познакомиться только на страницах «Дружбы народов» и нигде более. Я общался с несколькими главредами журнала и отмечу широту их взглядов на литературную действительность и творческую преемственность поколений. Возможно, это идёт от самой идеи, предложенной Максимом Горьким, инициировавшим создание этого журнала. Коллектив «Дружбы народов» владеет навыками психологической совместимости и умеет работать в команде. Сама эта команда интернациональна. Это вполне обеспечивает контакт с творчеством народов России. «Дружба народов» — издание частное, но при этом продолжает работу на благо нашей многонациональной литературы. Многие авторы, открытые этим журналом, обрели известность и авторитет в литературном мире, благодаря подвижнической деятельности «Дружбы народов» Низкий поклон редакции за это.

2. С разрушением СССР охват национальных литератур по понятным причинам уменьшился. Но это не помешало журналу опубликовать прозу Ованеса Азнауряна и Ваграма Мартиросяна из Армении, стихи Виктории Чембарцевой и Сергея Пагына из Молдовы, Александра Кабанова из Украины, Вячеслава Шаповалова из Киргизии,

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Амарсаны Улзытуева из Бурятии, Сергея Морейно из Латвии, Феликса Чечика из Израиля и т.д. Я издавал в «Русском Гулливере» многих живущих за рубежом и пишущих по-русски, мне радостно, что наша работа с «Дружбой народов» часто пересекалась: у нас общие авторы и друзья. Из публикаций «ДН» отмечу стихотворные подборки Сергея Попова, Айгерим Тажи, Германа Власова, Константина Комарова, Веры Калмыковой, Яна Бруштейна. Многие из перечисленных — авторы моего издательства, что говорит об общности вкусов и о некоторой объективности в независимой оценке произведений. Айгерим Тажи я когда-то включил в шорт-лист премии «Дебют». Замечательно, что она продолжает развиваться и стала известной далеко за пределами Казахстана. Что касается прозы, то назову Владимира Гандельсмана с фрагментами из романа «От фонаря» и роман Владимира Лима «Цунами» про Камчатку. «Проскинитарий» Дмитрия Исакжанова тоже понравился. «Дружба народов», похоже, единственный в стране журнал, который печатает романы с продолжением.

3. Я, с присущим мне авантюризмом, сделал бы эксперимент. Собрал бы молодёжную команду «ДН» из писателей и филологов до 25 лет из разных республик и поручил бы им подготовить специальный выпуск. Шанс, что получится что-то толковое, есть. Главное направление развития — не только объединение народов, но и совместное творчество поколений, отцов и детей. Мне кажется, мы можем найти общий язык.

Даур НАЧКЕБИА, прозаик, лауреат Государственной премии Республики Абхазия им.Д.И.Гулиа и Международной литературной премии им. Ф.Искандера (Сухум, Республика Абхазия)

1. Мы, пишущие как на родном, так и на русском, кому русский язык достался по наследству после развала советской империи, для кого он стал частью национального культурного кода, не можем не ощущать своей «провинциальной заброшенности», не имея выхода к русскоязычному читателю в России и других странах. Таким выходом, отдушиной, если хотите, всегда был и остаётся до сих пор журнал «Дружба народов», ибо другие «толстяки» с большой неохотой или вовсе не берутся печатать переводную прозу и поэзию.

2. Дружба народов — это не так плохо, как ныне принято считать. Если в приснопамятную эпоху этот термин был больше лицемерием и прикрывал умолчание (за что на него сегодня смотрят с иронией «реалисты») существовавших между народами серьёзных проблем, что впоследствии принесло много бед (я говорю как абхаз, чья память и душа изломаны грузино-абхазской войной), то как идеал, к чему на этой планете должны стремиться все народы, он, термин этот — даже идеологема, — был прекрасен. А журнал «Дружба народов» и сегодня с достоинством несёт знамя этого высокого идеала, сделав культурное сближение и взаимопонимание народов через литературу сутью и целью своей подвижнической работы. (Например, публикация прозы Андрея Волоса.)

3. Публикация произведений писателей малочисленных народов бывшего Советского Союза, языки которых находятся под угрозой исчезновения. Такие публикации, с выходом на гораздо более широкую аудиторию, будут косвенным признанием непреходящей ценности языков этих народов, которым великий и могучий русский язык подставил своё дружеское плечо. Что, думается, воодушевит молодых писателей на дальнейшее творчество на родном языке.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Алексей АЛЁХИН, поэт, критик и эссеист, редактор (Москва)

С трудом выжившие «толстые» журналы стали теперь почти последними заповедниками литературы как литературы. Они мало похожи на «толстяков» советского времени и не являются ничьими «органами» (читателям помоложе замечу, что это не то, что они подумали, но тоже к литературе не имеет отношения). Больше схожи, пожалуй, с предшественниками XIX — начала XX века. Это детища бескорыстных усилий кучки единомышленников, заинтересованных в существовании и развитии словесности, спасающих её в половодье безъязыкого масскульта. Таких журналов, серьёзных по уровню, осталось меньше десятка. Из них мне лично по духу, по отношению к культуре близки два-три, вот я в них и печатаюсь. Уже лет тридцать — в «Дружбе народов».

Поэтическая часть журнала издавна была сильной стороной «ДН», и особенно сейчас. Он даёт представительный, под своим углом выбранный (а в журнале, как вообще в искусстве, ценность имеет лишь субъективный взгляд) срез современной русской поэзии. Все поколения, от самого старшего до только входящего в литературу. Почти все лучшие современные стихотворцы здесь печатаются. Не назову имён: терпеть не могу списков, а по отдельности те из них, кому надо, моё мнение знают.

О прозе пусть другие пишут. Я её больше просматриваю, чем читаю, да и не секрет, что тут нынче не так интересно, как в поэзии. Назову один роман, меня захвативший: «Персей» Андрея Волоса (2024, № 7). Это настоящая литература.

Литературная критика почти погибла заодно с гонорами, и за это её трудно винить: тяжёлая и неблагодарная работа, требующая помимо любви изрядной усидчивости. Тем удивительней, что в «Дружбе народов» она жива, по крайней мере поэтическая. И тут не могу не выделить самоотверженного Евгения Абдуллаева, живущего в Ташкенте, — на мой взгляд, едва ли не самого глубокого и пристального поэтического критика нашей словесности в последние десятилетия. Он регулярно печатается в «ДН», там я его главным образом и читаю.

Что до горьковского завета про «поэзию и прозу всех народов СССР», то сегодня, мне кажется, акцент смещается. С переводами в безгонорарную эпоху вообще слёзы, а поэтический перевод изначально штука загадочная, удаётся разве чудом — почти как и сами стихи. Впрочем, изрядная часть этой словесности теперь, как я понимаю, скорей по ведомству «Иностранной литературы». Зато открылось новое обширное поле: русская зарубежная литература. За пределами страны оказались миллионы говорящих и думающих по-русски, а живой язык всегда приводит к литературе — чем и подтверждает свою жизнь. Эти-то вестники русского мира и должны быть в центре поля зрения. Мы находим их на страницах «Дружбы народов», прежде всего поэтов: Феликса Чечика (Израиль), Сухбата Афлатуни (это тот же Евгений Абдуллаев, но в художественной ипостаси), недавно ушедшего Вячеслава Шаповалова (Киргизия), Наталью Белоедову (Узбекистан)... Одно из ярких открытий последних лет — Сергей Пагын (Молдова), в прошлом году он получил Русскую премию. И там — и в «ближнем» зарубежье, и подальше — есть и ещё имена, в том числе молодые. Горькому и не снилось.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Олеся НИКОЛАЕВА, поэт, прозаик, лауреат Национальной премии «Поэт» (Москва)

1. К журналу «Дружба народов» у меня особое, глубоко личное отношение: в 70-е годы там работал мой отец — поэт Александр Николаев, он был заместителем главного редактора. И я хорошо помню, с каким воодушевлением и заботой он относился к подбору авторов, к распространению журнала по всей территории нашей страны. В те годы там печатались Андрей Битов с «Уроками Армении», Булат Окуджава, Юрий Левитанский, Отар Чиладзе, Грант Матевосян.

2. В наше время журнал продолжает эти традиции профессионального отбора текстов, руководствуясь художественными критериями, внимательного отношения к авторам, высококвалифицированной редакторской работой. За последние годы там печатались замечательные произведения Владимира Лидского, Андрея Волоса, Алексея Иванова, Игоря Клеха, Николая Кононова, Александра Мелихова, Давида Маркиша, Александра Вергелеса, Олега Павлова; публиковались стихи Тимура Зильфикарова, Алексея Алёхина, Сергея Пагына, Владимира Салимона, Сергея А. Калашникова, Ефима Бершина и других прекрасных авторов; а также проводились актуальные и содержательные круглые столы, посвящённые русской литературе, культуре, нравственным и эстетическим проблемам.

Да и я имела честь стать постоянным автором этого журнала, который публиковал у себя не только подборки моих стихов, но и главы из книги мемуарных новелл «Тайник и ключики на шее», а ещё и отрывок из романа «Дело Гапона», написанного мною в соавторстве с моим мужем — Владимиром Вигилянским.

3. Основное в журнальной политике «Дружбы народов» то, что она исходит из оснований русской литературы, главным предметом которой является человек. Человек метафизический, человек личностный, человек социальный. Именно это делает журнал явлением важным, интересным, жизненным и живым.

Владимир САЛИМОН, поэт, издатель, лауреат Новой Пушкинской премии, премии «Венец», премии Римской Академии и др. (Москва)

Выбираю «ДН» потому, что, сотрудничая в течение многих лет, уверен в её надёжности, в поддержке. Никогда не было у меня повода усомниться в порядочности её редакции. В отличие от неведомого мне писателя Зиганшина, считаю «ДН» крайне важным и нужным журналом, особенно учитывая нынешнюю ситуацию с дружбой между народами. Если мы хотим, чтобы вышеупомянутая дружба существовала не только формально, мы должны этому как-то помогать, а не разрушать до основания, в чём, конечно, мы большие мастера. Чуть что, находится «голос из народа», готовый подвергнуть сомнению многолетний опыт работы честных и преданных своему делу людей. Мне отвратительно было наблюдать сцену доноительства. За годы, а мне, простите, 73, я привык ничему не удивляться, но не привык потакать клевете и видеть, как порочат близких моих — друзей и коллег. А «ДН» — это мои друзья и коллеги.

Хотел бы, чтобы от «ДН» попросту ОТСТАЛИ! Дали жить и дышать! И продолжать своё честное дело.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Владимир ЛИДСКИЙ, прозаик, поэт, драматург, сценарист, лауреат Международной премии им. Фазиля Искандера, дважды лауреат Русской премии (Бишкек, Республика Кыргызстан)

Публикация в «Дружбе народов» для меня лично всегда была почётным делом. И не только потому, что в редакции тепло относятся к авторам, но и потому, что именно «ДН», как никакой другой журнал, погружён в вопросы сотрудничества и единения стран постсоветского пространства. Я рад быть среди авторов «ДН», рядом с выдающимися литераторами из России и бывших советских республик. К тому же мне близка общественно-политическая позиция журнала, его патриотизм, актуальность, внимание к современным вызовам, смелость в обсуждении болевых точек, адекватный и взвешенный взгляд без перекосов в ту или иную сторону. Всегда приятно работать вместе и рядом с единомышленниками.

Некоторые современные периодические издания пропагандируют сегодня изоляционную политику, способствуют разобщению народов, особенно тех, которые входили когда-то в единую страну. «ДН», напротив, объединяет литераторов, публикуя авторов из самых разных регионов, как российских, так и национальных постсоветских. Особую ценность имеют рубрики «Нация и мир», «Страна Россия», «Моя малая родина». Мне приятно, что одно из моих эссе тоже было когда-то опубликовано под рубрикой «Моя малая родина».

Не менее ценны и цветные вкладышки журнала, где публикуются заметки о художниках бывших советских республик и репродукции их картин.

В каждом номере «Дружбы народов» можно найти замечательные материалы в самых разных разделах. Я, к примеру, люблю непростые тексты Александра Чанцева, постоянные рубрики Бориса Минаева и Евгения Абдуллаева, а если говорить о художественной литературе, то из недавних публикаций с удовольствием прочёл «Проскинитарий» Дмитрия Исажханова и «Кукольную» Анны Маркиной.

Если же говорить о направлениях развития журнала и о грядущих возможностях, то пространство освоения новых тем, новых территорий, находящихся за горизонтом современной российской и постсоветской литературы в странах СНГ, на мой взгляд, безгранично. В ближайшее время обществу будут необходимы попытки профессионального художественного и публицистического осмысления современных событий, поиск новых форм в описании изменившихся реалий, иные рефлексии и эмоции в адрес идейных оппонентов. Такие попытки уже делаются, но, к сожалению, уровень их пока оставляет желать лучшего. Некоторые литераторы думают, что достаточно оседлать повестку, чтобы суметь сказать что-то новое, создать нечто новаторское, но в спешке получается только поверхностное скольжение по актуальным вопросам. К тому же заметно, что сильно торопящиеся авторы имеют своей целью не столько продвижение литературы и создание значимых текстов, сколько возможности, открывающиеся благодаря паразитированию на модных или остро востребованных темах.

А вот один из старейших российских журналов — «ДН» — давно доказал свою дееспособность. Думаю, что именно «Дружба народов» может стоять в авангарде новой литературы в нашей стране, ведь у журнала есть для этого всё: высокопрофессиональный коллектив, корпус отличных авторов, а главное — любовь и внимание читателей.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Илья КОЧЕРГИН, прозаик, лауреат премии Правительства Москвы в области литературы и искусства (д. Кривель Рязанской области)

Больше двадцати лет журнал «Дружба народов» является «моим» журналом, поскольку я читаю его, в нём публикуются написанные мной тексты, и в нём работают люди, которые мне нравятся, которым я доверяю.

Я убеждён, что это прекрасный журнал. У него есть подписчики и поклонники, он открывает новых молодых авторов. И в наше «визуальное» время, когда количество читающей публики неуклонно падает, лучшее, что можно делать для журнала, — это читать его, возможно, помогать ему, но никак не реорганизовывать или передавать другим собственникам.

Если кому-то не хватает своего журнала — ему стоит учредить собственный.

Если кому-то не нравятся напечатанные в журнале литературные тексты — ему стоит выступить на страницах какого-либо литературного издания со статьёй и предложить дискуссию.

Доносы — это стезя неудачников. Не стоит принимать никаких решений, основываясь на жалобах неудачников.

Не надо трогать «Дружбу народов»!

Шамиль ИДИАТУЛЛИН, прозаик, журналист, дважды лауреат премии «Большая книга» (Москва)

1. Моя проза не очень пригодна для публикации в периодике. Пишу я преимущественно романы, которые трудно впихнуть даже в несколько номеров — и смысл такого впихивания неочевиден, учитывая, как быстро выпускаются сегодня книжные издания. Но в «Дружбе народов» я публиковался несколько раз — потому что редакция просила. Дважды в журнале вышли фрагменты из моих неопубликованных романов, и несколько раз я участвовал в круглых столах, обсуждавших значимые для читателей и писателей вопросы. Отказать я не мог — не только потому, что вопросы представлялись мне действительно значимыми, нетривиальными и трогающими лично меня за сердце, а интерес редакции к моим текстам был искренним и живым. Но и потому, что понятие «Дружба народов» для меня родное с младенчества. И само по себе, и как, прости Господи, бренд, украшавший серию книг, в которой я читал и перечитывал повести Василя Быкова, Нодара Думбадзе и Мориса Симашко — а зелёный том Виктора Конецкого был исчитан до полусмерти, при этом жив и лелеем до сих пор. «Детей Арбата» и «Чевенгур», кстати, я, как многие, читал даже не в самом журнале, достать который было невозможно, а в ксерокопиях с него.

Работу на это понятие и на эту традицию я считаю своим долгом.

2. Уже того, что один из знаковых островов советского журнального архипелага существует до сих пор, было бы достаточно для почтительного внимания. Но «Дружба народов» не просто существует, жизнь её полнокровна, активна и всеохватна. Журнал выступает, прости Господи ещё раз, скрепой, обеспечивающей неразрывность времени и пространства: по соседству с «Золотыми страницами ДН» Паустовского публикуются юные выпускницы литературных мастерских, замечательные подборки к юбилеям Окуджавы и Бродского соседствуют с воспоминаниями татарской девочки, екатеринбургские строки перетекают в ереванские, а бакинские — в кубанские,

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

и глубокое погружение в практики детского чтения логично находит дно в дискуссиях о поворотах истории.

3. «Дружба народов» осталась одним из немногих, если не единственным изданием, вопреки густеющей безальтернативности делающим ставку на многообразие и богатство культуры, на сочетание множеств, на сокровища многонационального русского народа, а также его родственников и соседей. В этом — в многоукладности, в отказе от единой колодки, от строевого шага и, говоря словами Тютчева, от общего аршина, — на мой взгляд, сила журнала, его уникальность и его — а значит, наше — будущее.

Сергей ПАГЫН, поэт, лауреат Русской премии (г.Единцы, Республика Молдова)

1. «Дружбу народов» я выбрал давно. Ещё в студенческие времена зачитывался этим замечательным журналом. И неслучайно первый знаменитый и солидный литературный журнал, в котором была опубликована подборка моих стихов, — это именно «Дружба народов». Было это лет 20 тому назад. Меня — начинающего, никому не известного автора, живущего в Молдавии, опубликовал столь легендарный журнал! Это была незабываемая радость и мощная мотивация творить и дальше.

С тех пор и зародилась наша дружба с журналом. И каждая публикация для меня — гордость, честь и признание! Потому что «Дружба народов» — это всегда высокий уровень литературы и поэзии, в частности, это возможность открыть для себя авторов, чьи произведения и вдохновляют, и направляют тебя. Это журнал, который объединяет нас, русскоязычных авторов, живущих в самых разных уголках некогда огромного и единого пространства, и даёт уникальную возможность почувствовать себя частицей великой русской литературы.

2. Что касается публикаций последних лет, то яркое впечатление произвели на меня стихи Ефима Бершина, Владимира Салимона, Наты Сучковой, прозаические произведения Петра Воротынцева, Сергея Золотарёва, Александра Кирова. С огромным интересом прочитал статью Евгения Абдуллаева о современном русском верлибре и заметки о поэзии и поэтах Алексея Алёхина под названием «Проклятое ремесло». Глубоки и очень интересны критические обзоры литературных новинок Ольги Баллы.

3. Я не издатель, и мне трудно об этом судить. Хотя представляется очень перспективным и актуальным критический аспект, потому что профессиональной критики сегодня очень мало. А без критики литература не может полноценно жить и развиваться. Мне кажется, всегда актуальны круглые столы о тенденциях в современной русской литературе, обзоры книжных новинок, итогов всевозможных литературных конкурсов и премий. И радует, что на страницах «Дружбы народов» со всем этим можно ознакомиться.

Желаю журналу успехов, новых талантливых авторов, читателей и открытий!

Денис ГУЦКО, прозаик, лауреат премии «Русский Букер» (Ростов-на-Дону)

Мне сложно отвечать на эти вопросы, поскольку я знаю, чем они спровоцированы.

Триггерит. Как будто я попал в моё тбилисское детство, и мрачноватые вальняные парни, с которыми я столкнулся на выходе из метро, интересуются, с какого я убана и кого там знаю (проще говоря: назови, кто за тебя впишется).

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Совпадение не стопроцентное, конечно — есть нюансы: и вопросы вроде бы о другом, культурные, мирные, и задаёт их не вальяжная шпана, а дорогая редакция.

И всё же.

Опрос этот — реакция понятная и вполне человеческая: давайте все вместе покажем, что такое журнал «Дружба народов», сколько в нём важного, умного, интересного.

И рука было потянулась. А потом вспомнились лица...

Кому покажем?

Зачем им это?

Всё уже случилось: уклониться не удалось, встреча состоялась. Теперь что ни скажи, может обернуться во вред. Любое слово станет зацепкой для новых, более жёстких претензий (конкретных предъяв — если пользоваться лексикой, соответствующей историческому моменту). Увы, ловушка эта исключительно эффективна: ты оказываешься в системе координат, в которой обнулить тебя проще простого — ты жил другим, ты к другому готовился, ты плохо говоришь на этом языке. Отмахнуться бы и идти дальше.

Может быть, так и стоило бы сделать?

Нет, никак?

В моём тбилисском детстве, лет сорок тому назад, я знал, что в такой ситуации важно не говорить лишнего. Во всяком случае, если не называешь *серьёзных имён* на вопрос «кого ты знаешь?» (а где было взять *серьёзных имён* домашнему книжному мальчику?). Журналу, боюсь, тоже негде взять имён, которые откликнутся у тех, кто будет решать его судьбу (это ведь должны быть очень специфические имена — рифмующиеся с историческим моментом, опять же). Всё остальное — в пустоту, «бисер перед свиньями».

Такие мысли.

Что делать вместо — не знаю.

Возможно, опубликовать лучшее, что накопилось в портфеле. Возможно, это станет прощальным жестом. Но совсем не обязательно. Неожиданное поведение, случается, приводит к неожиданным поворотам.

Варвара ЗАБОРЦЕВА, поэтесса, прозаик, лауреат премии «Лицей» (Архангельск)

1. Я слышу в названии журнала что-то очень пушкинское. Дружба как стремление к другому. А народ — не замкнутость, а всеобщность. Не слышу плакатов и трибун, слышу разговор доверительный о своём, о ближнем. Но именно такая переключка, верится, и может сближать далёкое. Или хотя бы создать пространство для встречи. Потому и тянусь к журналу.

2. На обороте январского номера за 2024 год редакция напомнила эссе Льва Аннинского («Территория и культура», 1993, № 9). Хочется процитировать: «Сейчас мы не знаем, куда поворачивает мир, не знаем, куда идёт Россия, мы только вслушиваемся друг в друга». И правда же, страшно вслушиваться в чужое. Будь то незнакомое пространство или неясное время. Но, мне кажется, опыт «Дружбы народов» говорит вот о чём: в потоке событий, течений можно и важно не потерять лицо. Не потерять способность искать лицо везде и всюду. Не просто лицо, а «флейту одинокой думы» среди «барабанной дроби пропаганды», как писал Дмитрий Шеваров на страницах более свежего номера («Двадцать пять бумажных

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

писем» №9, 2024). Где-то по миру всегда рассеяны эти «флейты». Я в это верю и, кажется, журнал тоже.

Мне особенно дорог спецвыпуск «Провинция. Точка роста» (№9, 2023). Думаю, он подхватил что-то очень важное, и оно прорастает в эти годы. Часто начинаю чтение номера с рубрики «Нация и мир». А если в номере есть что-то «На нашей вклейке» — как ребёнок, сначала за картинки. Немногие литературные журналы впускают изображения, но цветные вклейки «Дружбы народов» действительно расширяют пространство номера, а не просто украшают его. Читая переводы, осознаю, что некоторые связи по-прежнему остаются нерастраченными. И понимаю, что держатся они лишь благодаря нерастраченным связям человеческим, за что хочется благодарить и редакцию, и постоянных авторов.

3. «Очеловечить неизбежное» — цитата всё из того же эссе Льва Аннинского. Если и намечать русло, то именно это. Не становиться рупором или полем борьбы, а дальше отчаянно искать и видеть человека за всеми глобальными перипетиями. Объединять не флагами, даже не целями и не вкусами. А, может быть, одним из самых подлинных рвений существа пишущего — осмыслять мир художественно.

Алексей ТОРК (Алишер Ниязов), прозаик, журналист, лауреат Русской премии (Алматы, Республика Казахстан)

1. «Не я выбрал “Дружбу народов” — она выбрала меня...» — так хотел я начать ответ на этот вопрос, но сразу с отвращением зачеркнул: умею я сказануть с противным громыханьем, хотя по сути так оно и есть. В 2005 году из пары десятков российских журналов только «ДН» откликнулась на мой дебют, крошечный рассказик, а конкретно редактор Ирина Яковлевна Доронина. И вот так и иду с ней, с «Дружбой», потому, наверное, что сам плод дружбы народов, являясь сыном русской и узбека. Ну ладно — узбека и, одновременно, уфимского татарина. Поэтому приятно знать, что Сергей Довлатов родился в Уфе. Хотя неясно, в чём тут его заслуга. И в чём моя. Тем более что я в Уфе и не рождался...

2. В чём ценность опыта работы журнала? Журнала под названием «Дружба народов»? Вопрос для меня неясный. Россия родилась как дружба народов, в ней всё — дружба народов: история, искусство и даже бухучёт. Другие российские «толстяки» называются иными именами, просто чтобы их не путали с «ДН». Есть, правда, люди, которые Россию называли тюрьмой народов, угнетающей империей. Ну бросьте. В тюрьме рождаются рабы, а Россия рождала Довлатова и Фазиля Искандера. И Пушкина, конечно, которого Опекушин зачем-то сделал римским сенатором.

Самые яркие публикации последних лет? Давно не читаю современную российскую прозу, хотя знаю, что прекрасная, она есть, её не может не быть. Слежу за поэзией, сейчас её время, время жестокой музыки, звучащей на фоне. Поэтому в «ДН» не пропускаю подборок Александра Кабанова, Андрея Коровина, Ефима Бершина.

3. Это же примерно ответу и на третий вопрос. Актуально развиваться в сторону дружбы народов — сохранения России, «Большой России» как культурной тени... Всех, кто этому противится, хочется поубивать — в смысле, нужно переубеждать. Журнал хорошо это делал и продолжает делать.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Герман ВЛАСОВ, поэт, переводчик, эссеист, лауреат Международной литературной премии им. Фазили Искандера (Москва)

1. «Дружба народов» — один из любимейших «толстых» журналов с многолетней историей, опытом и наследием. Журнал сумел выжить в девяностые, нулевые и десятые годы благодаря профессиональному опыту, самоотверженности и любви к литературе теперь уже, увы, своего немногочисленного коллектива. Необходимо беречь культурное наследие, сохранять площадки для публикации, поддерживать профессионалов от литературы и культуры, а не разрушать подчас в угоду ура-патриотическим выкрикам неких сомнительных деятелей.

Случившееся с журналом «Октябрь» — и не с ним одним — наглядное тому подтверждение.

На страницах «Дружбы народов» я публиковал стихи и прозу — переводы с белорусского, украинского, грузинского, узбекского и других языков стран СНГ. Равно как и собственные стихи.

2. Профессиональный коллектив журнала, обладая многолетним опытом и связями с литераторами России и стран СНГ, выстраивает грамотную стратегию культурного обмена в современной сложной политической обстановке. Журнал — инструмент культурной дипломатии, постоянный участник международных форумов, фестивалей и книжных ярмарок.

Среди ярких публикаций можно назвать: роман «Проскинитарий» Дмитрия Исаджанова (№ 8, 2022, № 3, 2023, № 3, 2004, № 4, 2025), стихи «Прежний чертёж» Сергея Попова (№ 5, 2023), эссе Варвары Заборцевой «О реке Пинеге» в рубрике «Моя малая родина» (№ 9, 2023), Константина Гадаева с переводами стихов дигорского поэта Амурхана Кибирова «Тем, кто с родиной слился» (№ 7, 2023), за которые он был награждён премией журнала.

3. Редактор отдела поэзии Галина Климова успешно курировала молодых поэтов-переводчиков (международный проект «Шкереберть»), и в течение нескольких лет на страницах журнала печатались поэтические переводы с украинского и белорусского классиков и современников; появилась возможность живого и сетевого общения переводчиков с авторами и даже выступлений в рамках форумов и фестивалей.

Такой опыт необходимо развивать, налаживая связь переводчиков с авторами из РФ и стран СНГ. Журнал нужно сберечь и сохранить его уникальный профессиональный коллектив, расширяя круг авторов и читателей.

Развиваясь на протяжении десятилетий, журнал в настоящий момент обладает своим лицом и характером. Нужно лишь продолжать раскрывать его в современных реалиях, отвечая на злободневные вызовы, наводить мосты между культурами и языками, делать это вдумчиво, терпеливо и интеллигентно.

Александр ДЖУМАЕВ, культуролог и музыковед-востоковед, кандидат искусствоведения (Ташкент, Республика Узбекистан)

1. Мой выбор журнала «Дружба народов» обусловлен не только осознанием причастности к его славной истории, богатой прекрасными незабываемыми именами. Один средневековый восточный литератор заметил, что «заглавие книги намекает

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

на тайну её содержания». Название журнала исчерпывающе раскрывает его содержание. Но и сохраняет интригу в поиске своих бесчисленных проявлений в истории и современности, в раскрытии многозначных смыслов, тонкостей и нюансов столь невероятно сложной, близкой и понятной нам дружбы народов. Физически журнал охватывает не только собственно литературу, но и все мыслимые области гуманитарного знания и художественной культуры. И среди них близкие мне востоковедение, музыка, история культуры центральноазиатского региона... Представляю так, что журнал провоцирует автора на возможность интеллектуального сопротивления в условиях самоуверенно понимаемой завершенности некоего исторического этапа в развитии наших стран. И это вдохновляет на творческое соучастие.

2. Парадокс состоит в том, что в центральноазиатском регионе (по-старому — в Средней Азии и Казахстане) нет такого печатного органа, который объединял бы нас в единое целое, в единое литературно-художественное пространство на основе русского языка. Попыток создания такого журнала (газеты, альманаха, ежегодника) было сделано предостаточно, начиная с 1990-х годов, но все они оказались недолговечными или безуспешными. «Дружба народов» — это, определённо, единственный журнал, который все эти годы после развала СССР выполнял подобную благородную творческую миссию. Как это ни покажется странным, но именно он позволял нам, «среднеазиатам», узнавать о самих себе больше, взглянуть на себя со стороны, увидеть регион как единое и целостное культурное явление, укрепиться в этом единстве. С интересом высматриваю в журнале публикации, связанные с нашим регионом, и узнаю что-то новое о давно знакомых мне лично писателях и поэтах. Так случилось, например, после прочтения неожиданной для меня статьи, скорее даже некоего «психологически-поэтического» исследования Веры Калмыковой о киргизском поэте Вячеславе Шаповалове в контексте национально-культурных перемен в Киргизии (2023, № 7).

3. «Логика» трансформаций в бывших постсоветских республиках, теперь независимых странах, в последнее десятилетие, казалось бы, ещё более отдалила нас всех от идеи дружбы народов. Дружба народов — один из основных концептов советской эпохи, и он, к сожалению, превратился по большей части в ситуативный (дежурный) элемент интеллектуальной и политической риторики. А ныне разворачивается, во всяком случае в нашем регионе, новый виток национального строительства, теперь уже связанный с преодолением фантома колониального сознания. Не примет ли оно (преодоление) стихийные формы, не овладеет ли массами как идея? Когда-то Олжас Сулейменов, обеспокоенный такими настроениями, сказал, что мы все колонизированы прежде всего нашим прошлым (цитирую по памяти). Отражается, отразится ли этот процесс в художественном творчестве? Будут ли какие-то великие прорывы или — напротив — огромные провалы? Думаю, что для «Дружбы народов» — независимой площадки для самых разных позиций и взглядов — эти повороты могут быть весьма интересны и получают отражение на страницах журнала. Но и с другой стороны: наш регион позволяет — в опоре на огромное общее культурное, духовное, художественное наследие — формировать региональную культурную самоидентификацию как часть единого с российским культурным пространством евразийского целого. А это ещё одно, на мой взгляд, едва ли не самое важное направление, достойное внимательного наблюдения со стороны «Дружбы народов».

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Марина МОСКВИНА, прозаик, сценарист, журналист, лауреат почётного диплома Международной премии имени Ганса Христиана Андерсена, лауреат премии «Алые паруса», автор Тотального диктанта 2025 года (Москва)

Я много лет сотрудничаю с журналом «Дружба народов» и всегда с волнением предлагаю редакции свои новые вещи, потому что знаю, какую они задают высокую профессиональную планку, несмотря на все сложности, которые испытывают последнее время «толстые» литературные журналы. Это герои нашего времени, бескорыстные рыцари литературы, одарённые литераторы и знатоки своего дела, выполняющие важную миссию: посредством литературы, силой слова соединять людей, народы и культуры.

В этом году я стала автором Тотального диктанта, в котором приняло участие чуть ли не полтора миллиона человек на всей Земле, и это только прошедшие регистрацию! Так вот, путешествуя по городам России и за рубежом, выступая в бывших республиках Советского Союза, я оказалась свидетелем повсеместного желания окунуться в атмосферу живого русского языка.

Звучание речи — магическое действо, о чём мы порой забываем. Искусство слова, русского слова, его энергия, мелодия, ритм — творящая сила бытия, способная преодолевать разобщённость и непонимание. И рупором её без малого век верно служит журнал «Дружба народов».

Переведённые на русский язык писатели союзных и автономных советских республик и опубликованные в России писатели постсоветского пространства обретают заинтересованную читательскую аудиторию, широкую известность и признание. Василь Быков, Грант Матевосян, Расул Гамзатов, Отар Чиладзе, Яан Кросс и многие другие колоссы стали классиками современной литературы благодаря не только своему дару, но и взаимообогащению культур, собратьям по перу. Смог бы писатель даже такого масштаба внести вклад в мировую культуру, не будучи переведённым на *великий и могучий русский язык* и опубликованным в моём любимом журнале?

Ничто не познакомит нас глубже, не удивит сильнее самобытностью и не откроет корневую общность лучше, чем культура. Такова тайна жизни — всё, что одухотворено, облекается смыслом, влиянием. Заботит это писателя или нет, его произведение — это всегда объяснение в любви человечеству, стремление взаимодействовать на всех уровнях бытия.

Именно журнал «Дружба народов» помогает ощутить связующие нити пространств и времён, которые тянутся из прошлого в будущее, и, несмотря на разногласия и разобщённость, даёт нам возможность почувствовать себя вместе.

Да, своеобразными, но любящими и любимыми, помнящими, что счастье — это каждый мирный день. Пусть всего лишь в Слове — в сфере, где властвует Язык, который, как писал друг Пушкина поэт, историк Пётр Андреевич Вяземский, «есть исповедь народа».

Вера ЗУБАРЕВА, писательница, литературовед, главный редактор журнала «Гостиная», президент проекта «Русское Безрубжье» (Филадельфия, США)

Скажу без преувеличения, что моя работа как автора с редакцией «Дружбы народов» была стимулирующей и способствовала появлению важных для меня текстов. Я не человек монолога. Диалог важен мне. Он помогает чётче

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

сформулировать идеи, вызревающие внутри. Так, однажды я отчётливо осознала, что термин «зарубежье» изжил себя в плане обмена литературным опытом. И я предложила термин «безрубежье». Моя статья «Русское безрубежье», вскрывающая тенденции внутреннего единства работающих на ниве русской литературы, была встречена с интересом и опубликована (№ 5, 2014). В статье чётко различимы понятия «русский» и «русскоязычный» и показано, что русскоязычный не озабочен вопросами, возникающими за пределами языка в той мере, в какой озабочен «русский». Русскоязычный менее всего думает о языке как животворящей сущности. Для него язык — лишь средство обмена информацией. Мера вовлечения в русскую культуру и даёт представление о разнице между этими двумя категориями. Иными словами, безрубежье — это «единое литературное, художественное, культурное, духовное пространство», о котором в своё время говорил Ефим Бершин в одном из круглых столов «ДН» («Дружба народов? Дружба литератур? Есть ли жизнь в едином культурном пространстве?» — № 3, 2009).

Не могу не упомянуть и столь важную для меня публикацию моей поэмы «Реквием по снегу», посвящённой родной Одессе. Поэма в экстренном порядке была принята в номер. Как вспоминает Галина Климова на страницах «ЛГ»: «Письмо с этой поэмой прилетело в редакцию, когда мартовский номер был свёрстан, и пришлось в пожарном порядке всё *утрясать и уминать*, и даже менять кегль, чтобы выкроить несколько полос и опубликовать в этом номере “Реквием по снегу”» (31 августа 2019). Что может быть ценнее этого опыта?

Из любимых публикаций последних лет назову стихи Ефима Бершина, в частности подборки «Пой, балалайка!» и «Больные времена». Запомнились главы из романа Марины Кудимовой «Поля фильтрации» (№ 6, 2021) и, конечно же, новый роман Владимира Вигилянского и Олеси Николаевой «Дело Гапона» (№ 1, 2025).

Для меня как литературоведа и критика наиболее актуальными являются аспекты, связанные с современным литпроцессом на всём обширном пространстве русского безрубежья. Это включает как критику и круглые столы, так и публикации поэзии, прозы и публицистики в её многообразных проявлениях.

Денис ДРАГУНСКИЙ, прозаик, журналист, колумнист (Москва)

Я работал в «Дружбе народов» с 1990 года. Меня пригласил на должность заведомо «Нация и мир» наш выдающийся литературный критик Лев Александрович Аннинский. Журнал неустанно ткал сеть взаимосвязей между литературами народов СССР. Трудно перечислить все славные имена, которые появлялись на наших страницах. Публикация в «ДН» многим авторам давала «код доступа» к русскому, а далее всесоюзному и даже мировому читателю. Но это — всем известно. Мы — в «моем» отделе — печатали проблемные статьи и проводили интереснейшие круглые столы по широкому спектру «национальной» тематики.

После 1991 года главным направлением журнала стала интеграция многочисленных литератур народов РФ в единую систему современной многоязычной и многонациональной российской литературы.

Уверен, что эта задача с каждым годом становится всё более актуальной и животрепещущей.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Вадим МУРАТХАНОВ, поэт, прозаик, переводчик, критик и эссеист (Москва)

1. Впервые в «Дружбе народов» мои тексты вышли в 2000 году. Мне показалось логичным, тогда ещё будучи узбекистанцем, обратиться в журнал, который заточен на работу с авторами постсоветского пространства. Моя дебютная подборка стихов вышла довольно быстро — не «мариновали» и не «кормили завтраками», как это случается в иных изданиях, — и с того времени началось мое многолетнее и плодотворное сотрудничество с журналом.

В отношениях автора с журналом, помимо профессионального интереса, важен ещё и личный контакт. В «Дружбе народов» на моей памяти всегда работали люди, которые не только глубоко и тонко разбираются в литературе и происходящих в ней процессах, но и чисто по-человечески вызывают симпатию. С ними приятно пообщаться не только по поводу текстов, но и на другие, в том числе житейские темы.

2. В журнале за последние годы состоялась масса интересных публикаций. Чтобы никого не обидеть, поступлю эгоистично: отмечу выход во 2-м номере «Дружбы народов» за 2016 год повести классика узбекской литературы Тагая Мурада «Тарлан», в переводе которой мне довелось принять участие. Тагай Мурад — это такой узбекский Шукшин. Писатель поистине народный, любимый и читаемый в Узбекистане, но настолько далёкий от официоза, что ни одна его книга, написанная в позднесоветские годы, не была переведена на русский язык. «Тарлан» стал первым опытом знакомства русского читателя с этим выдающимся прозаиком. Это была, без преувеличения, значительная встреча как для узбекской литературы, так и для русскоязычной аудитории.

Ценность «Дружбы народов» прежде всего в уникальности ниши, которую она занимает среди других российских журналов. Иностранной литературой «заведует» одноимённый журнал. Русской — все остальные. «Дружба народов» — единственный журнал, специализирующийся на иноязычной литературе России и постсоветских стран. Тем самым он скрепляет всё ещё единое во многом культурное пространство одной шестой части суши, которое без неё распалось бы, безусловно, быстрее.

Сейчас, когда работа по поиску талантливых авторов в регионах и, особенно, по литературному переводу, оплачивается нерегулярно и скудно, то, что делает «Дружба народов», представляется подлинным подвижничеством. Редакция, сталкиваясь с финансовыми и иными трудностями, продолжает свою миссию на голом энтузиазме. И, безусловно, заслуживает тёплых слов и искренней благодарности.

3. Наиболее важным в работе журнала мне видится знакомство русского читателя с национальными литературами народов России: публикация переводов, выпуск спецномеров, посвящённых литературе того или иного региона.

Сила большой страны — в её единстве и многообразии. Проблемы начинаются, когда иное превращается в чуждое и вызывает отторжение вместо желания узнать и понять. Думается, что у читателей «Дружбы народов» выработан иммунитет к шовинизму и ксенофобии, которые иногда, по недомыслию, путают с патриотизмом.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Борис МИНАЕВ, прозаик, журналист, лауреат премии «Заветная мечта» и премии Егора Гайдара (Москва)

1. Для меня печататься в «Дружбе народов» — это честь. Я прекрасно помню, какой оглушительной сенсацией стала публикация «Детей Арбата» Анатолия Рыбакова в 1987 году. Вопрос о публикации решался на Политбюро, понятно, что была мощная поддержка горбачёвских помощников и самого Горбачёва — и всё же это стало первым ядром, пробившим брешь в стене «запрещённой» литературы, и нужно было иметь мужество, чтобы это сделать. Были и другие публикации того времени, которые, в общем, трудно забыть. Юрий Трифонов, Нина Берберова, подзабытый ныне (и очень несправедливо) роман Аркадия Львова «Двор». В ещё более дальнее советское время — публикации грузинских, армянских, прибалтийских писателей, работа в журнале выдающегося критика Льва Аннинского. Я читал письма Валерии Новодворской, в одном из них она настоятельно рекомендует адресату прочитать статью Льва Аннинского о новом романе эстонца Яана Кросса. А ведь публиковался роман именно в «Дружбе народов». Знаток русской литературы, Новодворская прекрасно понимала, что именно увидел в романе Лев Александрович, и делилась этим со своими друзьями.

Для меня главный опыт «Дружбы народов» — это прежде всего уважение и принятие иных культур, иных языков. Иного национального опыта. И конечно, опыт свободомыслия и свободного изложения этих мыслей.

Вместе с другими «толстыми» журналами в конце 80-х «Дружба народов» заложила основу нашего восприятия действительности, наших главных ценностей — каждый тогда внёс свой вклад: «Октябрь» — «Жизнь и судьба» Гроссмана, «Новый мир» — Солженицын, ну и так далее.

2. Мне кажется, современная проза вся заслуживает внимания. Мне близок из нового поколения прозаиков, например, Дмитрий Данилов, но вообще то, что в каждом номере есть новая современная проза, — уже некий редакторский подвиг. В этом и есть ценность.

3. Продолжать переводить с языков наших соседей — украинского, армянского, азербайджанского, грузинского, казахского, других... С языков народов РСФСР. Это очень трудно сейчас, но нужно. Очень нужно.

Алёна КАРИМОВА, поэт, переводчик, член Координационного совета молодых писателей Приволжского федерального округа (Казань, Республика Татарстан)

1. Я давно дружу с этим журналом, мне нравится то, чем он наполнен, нравится, что он старается держать планку качества, а это в наши времена очень непросто. Мне симпатична его редакция.

Кроме того, публикация в «Дружбе народов» заметна, этот журнал читают в регионах России, в национальных республиках и даже в странах СНГ.

2. В отличие от большинства других «толстяков» журнал публикует большое количество переводов, он по-прежнему, согласно своему названию, работает на дружбу народов как внутри России, так и на пространстве СНГ. Он — часть той самой «мягкой силы», культурного взаимодействия с нашими ближайшими соседями,

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

которое сегодня нашей стране так необходимо. К сожалению, много политических и прочих сил работает на разобщение, и те относительно немногие проекты, которые служат именно объединению, дружбе, помогают взаимопониманию между народами, очень нужны. Мне кажется, их обязательно следует поддерживать и словом, и делом.

Я люблю читать тематические номера, знакомиться с литературами народов России и Стран СНГ. Но тематика журнала, конечно, гораздо шире. Как детскому писателю мне, например, интересно было узнать высказывания авторов, критиков, библиотекарей, педагогов в рамках совместного с Российским детским фондом круглого стола «Дети и мир XXI века в современной литературе», опубликованные в номерах в конце 2024 и начале 2025 года. Это очень важно и полезно — периодически «сверять часы». Встречая мнение, похожее на твоё, радуешься, что ты не одинок, что у тебя есть единомышленники, встречая противоположное — стараешься посмотреть на проблемы под другим углом, используя чужую оптику, и это может быть очень продуктивно. Мне приятен дух свободной полемики, когда собеседники с разными взглядами имеют возможность соглашаться или спорить, оставаясь при этом в рамках дружелюбного диалога.

Разумеется, интересно читать и современную прозу, поэзию. Но это вещи очевидные, что про них говорить.

3. Ну, вот два важных лично для меня направления я уже отметила — переводное и детское, думаю, это надо продолжать. Если говорить о перспективах, хотелось бы, наверное, большего цифрового развития, по возможности, более активного присутствия журнала в сети.

Мне ещё кажется перспективным обращение к региональной тематике. Не только к национальным республикам в составе РФ, но и к областям, где традиционно пишут только или почти только на русском. Все они уникальны, каждый имеет особые черты. Журнал уже это делает, конечно, и печатает авторов из регионов. Я говорю о «литературном образе» конкретного города или области. В России сегодня фантастически быстро развивается внутренний туризм, людям интересно узнавать о том регионе, куда они приезжают, в том числе интересна и литературная жизнь: история и современность. На федеральном уровне мало кто этим занимается, а мне это кажется возможностью привлечь новых читателей, с одной стороны, и разнообразить содержание журнала — с другой. Конечно, не понижая высокой планки.

От всего сердца желаю «Дружбе народов» процветания и любви читателей.

Константин ШАКАРЯН, поэт, переводчик, литературовед (Ереван, Армения)

1. Когда я, совсем ещё юный пиит, только-только начинал задумываться о публикациях, многие армянские литераторы старшего поколения, заставшие ещё масштабы цельного всесоюзного литературного процесса, сразу вспоминали в разговоре «Дружбу народов» — независимо от того, являлись ли они сами на тот момент авторами и друзьями журнала. Такая «априорность» периодического издания в сознании нескольких поколений говорит о многом. И хотя я стал автором «ДН», когда уже публиковался во многих московских и иных изданиях, ступить на её страницы мне было по-особому волнительно и радостно.

2. На этот вопрос прежде (и лучше) всего отвечает вступительный редакционный текст о пути журнала. Здесь, что называется, ни убавить ни прибавить.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Что же до ярких публикаций — я, увы, не могу назвать себя примерным читателем периодики: редко когда берусь за прозу, особенно крупногабаритную. По счастью, можно говорить о стихах — их качество в журнале для меня, как для человека пристрастного, является первостепенным и определяющим. В «Дружбе народов» регулярно печатаются такие высокие коллеги как Олеся Николаева, Владимир Гандельсман, Сергей Попов, Лариса Миллер, Сергей Пагын, Константин Комаров, Ксения Аксёнова — всех не перечислишь, но уже один этот беглый и далеко не полный перечень разнопоколенческих имён способен многое сказать читателю стихов. Отдельно хочется подчеркнуть, что именно здесь преимущественно печатается проза о поэзии Ильи Зиновьевича Фаликова — в частности, в «ДН» публиковалась его книга о Борисе Слуцком, диалог с которой стал важной частью моей работы о поэте, частично уже завершённой.

Немного выходя за рамки вопроса, хотелось бы ещё сказать, что именно в «ДН» печатались почти все статьи и эссе последних лет Владимира Огнева (1924–2017), — являющегося для меня важнейшим критиком и исследователем живого поэтического слова второй половины прошлого века и начала нынешнего.

3. Для меня «актуальна» всегда публикация хороших стихов — и чем меньше стихи эти будут подпадать под рубрику некой эфемерной «актуальности», тем лучше. Остаётся пожелать журналу, чтобы никакие «повестки» не мешали продолжать развиваться в своём благородном и благодарном направлении. А ещё — порадоваться, что в контексте «Дружбы народов» и её уникального места в современной литературной ситуации можно, говоря о поэзии, иметь в виду не только русские стихи, но и переводные.

Валерия ПУСТОВАЯ, прозаик, литературный критик, лауреат Горьковской премии, премии «Дебют», Новой Пушкинской премии, Всероссийской литературно-критической премии «Неистовый Виссарион» (Москва)

1. «Дружба народов» — это собрание высококлассных профессионалов в области литературы. Журнал с традициями организует вокруг себя сообщество, очень разнообразное по возрастам, литературным вкусам, жанровым предпочтениям. Публикация здесь означает участие в большом контексте современной литературы.

Кроме того, именно мне нравится разнообразие подходов журнала при публикации критики. Журнал организует дискуссии, предлагает рубрики. Мне близка рубрика «Подробное чтение», куда можно написать обстоятельную, объёмную рецензию, дискуссионную статью о литературном произведении. Очень интересный ход — рубрика «Связка рецензий», где из отдельных рецензий выстраивается проблемный контекст рассмотрения литературы.

Мне нравятся авторские рубрики Евгения Абдуллаева «Литературный барометр» и Бориса Минаева «Правила игры». В них возможно выйти за рамки строгой рецензии или проблемной статьи, создать более лёгкий и гибридный текст в жанре эссе, а также выйти за пределы самой литературы — в пространство других искусств.

2. Как все литературные журналы традиционного типа, так называемые «толстяки», «ДН» предлагает собирательный образ литературного процесса, предоставляет площадку для малых жанров — рассказов, подборок стихов, эссе, критики — и для новых авторов, создаёт пространство диалога о литературе, приглашая высказываться самых разных авторов.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

В то же время у него своя, исторически сложившаяся задача — поддержка диалога о литературе на уровне международном, межнациональном, помощь в сохранении литературных связей на пространстве бывшего Советского Союза и внутри многонациональной России.

Не хотелось бы обидеть многочисленных авторов «Дружбы», выделяя какие-то публикации по сравнению с другими. Потому что журнал тем и отличается от книги: это работа контекста, это взгляд на литературу сквозь границы жанров, — в отличие от самопрезентации автора под отдельной обложкой.

Назову лишь постоянных авторов критического отдела журнала, чьи публикации вызывают у меня неизменный интерес. Это Александр Чанцев и Ольга Балла, Евгений Абдуллаев и Борис Минаев, Борис Кутенков и Михаил Павловец, Татьяна Веретенова и Кирилл Ямщиков.

И отмечу работу журнала с новым поколением писателей — публикации таких молодых авторов, как Евфросиния Капустина, Варвара Заборцева, Анна Маркина и других.

3. Мне очень нравится открывшийся и развивающийся в журнале разговор о детской литературе — проект «Дружба навзросл». О её прошлом и традициях, об образе ребёнка и семьи в литературе, о новых авторах и решениях, темах и вопросах в этой области. На мой взгляд, это возвращает детской литературе статус искусства, показывает её как сферу не только ремесленного воспроизводства прежних образцов, но и сферу творчества, поиска новых решений, актуальных в разговоре с новыми поколениями юных читателей.

В целом именно готовность к организации диалога о литературе, поддержанию связей над границами регионов и жанров, поколений и вкусов кажется мне наиболее важной, незаменимой работой журнала.

Алексей КОЛЕСНИКОВ, прозаик (Белгород)

1. Именно в «Дружбе народов» около десяти лет назад состоялась моя первая серьёзная публикация. Для начинающего автора это наизначительнейший этап в творчестве. С тех пор я регулярно публикуюсь именно в «Дружбе народов», не особо «смотря на сторону». Меня всегда привлекала идея, положенная в основу журнала, а именно: создание единого международного литературного пространства, поддержка русского языка за рубежом и особенно на территории бывшего СССР. Журнал учит (именно учит) национальному уважению, не на словах, а на деле противостоит ксенофобии. Также редакция журнала внимательно относится к своим авторам, особенно молодым. Мне это известно не только из личного опыта, но и по отзывам товарищей. Среди современных авторов «Дружбы» полно как известных всей читательской стране писателей, так и тех, кто только обретает своего читателя. Я нахожу в таком подходе реальный лифт для писательской мобильности — крайне редкое для сегодняшнего дня явление. Важна и техническая сторона вопроса: мне нравится дизайн журнала и его функциональный сайт.

2. Во-первых, журнал выстоял. Он не исчез, как его «братья». Более того, он развивается, не предавая себя. Об этом говорят и тиражи, и читательское внимание к «Дружбе». Журнал даже может иногда позволить себе такую роскошь, как выплата щедрых (по нынешним меркам) писательских гонораров. Не все книжные издательства имеют возможность поощрить труд своих авторов.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Во-вторых, множество маститых авторов, публиковавшихся в разное время в «Дружбе народов», оказали на меня большое влияние. Например, З.Прилепин, Р.Сенчин, П.Крусанов, А.Варламов. Многие их тексты в дальнейшем были изданы в виде книг и получили достойное признание. Сам по себе этот факт является, на мой взгляд, критерием качества журнала. Сейчас я слежу за публикациями Д.Балина, М.Симбирёва, В.Айрапетяна, И.Волосюка и многих других.

3. Трудно что-то советовать в качестве мер по развитию журнала. Для этого нужно обладать экспертным мнением, опытом по управлению такой машиной. Как читатель — могу лишь пожелать «Дружбе народов» придерживаться взятого курса по открытию новых имён авторов, живущих в России и за её пределами. Желая сохранить авторов, занимающихся публицистикой и переводами — отдельная золотая шкатулка журнала. Остальные вещи, такие как освоение новых электронных площадок, наращивание тиражей, носят скорее технический характер и требуют материальных затрат. Надеюсь, что при помощи частных инвесторов или поддержки государства подобные трудности будут преодолены и результат, в виде нового витка развития нашей литературы, не заставит себя ждать.

Я не нахожу в себе права делить литературу на «патриотическую» и на «не способствующую развитию патриотизма». Но если сильно необходима оценка, то, по-моему, всякая литература, создающаяся в нашей стране и рассказывающая о ней, и есть то самое средство, с помощью которого автор признаётся в любви к родине. Прочие подходы от лукавого.

Саша НИКОЛАЕНКО, прозаик, художник, лауреат премии «Русский Букер» (Москва)

Дорогая «Дружба народов»! Журнал с названием моей мечты. Журнал, что никогда не сходил с папиного письменного стола, с наших книжных полок. Сразу же приношу свои извинения, потому что на некоторые из вопросов недостаточно компетентна ответить подробно, потому что, находясь в своём писательском забытии, вечно забываю названия публикаций, то же самое с датами дней рождений и даже лет. Это не значит, что я не читаю: я не просто читаю «Дружбу», мне необходим этот журнал, и мои публикации в нём (за которые благодарю отдельно) тем не менее тут абсолютно ни при чём. Просто думаю, что современная литература высшего пилотажа по-прежнему стоит на китах, сохранивших по сию пору не только свои Имена, но и традиции литературного качества. Не на премиях, хотя, конечно, литпремии — огромное подспорье, а именно на «толстяках» сегодня, как и прежде, стоит Русская Литература.

«Дружба народов», «Знамя», «Юность», «Урал», «Новый мир» — публикация в них гордость, счастье для авторов, пишущий люд понимает: эти журналы не печатают литературу низкого качества. «Толстяки» — это вершины. Что будет Русская литература без них? Что будет, если литературу мы загоним в политику, если писатель, написавший про лес, про деревню, про жизнь звучит недостаточно поучительно? Поучительно будить души к добру, поучительно и патриотично желать счастья своей Родине, и я знаю абсолютно точно, что никто так искренне не желает России счастья, как её столпы — литературные журналы, что я перечислила.

Журналы необходимо поддерживать, поддерживать их — значит поддерживать уровень, держать планку, поддерживать всеми силами. Как? — материально

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

поддерживать, потому что редакции «толстяков», составляющих вершины нашей современной литературы, держатся на чистом энтузиазме, на воле удержать и сохранить, на настоящей любви к литературе.

Хочу ответить на третий вопрос — о наиболее актуальных аспектах и направлениях развития журнала.

Это очень простой вопрос! Наиболее актуальны все аспекты и направления развития журнала, какие «ДН» сочтёт нужным выбрать. Журнал публикует тексты прежних, ещё советских времён, и наших современников, спецвыпуски, представляющие литературу огромной многонациональной страны, статьи, эссе и очерки авторов из всех регионов России, проводит круглые столы, осуществляет переводы поэзии и прозы с аварского, бурятского, калмыцкого языков, осетинского, коми, табасаранского (о существовании которого прежде и не знала), татарского, тувинского, узбекского, шорского, якутского и других языков — это настоящий подвиг!!! Журнал работает с молодыми авторами, поддерживает их, поддерживает точно так же русских и русскоязычных писателей за рубежом, журнал держит планку, уровень! Журнал поддерживает нас. Но кто же поддержит сам журнал?

Я благодарю всю команду журнала «Дружба народов» за их труд, за веру в нас, за надежду, за любовь к литературе, к слову, за каждую публикацию и каждый аспект.

Прошу быть!

Евгения Джен БАРАНОВА, поэт, переводчик, издатель, Лауреат премии СНГ «Содружество дебютов» (Москва)

1. Во-первых, потому что у меня с этим изданием — любовь, и, надеюсь, что взаимная. Моя первая публикация состоялась в «Дружбе народов» в 2018 году, с тех пор, как только накапливается новый материал, я первым делом предлагаю свежую подборку именно им.

Во-вторых, «Дружбе», несмотря на все геополитические сложности, удалось сохранить по-настоящему великолепный редакторский состав: Сергей Надеев, Галина Климова, Наталья Игрунова, Ирина Доронина не только создали комфортную атмосферу для авторов полярных эстетических взглядов, но и поддерживают её — каждым номером, каждым мероприятием. Не знаю другого журнала, в котором многолетняя традиция так элегантно уживалась бы с молодёжным авангардом, а лучшие представители мультязычных регионов соседствовали бы с московскими классиками.

2. Для меня большой радостью является дерзновенность столь солидного «толстяка»: «Дружба» не боится отдавать значительную часть выпуска под публикацию экспериментальных прозаических текстов (к примеру, романа лауреата премии «Лицей» Анны Маркиной «Куколья» или рассказов лауреата Русской премии Владимира Лидского), а также заочных круглых столов, посвящённых знаменательным датам (таким как недавний юбилей Бродского) или актуальной проблематике литературного процесса.

Отдельно хотелось бы отметить удивительный переводческий проект «Шкереберть», участником которого мне довелось быть почти пять лет. Его уникальность заключалась не столько в том, что к переводам поэзии со славянских языков были привлечены разновозрастные литераторы, каждый из которых обладал выработанной поэтикой, сколько в самом подходе — никогда прежде я не сталкивалась с техникой именно сравнительного поэтического перевода.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Впрочем, не переводами едиными — авторы «Дружбы народов» с завидной регулярностью оказываются в коротких списках то «Большой книги», то «Ясной Поляны». О чём это может свидетельствовать, как не о чрезвычайно высоком уровне журнала?..

3. Поддержка молодых литераторов, эксперименты с формой и форматом, выстраивание диалога между разными социальными группами — всю эту грибницу направлений, весь этот уже возделываемый командой «Дружбы» сад следует сохранить, сберечь хотя бы для оправдания перед потомками.

Современный мир всё меньше похож на калейдоскоп национальных культур, скорее, мы внутри алхимической реторты: перетекание, слияние, преобразование. И в этом хаосе особенно велика потребность в таких островках медленного чтения, как мой любимый журнал, — интеллектуальному читателю всегда будет необходима территория, где искусство не поддаётся сиюминутному жару новостей, а созревает, как выдержанный коньяк в кокетельских подвалах.

Мадина ХАКУАШЕВА, прозаик, доктор филологических наук (Нальчик, Республика Кабардино-Балкария)

1. Я обратилась в журнал «Дружба народов» по просьбе одного из корреспондентов журнала, так как редакция была заинтересована в произведениях молодых адыгских авторов. Позже я узнала, что такой запрос поступал во все национальные республики нашей страны.

2. Журнал «Дружба народов» обладает уникальным опытом сотрудничества с авторами разных республик и областей России, способствует интеграции литератур и культур нашей страны. Коллектив редакции объединяет профессиональных талантливых литераторов, которых отличает любовь к своему делу, колоссальная трудоспособность и бескорыстие.

Журнал развивает и укрепляет различные литературные жанры отечественной литературы, такие как поэзия, проза, литературная критика, художественная публицистика. С 2006 года по приглашению редакции и Фонда СЭИП принимала участие в форумах молодых писателей (выступала модератором в Нальчике, Грозном), северокавказских писателей в Железноводске. Долгое время являлась руководителем группы молодых северокавказских писателей, пишущих на родном языке. Форумы проходили в Москве, Переделкино, Звенигороде. В процессе работы проводились мастер-классы по всем жанровым направлениям (поэзия, проза, переводы, лит. критика) с приглашением признанных мастеров, проходили творческие вечера известных поэтов и прозаиков, презентации новых книг. Молодые авторы обменивались опытом, критическими замечаниями. В результате этих встреч завязывались живые творческие альянсы, вышло несколько сборников северокавказских писателей, прошли презентации в Москве и республиках. Вместе с тем вышло несколько сборников молодых авторов из республик Северного Кавказа. Это уникальный плодотворный опыт, на мой взгляд, не имеет аналогов в укреплении подлинной дружбы народов через многонациональную литературу России. В формировании этих замечательных традиций самое активное участие принимали сотрудники журнала, в первую очередь главных редакторов. Я убеждена в необходимости продолжить этот уникальный опыт одного из самых уважаемых «толстых» журналов нашей страны.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Евгений ЧИЖОВ, прозаик, лауреат премий «Венец» и «Ясная Поляна» (Зеленоград, Московская обл.)

1. Должен сказать, что я вообще-то совсем недавно стал регулярно сотрудничать с «толстыми» журналами после того, как, написав четыре романа, перешёл к малой форме и начал сочинять рассказы. Один из них, «Большой», не взяли ни «Знамя», ни «Новый мир», а «Дружба народов» не только опубликовала этот очень важный для меня рассказ, но и наградила его премией как лучший рассказ года. И эта премия дороже для меня всех остальных премий, перепадавших раньше за романы, хотя среди них были и «Ясная Поляна», и премия «Венец» Союза писателей Москвы. Не хочу сейчас вдаваться в детали и объяснять почему — всякий, кто прочтёт рассказ, легко поймёт сам. Естественно, «Дружба народов» заняла для меня после этого особое место среди «толстых» журналов. И следующий большой рассказ «Кровь и судьба» я уже никуда больше не предлагал, а сразу отправил в «Дружбу» — не в последнюю очередь потому, что речь в этой фантастической истории и в самом деле идёт о такой редкостной по нынешним временам вещи, как дружба народов.

2. «Дружба народов» с очевидностью занимает особое место среди «толстых» журналов, будучи площадкой для публикации переводов с языков наших ближайших соседей, в недалеком прошлом советских республик, или с языков народов России. Многим авторам, пишущим на этих языках, перевод даёт уникальную возможность быть замеченными и признанными в русской литературе — одной из великих литератур. Уже одним своим названием журнал напоминает о том лучшем, что было в исчезнувшей Атлантиде СССР, и в меру своих сил стремится продолжать в совершенно иных условиях ту прекрасную и сложную традицию. В то же время журнал открыт и для русскоязычных авторов, стремящихся к обновлению традиции, ищущих новых смысловых и формальных горизонтов. Благодаря своей открытости для авторов разных языков и стран, разных поколений и стилей, «Дружба народов» обладает, возможно, самым широким среди всех наших «толстяков» эстетическим диапазоном.

Что касается ярких публикаций последних лет, то для меня незабываем роман Сенчина «Елтышевы», вышедший в журнале в 2009 году.

3. Тут я пас. Поскольку я далёк от внутрижурнальной политики и практики, ничего дельного насчёт аспектов и направлений я, к сожалению, сказать не могу.

Александр ЧАНЦЕВ, литературовед-японист, прозаик, критик, культуролог, лауреат премии Андрея Белого и Всероссийской литературно-критической премии «Неистовый Виссарион» (Москва)

1. Считается, что «толстые» журналы — это что-то закостенелое и ригидное. Это в корне не так, потому что в борьбе за читателя да и собственное существование «толстяки» сейчас — едва ли не самое прогрессивное и инновационное место. Публикации как мэтров, так и совсем молодых авторов, тематические номера, новые рубрики, различные виртуальные круглые столы и опросы, неожиданные публикации — на фоне всего этого какой-нибудь новый литературный портал с фиксированными рубриками проза-поэзия-критика выглядят уже консервативно.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

И если всё перечисленное хорошо, но всё же формально, то гораздо ценнее общая открытость «толстых» журналов и особенно «Дружбы». Здесь автор может предложить какой-то свой неформатный, вне рубрик и даже устоявшихся жанров текст и, коли он интересен и ценен, увидеть его вскоре напечатанным.

Говорю всё это с основанием, вот, как модно говорить, кейс и практически success story. Редакция предложила мне вести регулярную рубрику в журнале, для меня на волне моих интересов оформилась и тема — религия, философия, творческие и экологические практики, идеи в поле традиции и по его краям. И уже несколько лет выходит эта рубрика и, судя по читательским рейтингам, регулярно и хорошо читается.

А сколько ещё таких рубрик созревают, оформляются и начинают дорогу к читателю сейчас!

2. О ценности журнала, имеющей 85-летнюю выдержку, я уже сказал. И возраст этот подчеркнуть, кстати, совсем не грех. В современном мире, где всё постоянно меняется, даже вчерашнее выбрасывается на свалку, а у новой модели уже завтра выйдет, может, и совсем неудачное, «обновление», вещи с историей нужно ценить особо. Тот самый английский газон, который просто постригали в течение двухсот лет, это действительно очень важный актив. Стартапов можно придумать хоть тысячу (и 999 из них прогорят), а то, что работало, и работало хорошо многие десятилетия, не придумать «в моменте» и не купить ни за какие деньги. За нашу новую историю мы успели разбросаться столькими традициями, что-то пытаемся с той или иной долей успеха возродить — может быть, стоит бережнее отнестись к традиции ещё живой и успешно работающей?

Отдельные публикации не позволяют перечислить объем опроса, но можно отметить ещё важную особенность журнала. «Толстые» журналы — это одновременно и площадка для всех дебютов (опять же и знаменитый автор, и новичок до выхода романа книгой отдадут его для публикации именно в журнал), и очень важный архив литературы (в последние годы, доказавшие нам ненадежность электронных изданий, мы все в этом могли убедиться). «Толстый» журнал — это прошлое и будущее литературы под одной обложкой.

3. Будущее предсказать невозможно, тем ценнее следить за ним и даже, возможно, как одному из многочисленного коллектива авторов, чуть-чуть участвовать в его становлении. А схемами, бизнес-планами и прочим жестким планированием заниматься для такого живого журнала, как «Дружба народов», и странно даже (это как у Юрия Тынянова в «Литературном сегодня»: «Много заказов было сделано русской литературе. Но заказывать ей бесполезно: ей закажут Индию, а она откроет Америку».).

Лидия ГРИГОРЬЕВА, поэт, прозаик (Лондон, Великобритания)

Хорошо помню свою первую публикацию в журнале «Дружба народов» в 1978 году. Это были переводы стихов молодого молдавского поэта. Влад Друк, впоследствии ставший у себя в республике известным кинематографистом, был тогда ярким и необычным поэтом авангардного направления. И публикация в таком авторитетном журнале смогла открыть ему возможность для публикаций на родном языке в Молдавии. А для русских поэтов моего поколения «семидесятников», переводы с национальных языков на поэтический русский, часто были единственной возможностью показать свой талант или профессионализм, получив за это не маленький (помню хорошо) гонорар.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Переводить тогда нам приходилось с подстрочников. И это было, что скрывать, большим подспорьем для целой плеяды и русских, и национальных поэтов, которых подолгу держали в приходе, не допуская в «большую литературу». Ещё в Казани, в студенческие годы, я переводила татарских и башкирских поэтов, нарабатывая опыт и мастерство в прямом общении с поэтами-ровесниками, ставшими впоследствии заслуженными и народными поэтами Татарстана или Якутии. Роль журнала «Дружба народов» и тогда, и сейчас обоюдополезна для страны с таким огромным языковым разнообразием.

В начале двухтысячных именно этот журнал в двух разных номерах опубликовал мой роман в стихах «Русская жена английского джентльмена, или Не бедные люди». Тогда же я обратила внимание на то, как много авторов журнала попадают в номинации самых престижных премий, что говорит об особом чутье в отборе публикаций. И не удивилась тому, что мой «роман в штрихах» «Термитник», фрагменты которого впервые появились именно в этом журнале, вошёл в длинный список премии «Ясная Поляна». И был отмечен большим количеством рецензий и статей.

Когда ушёл в мир иной мой муж Равиль Бухараев, поэт, прозаик, переводчик, постоянный автор «Дружбы народов», именно на страницах этого журнала появились не опубликованные при его жизни произведения и воспоминания о нём литераторов разных стран и национальностей.

Очевидно, что журнал «Дружба народов» выполняет свою особую миссию, решает творческую задачу, уходящую корнями в историю страны и отражённую в самом названии журнала.

Александр ОРЛОВ, поэт, прозаик, историк, лауреат ряда литературных премий (Москва)

1. Почему у кого-то из авторов складываются рабочие отношения с тем или иным журналом, вопрос неоднозначный. Своё знакомство с «Дружбой народов» я начал задолго до появления моих публикаций: между моей первой подборкой, предложенной редакции, и дебютной публикацией прошло несколько лет. И уже десять лет в журнале выходят мои стихи. Особенно ценные для меня — посвящённые Великой Отечественной войне и моим близким.

По моему мнению, редколлегия вправе принимать или не принимать авторский материал без объяснения причин. Сложилось — хорошо, а если нет, — надо дальше спокойно работать и выбирать пространство для публикаций.

2. «Дружба народов» журнал ежемесячный, и с моей занятостью не представляется возможным систематически отслеживать выходящие номера. Но то, что авторами журнала становились литераторы, представляющие многочисленные народы России, ближнего и дальнего зарубежья, то, что в самые критические моменты можно было ознакомиться с литераторами из ДНР и ЛНР, фактически говорит о разносторонней политике журнала.

3. Сейчас, когда происходит кровопролитное разделение братских народов, исторически являющихся единым народом, когда совершается убийство канонической православной церкви, а оккультные секты и международные фонды оказывают неслыханное воздействие на наших братьев и сестёр, независимый журнал «Дружба народов» прилагает все усилия в борьбе за выживание Русского мира.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Для человека, неоднократно побывавшего в командировках и непосредственно на линии боевого соприкосновения в зоне проведения СВО, знающего, какие чудовищные испытания выпали на долю мирного населения Донецка, Луганска, Запорожья и Херсонщины, каким гонениям подвергалось православное духовенство и их семьи, какую психологическую обработку прошли дети от дошкольного до подросткового возраста, задача открытого диалога с читателем является исторической миссией журнала.

Евгений СТЕПАНОВ, поэт, эссеист, литературный критик, издатель (Москва)

1. Я начал публиковаться в журнале «Дружба народов» в 1989 году, когда главным редактором был легендарный детский писатель Сергей Баруздин. В мартовском номере были напечатаны мои стихи. В разные годы я много раз публиковался в журнале и как эссеист, и публикатор других авторов, и как литературный критик, и как поэт. Это для меня огромная честь, радость и ответственность, потому что «Дружба народов» — несомненно, один из ведущих «толстых» литературных журналов.

2. В настоящее время я сотрудничаю в основном с отделом поэзии, который возглавляет Галина Климова. Я всегда прислушиваюсь к советам и замечаниям Галины Даниелевны. Она талантливый и неравнодушный человек и старается помочь автору найти точное слово, единственно возможный эпитет... Я считаю, что это подвижнический труд. К сожалению, таких редакторов сейчас очень мало. И тем ценнее работа, которую ведёт с авторами Галина Климова. И поэтические подборки в «Дружбе народов», как правило, очень сильные. Мне помнятся стихи Олеси Николаевой, Константина Кедрова-Челищева, Елены Кацюбы, Татьяны Бек, Алексея Дидурова, Юрия Казарина, Ефима Бершина, Михаила Крепса, Равиля Бухараева, Олега Хлебникова, Анны Саед-Шах, Ольги Ивановой, Сергея Попова... Хорошо, что печатаются и молодые поэты, и поэты народов России, и стран СНГ, то есть отечественная переводческая школа находит себя именно в журнале «Дружба народов». И это очень важно, особенно в нынешнее время.

3. Я считаю, что основной аспект развития любого журнала — публикации талантливых литературных произведений. Более того, я убеждён, что только талантливые произведения могут быть — патриотичными. А если о любви к Родине трубят не самые одарённые люди, то получается фальшиво. Как писал Михаил Кульчицкий: «Я б запретил декретом Совнаркома / Писать о Родине бездарные стихи...» Это написал выдающийся поэт, погибший на Великой Отечественной войне.

И ещё вспоминаются стихи моего любимого поэта — Владимира Соколова:

Что-нибудь о России?
Стройках и молотбе?
Всё у меня о России,
Даже когда о себе.

На мой взгляд, журнал «Дружба народов» идёт правильным путём, делая ставку на качество текстов и поиск новых одарённых авторов, в том числе из республик России и стран СНГ. Значение журнала трудно переоценить, он — единственный в своём роде, именно поэтому журналу нужно оказывать всестороннюю поддержку со стороны государства. Журнал того заслуживает.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Анна МАРКИНА, поэт, прозаик, критик, издатель, лауреат премии «Лицей» (Москва)

1. «Дружба народов» всегда была внимательна к молодым авторам. До сих пор помню, как на форумах прошлых лет представители некоторых изданий твердили юным авторам: «Нет, не присылайте нам ничего — у нас план и уже сформировавшийся круг писателей». Когда иные подчёркивали свою закрытость и недоступность, редакторы «Дружбы народов» самоотверженно читали самотёк, вели многочисленные семинары по всей стране, искали новые имена. Я стала таким автором, которого «поймали» на взлёте, опубликовали стихи, окружили поддержкой и организовали точки роста. Я, действительно, не знаю журнала, который бы столько вкладывал сил, времени и души в работу с молодёжью и получал бы такие результаты. Эта глубокая связь для меня выстроена не столько с образом журнала, его именем или его историей, сколько с сегодняшней редакцией — чуткой, внимательной, профессиональной, достойной всяческого уважения и восхищения.

2. «Дружба народов» всегда была ориентирована на межкультурное взаимодействие — это не только публикация текстов региональных или зарубежных авторов, это большой и ценный труд по установлению отношений русской культуры и русского языка с окружающим миром. Журнал поддерживает множество контактов с авторами постсоветского пространства, участвует в книжных ярмарках и форумах, организует ту сеть живого взаимодействия, которую невозможно выстроить бюрократически. Национальные переплетения — очень сложные цепочки (в том числе интеллектуального и литературного взаимодействия), они складываются из людей; стоит убрать из этой цепочки конкретного писателя или редактора, как рассыплется очень тонкая, десятилетиями настраиваемая связь. И в такие турбулентные времена, как сегодняшнее, журнал выдерживает внешнее сопротивление, продолжая утверждать силу русского языка.

Я с интересом читаю каждую критическую колонку Евгения Абдуллаева, известного писателя из Узбекистана. Мне понравилась повесть Тимура Нигматуллина «Я не вру, мама», которая была первой публикацией прозаика из Казахстана и получила Русскую премию. Слежу за публикациями Сергея Пагына, зрелого и очень чистого по настроению и языку поэта из Молдовы.

При журнале многие годы действует студия «Шкереберть», в рамках которой ведётся работа над переводами поэтических текстов со славянских языков, частью этой студии являюсь и я. Не знаю в журнальном поле аналогов этой работе. А цикл соответствующих публикаций можно найти на страницах «Дружбы народов».

3. Думаю, что во времена, когда литературным журналам во многих аспектах живётся трудно, но они по-прежнему остаются защитниками и хранителями разумного, доброго и вечного, лучшим из них — таким как «Дружба народов» — нужно держаться выбранного курса — это и есть путь правды, вовлечённости и истинной любви к своей культуре и своей стране.

Илья ФАЛИКОВ, поэт, прозаик, эссеист, литературный критик, лауреат многих литературных премий (Москва)

1. Прежде всего — давняя дружба с журналом и его коллективом. Те, кто делают журнал, хорошо помнят его достойное прошлое и твёрдо знают необходимость работы с авторами, состоявшимися и перспективными. Я печатаюсь в журнале

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

с середины 70-х прошлого века: первая публикация — перевод стихотворения одного из северо-кавказских поэтов.

2. Стихи, эссеистика и проза — во всех жанрах со стороны редакторов журнала я нахожу точный отбор, пристальное чтение и доброкачественные советы. Самая дорогая мне публикация последних лет: Наталья Аришина. «Воспоминания зарифмуют: Записи на ходу» (№ 9, 2021).

3. Мне ближе и интереснее всего рубрики: Проза.doc, Жизнь в литературе и Культурный слой. Вся эссеистика, в широком смысле, включая мемуарную прозу. В этом и есть актуальность.

Борис КУТЕНКОВ, поэт, критик, культуртрегер (Москва)

В «Дружбе народов» я публикуюсь как литературный критик, поэтому и скажу в основном об этом направлении журнала. Мне крайне импонирует отношение заместителя главного редактора и редактора критического отдела Натальи Игруновой к своей работе. Не секрет, что у многих редакторов, начинавших ещё в советские годы, выработалась определённая инерция и даже равнодушие; здесь этого нет и в помине. Придирчивый выбор книг для рецензирования поначалу даже вызывает раздражение, но, остыв, понимаешь, что именно так должен работать настоящий профессионал. Глядя на Наталью Игрунову, вспоминаешь формулу Шкловского: «Большая литература окажется там, где мы будем спокойно стоять и настаивать, что это место самое важное». Мне кажется, это подвижничество многолетнее «настаивание» — наследие института советских редакторов, которое уже не характерно для нас, младших. Но лично мне хотелось бы видеть здесь этический урок для себя.

По-хорошему удивляет, что, какую бы книгу или автора ты ни назвал, у Натальи Николаевны уже есть к нему/ней определённое отношение. В этом чувствуется знание современного литературного процесса, ощущение контекста. Но в то же время и особое понимание журнала как целого, в которое вписываются или нет те или иные тенденции. «Дружба народов» следует тыняновскому принципу метаединства, когда соседние публикации проливают свет друг на друга. Специфика журнала требует особого подхода, обусловленного именно вниманием к переводческому делу, а значит, — объединяющий контекст становится вдвойне важен.

Журналу удалось собрать вокруг себя команду критиков, работа которых опровергает распространённое и, честно говоря, стереотипное представление об оскудении этой профессии, недостатке в ней чего-то. Отдельно хотелось бы отметить рубрику «Литературный барометр» Евгения Абдуллаева. Большинство этих колонок, опубликованных в «ДН», вошли в его книгу «Как убить литературу» (М.: Эксмо, 2021). Эта книга, несмотря на провокативное «издательское» название, — о том, как литературе выжить. Совсем недавно с интересом перечитывал её — и поразились точности прогнозов и широте анализа. Здесь и анализ тенденций в современной поэзии и прозе, и эссе о литературной учёбе, и разговор о фестивалях, книжных магазинах; вообще социология литературы в обязательном сопровождении исторического контекста. И всё это написано легко, доступно, умно, иронично. Думаю, именно рубрика в данном случае стимулирует автора, и со временем появится ещё не одно собрание подобных текстов. Книга Абдуллаева и его рубрика нетипичны — большинство современных сборников критики всё-таки состоят из рецензий и монографических статей. Такая книга у Абдуллаева тоже есть («Дождь в разрезе»), но всё же именно эту хочется назвать уникальной и необходимой.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Не могу не упомянуть о деятельности постоянного колумниста журнала — Ольги Балла. О её подвижничестве, беспрецедентной жадности к чтению и рецензионному письму, критической чуткости сказано довольно много, но этот разговор никогда не будет лишним.

С особым вниманием читаю круглые столы и дискуссии, которые регулярно проводит журнал. Не во всех современных изданиях это есть, такая работа требует отдельного опыта и затраты сил. Недавний круглый стол, посвящённый Бродскому; дискуссии о состоянии детской литературы; опросы о прочитанном писателями за последнее время, о любимых детских книгах... Всё это воспринимается с захватывающим интересом. Честно говоря, мне всегда жаль читателя, который прошёл мимо этих дискуссий, проигнорировал очередную «дружбинскую» pdf-ку. Ясно, насколько же он обедняет себя в познании современности — а для критика и организатора литпроцесса такое игнорирование просто недопустимо. Видно, что сотрудникам «Дружбы» интересно делать свою работу, и хотелось бы большей взаимности от коллег.

Думаю, что на данный момент менять в работе журнала ничего не нужно — по крайней мере, в эстетическом смысле. Перемен вокруг нас и так слишком много, не все из них благотворны. «И что ни человек, то смерть, и что ни/ Былинка, то в огонь и под каблук», по Арсению Тарковскому. Нужно сохранить своё дело. Приоритеты, на мой взгляд, у «ДН» всё те же — широта тематики дискуссий и книжных обзоров, честность и внимание к переводческому делу в очень непростых сегодняшних условиях... Надеюсь, что перемены в журнале будут совершаться естественным путём, касаться литературной стороны дела, а не социальных пертурбаций.

Удачи и стойкости любимому изданию!

Сергей ПРУДНИКОВ, прозаик, журналист, специальный корреспондент газеты «Известия» на Донбассе (ДНР)

Журнал «Дружба народов» когда-то стал для меня, начинающего автора, пропуском в мир литературы. Редактор Сергей Александрович Надеев откликнулся на моё письмо, к которому я прикрепил рукопись своей повести «Здравствуй, папа». Дал обстоятельную критику. И после моей доработки напечатал. Сегодня, спустя семь лет, у меня опубликованы в журнале пять произведений.

Нужно ли говорить, как важно для молодого литератора получить поддержку, быть услышанным, быть признанным (сама публикация — есть признание). В моём случае (и в сотнях других случаев) публикация в «Дружбе», а после сотрудничество и настоящая дружба позволили поверить в себя и, возможно, в собственное призвание. Больше того — обрести смысл жизни, скажу смело. Работая над очередным текстом, я невольно ориентируюсь на «Дружбу», знаю — рукопись пишется не в стол, есть площадка, где, при достойном исполнении, тебе дадут прозвучать. Более того — где редакторский коллектив заинтересован в твоей работе, в твоей удаче, успехах.

«Толстые» литературные журналы сегодня — это ворота в мир большой литературы для многих авторов, без «толстяков» не прозвучали бы важнейшие имена современности. «Дружба народов» — один из таких столпов, один из «университетов, где куются кадры». Журнал, помимо прочего, чутко реагирует на текущую повестку, не боится сложных или «неудобных» тем, исследует вместе со своими авторами мир, в котором мы живём. Даёт слово мэтрам и продолжает возвращать новых авторов, кому-то из которых в будущем предстоит стать классиком. Выражаю уважение и горячую благодарность журналу за годы сотрудничества, за профессионализм.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Анатолий КОРОЛЁВ, прозаик, драматург и сценарист, филолог, эссеист, лауреат премии Правительства Москвы, премии Госкино СССР и многих других (Москва)

1. Очень просто — потому что журнал охотно публикует мои тексты, наша дружба с «Дружбой народов» началась с того, что журнал опубликовал мой роман «Хохот», который превратился в лежащий камень на моём рабочем столе... Почти десять лет я не мог опубликовать сей роман, после того как журнал «Знамя», когда-то сделав мне имя, вдруг отказался от сотрудничества.

2. В чём ценность? «Дружба народов» — последний журнал из «толстяков», который платит писателям гонорар, да, не всегда, но платит! Если отмечать плюсы установок редакции, — она готова публиковать «авансом» незрелые тексты авторов из ближнего зарубежья, понимая, как важна им публикация в Москве — делает имя и оказывает поддержку.

3. Из заметных публикаций отмечу мемуарный текст Павла Пепперштейна *о папе и маме*.

Сергей ДМИТРЕНКО, историк литературы, прозаик; заведующий кафедрой новейшей русской литературы Литературного института имени А.М.Горького» (Москва)

1. Вообще-то авторов выбирает журнал, хотя и автор имеет свои предпочтения. И здесь сошлось. Я стал читать «Дружбу народов» ещё в школе, причём с известного книжного приложения к журналу. Это был том, куда вместились не только замалчивавшаяся тогда «Конармия» Бабеля, явно не прокоммунистический «Сорок первый» Лавренёва, но и другие удивительные для года столетия Ульянова (Ленина) произведения, например, гротескные «Виленские коммунары» Максима Горького. Вскоре я добрался и до журнала: там был напечатан замечательный и донныне живой «Весёлый роман» (или «Весёлый Роман») киевского писателя Владимира Киселёва, автора школьного бестселлера 1960-х годов — повести «Девочка и птицелёт»... С тех пор я постоянный читатель «ДН» — это издание мне интересно, оно нацелено на представление творчески свободных авторов, их художественно свежих произведений.

Крутые маршруты XX века занесли моих родителей во Владикавказ — южнороссийский Вавилон, где я родился, и это огромная удача моей судьбы: здесь язык русский не только вбирает в себя энергию многих других языков, но и наполняется особой отзывчивостью, не той, о которой довольно неуклюже в своё время высказался Достоевский, но исполненной мудрости всепонимания. В этом смысле журнал «Дружба народов» для меня — вечный филиал Владикавказа.

2. Продолжая разговор о ценности... Когда в 2017 году по поручению президента Российской Федерации в Литературном институте был создан научно-образовательный и культурно-просветительный центр «Дом национальных литератур», нацеленный на поддержку развития литератур народов России и восстановление традиций художественного перевода, что было бесспорным и благим достижением советского времени, редакция «Дружбы народов» предложила нам самое широкое сотрудничество. И оно обрело новые перспективы, мы учредили премию за лучший перевод года

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

на страницах журнала, однако... Читатели «ДН» видят, что переводов с других языков печатается немного, если не сказать — мало. Но виновата ли в этом редакция? Утверждаю, зная положение дел с переводами и в нашем институтском издательстве: не виновата. При отсутствии сколько-нибудь внятной политики финансирования переводов с языков народов России (и с русского языка тоже!) мы рискуем на неопределённое время остаться без панорамы современных достижений наших литератур. Неужели Россия настолько бедна, что не может выделить по нашим масштабам совсем небольшие средства для обеспечения трудов переводчиков, на достойную, расширяющуюся работу «Дружбы народов»?!

3. Выше я ответил на этот вопрос. «ДН», как и Литературный институт, созданные мудрым Горьким, живут под светлым девизом: *Дружба литератур — дружба народов*. Надо помочь журналу в его трудах: поселить редакцию в достойном месте, обеспечить целевым финансированием художественных переводов, восстановить и развивать книжные проекты. И они, и мы знаем, что и как надо делать. Но кто нас слушает, кто нам помогает?!

Анатолий ЦИРУЛЬНИКОВ, писатель, историк, доктор педагогических наук, профессор, академик Российской академии образования (Москва)

Почему я выбираю для публикаций «Дружбу народов»?

Во-первых, потому что мой редактор — Ирина Яковлевна Доронина. Издание я воспринимаю прежде всего через человека, его отношение к тому, что ты делаешь, его изысканный вкус, культурный уровень, профессионализм. Собственно, через редактора, сотрудников, эти качества оказываются присущи журналу.

Я сотрудничаю с журналом «Дружба народов» более двадцати лет не только потому, что пишу, мне кажется, родственное ему по содержанию, и поэтому естественно передать свой текст в это издание, к ставшему уже, надеюсь, другом своему редактору. Не менее важно во времена шаткости социальных и личностных устоев ощутить надёжность человека и журнала, сохраняющих непреходящие ценности, культурную традицию и если не уровень былых знаменитых авторов, то твёрдое стремление не опускаться ниже плинтуса, что, к сожалению, происходит сегодня в российской печати. «Дружба народов» не продаёт душу ни за какие коврижки — вот что в первую очередь притягивает к журналу. И само название, несмотря на горькое разочарование в действительности, остаётся неизменным, если не как подтверждение сущего, то как вечное напоминание о должном. Возможно, я несколько идеализирую, но «толстый» литературный общественный журнал в России, даже если не нужен власти, остаётся нужным человеку.

Что касается «путей» и «горизонтов» — в реальности, в которой мы находимся, и в обозримом будущем, — то о них лучше говорить молодым авторам, людям, чей жизненный горизонт дальше. Талантливые молодые, как ни странно, ещё остались в России. Они и в ближнем, и в дальнем зарубежье.

Мы знаем, что русская эмиграция оставила культурный след в разных странах, у разных народов. Нынешняя не будет исключением.

Наблюдения показывают, что у переехавших в иные края есть несколько возможностей. Отгородиться от общества, говорить только по-русски, жить в «пузыре». Или побыстрее абсорбироваться, стать частью общего.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Но есть и ещё одна возможность, которую я отметил в разных странах и увидел в разных опытах. Не изолироваться и не раствориться. Опереться на то, что знаешь и умеешь лучше всего, сделать нечто своё, новое. И тем самым внести вклад в инновационные технологии, сервис, педагогику, культуру страны и народа, среди которого живёшь. Пройдёт время, и это, как уже не раз бывало, вернётся в Россию. Как и сделанное у себя на родине просочится к другим народам и будет ими развито. Живой круговорот идей и практик — цивилизации, культуры, образования.

Может быть, подумать на эту тему? Чем может помочь журнал «Дружба народов». И не проглядывает ли в этом для него самого какой-то широкий горизонт, один из новых путей развития?

Илья ОДЕГОВ, прозаик, переводчик, лауреат премии «Современный казахский роман», Русской премии (Алматы, Республика Казахстан)

1. Я помню, что ещё в детстве в родительской библиотеке находил и читал номера «Дружбы народов» и именно там знакомился со стихами Расула Гамзатова и рассказами Фазиля Искандера. В журнале я открыл для себя и Чабуга Амирэджиги, который надолго стал моим любимым писателем. На мой взгляд, «Дружба народов» — это то самое издание, которое в нынешнем, раздираемом противоречиями мире выстраивает мосты между писателями и читателями разных культур, между поколениями и традициями. Здесь литература становится не только способом самовыражения, но и формой культурного диалога. Для меня, как автора, который всю жизнь работает на стыке культур Востока и Запада, Европы и Азии, важно, чтобы мои тексты были услышаны в контексте именно такого диалога. Кроме того, я являюсь членом редакционного совета журнала и поэтому очень ценю, что «Дружба народов» — это не только площадка для публикаций, но и пространство, благодаря которому у меня есть возможность поддерживать других авторов, особенно из Казахстана и Центральной Азии.

2. «Дружба народов» — это издание, которое в первую очередь сохраняет и развивает литературный русский язык как язык межнационального общения, вне зависимости от границ и национальностей. И это — главное. Ценность журнала ещё и в том, что он на протяжении десятилетий держит высокую планку качества, сочетая верность литературным традициям с открытостью новым голосам и смыслам. Среди самых ярких публикаций последних лет я бы отметил статьи писателя и литературного критика Евгения Абдуллаева, стихи Айгерим Тажи и Заира Асима, прозу Сауле Кожатаевой, Юрия Серебрянского, Евгения Эдина и др., а также переводы Фукудзавы Юкити и Оулава Гюннарссона. Отдельно стоит упомянуть тематические номера — например, выпуски, посвящённые литературам Кавказа, Поволжья, Средней Азии и др. Это, возможно, лучшие современные антологии русскоязычной литературы последних лет, способные дать срез прозы и поэзии того или иного региона.

3. Сегодня особенно важно строить мосты между культурами, языками, поколениями. «Дружба народов» как раз обладает всеми ресурсами для этого. Всегда актуальные направления — это вовлечение новых авторов, в том числе пишущих на языках малых народов, переводы их текстов, а также сохранение внимания к русскоязычной и переводной литературе ближайшего зарубежья. И журнал очень многое делает для этого. Замечательно появление рубрики «Золотые страницы «ДН»», где вспоминаются лучшие публикации прошлых лет. Ну, а ещё, на мой взгляд, важно

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

продолжать работать с цифровыми форматами, социальными сетями, мультимедийным контентом — чтобы привлечь и удержать молодого читателя. Возможно, стоит развивать формат интервью с авторами, а также расширять междисциплинарность — соединять литературу с современными гуманитарными исследованиями, кино, музыкой, визуальным искусством. Я верю, что у «Дружбы народов» есть всё, чтобы быть не просто литературным журналом, а интеллектуальной платформой нового поколения.

Ольга БАЛЛА, литературный критик, эссеист, редактор, лауреат Всероссийской литературно-критической премии «Неистовый Виссарион» (Москва)

1. Вследствие совпадения круга интересов и интонационной общности (и, чуть переиначивая классика, отсутствия эстетических разногласий). Ну и ещё потому, что сюда можно писать регулярно и самостоятельно придумывать содержание рубрики и организуя её идеи, чему редакция практически никогда не препятствует, разве что иногда мягко возражает (смайл).

2 (а). Очень важно, что журнал удерживает в поле зрения одновременно происходящее в русскоязычных литературах постсоветских стран и самое актуальное и интересное из того, что делается в нашем отечестве, не выпуская притом из вида — тут я разумею прежде всего рецензионный отдел — и переводные книги авторов, с Россией и русской культурой не связанных, зато имеющих отношение к тем или иным большим важным проблемам (вот, например, «Обретение личности» Фукудзавы Юкити с предисловием и комментариями Александра Мещерякова в мартовском номере этого года).

2 (б). Прежде всего, мне очень нравится авторская рубрика Александра Чанцева; также много лет, не только последних, и авторская же рубрика Евгения Абдуллаева (их обоих читаю каждый раз самыми первыми). Из ярких публикаций обозримого времени сразу же идёт на ум, например, «От фонаря» Владимира Гандельсмана, «Проскинитарий» Дмитрия Исакжанова; из совсем-совсем недавнего — «Словесная партитура. Сравнение литературы с музыкой: к истории одной метафоры» Константина Фрумкина в апрельском номере за 2024 год; «Испивая чашу» Юлии Стоногиной о чайной церемонии и общих чертах её с православной литургией в январском номере этого года; в апрельском номере этого же года был очень интересный материал Анатолия Цирульников о миграции и мигрантах разных времён и народов; в майском — круглый стол о Бродском в связи с его 85-летием.

3. Мне кажется, что, если уж меняться и развиваться, надо бы подробнее и разнообразнее писать о русскоязычной словесности далеко за пределами России, в максимальном, насколько возможно, отрыве от здешней культурной, событийной и т.п. почвы. Я себе представляю «Дружбу народов» как журнал не только о литературе так называемого ближнего зарубежья, оно же постсоветское пространство, и литературах разных народов России (что само по себе очень интересно), хотя это, пожалуй, первостепенный круг его задач, но и о том, что пишется и думается по-русски во всём свете и поверх барьеров, во всех русских диаспорах — от неминуемых Израиля и США до менее очевидных Канады, Австралии и, предположим, Чехии (а лучше всего — и не только о словесных искусствах). Таким образом будет, во-первых, составляться подвижная карта умственной и вообще культурной жизни, связанной с русским языком, во-вторых, само соответствующее пространство будет удерживаться в единстве, хотя бы и в воображении читателей, это уже много.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Что ещё интересно и нуждается, по-моему, в активном прочтывании и рефлексии? Исследования русской культуры за рубежами России; вот о таких книгах стоило бы побольше писать, да хотя бы и завести отдельную рубрику! (В самом идеальном случае — писать бы не только о том, что переведено у нас, но и о том, что издано на языках оригиналов.)

Олег РЯБОВ, прозаик, главный редактор журнала «Нижний Новгород», лауреат премии «Золотой Витязь» (Нижний Новгород)

1. За последние годы я опубликовался в «Дружбе народов» с десяток раз, и это не я выбрал журнал, а он, журнал, его главный редактор и редколлегия выбрали меня в качестве своего автора. Это значит, проблематика моих текстов, качество языка и моё понимание современных задач литературы устраивают журнал, и мы в чём-то роднимся. Мировоззренческое противостояние различных российских литературных журналов существовало всегда: «Сын отечества» и «Современник» в начале XIX века, «Русский современник» и «На посту» в двадцатые годы прошлого века, «Новый мир» Твардовского и «Октябрь» Кочетова на нашей памяти. Их противостояния лишь обогащали нашу литературу.

Несколько лет назад я прислал в «Знамя» повесть «Труба», и глубоко уважаемый мной Сергей Иванович Чупринин написал в ответ: «Олег! Это не к нам! Ты знаешь, куда это посылать!» И уже через полгода повесть была опубликована в «Нашем современнике». Журналов должно быть много, и они должны быть разными.

Простое перечисление имён советских и российских писателей, предложивших читателям со страниц «Дружбы народов» свои тексты, просто восхищает! Это заслуга главного редактора и редколлегии.

2. Я не самый активный читатель современных текстов: даже большинство премиальных произведений я не успеваю толком просмотреть, а потому мне трудно судить. Но честно, откровенно, искренне могу заявить, что роман Сенчина «Елтышевы» меня когда-то просто потряс, и я уверен, что этот текст останется в русской литературе навсегда. Заслуга журнала «Дружба народов» в этом несомненна и значительна.

3. Безусловно — поиск новых имён. Публикация в «толстом» литературном журнале уровня «Дружба народов» — это первая ступенька в бессмертии!

Фарид НАГИМ, прозаик, драматург, редактор, педагог, лауреат премии Совета по культуре при Президенте РФ (Москва)

1. Журнал «Дружба народов» — первый «толстый» литературный журнал, где в меня поверили. Редколлегия приняла к печати мою пьесу, это при том, что драматургию журнал обычно не печатал. Бывало и такое, что другие «толстяки» отказывались публиковать мои произведения по каким-то «внутрицензурным» соображениям, но не «Дружба» — этот журнал всегда ориентировался только на художественную ценность произведения.

2. Хотел бы отметить, что в «Дружбе народов» за эти десятилетия сложился уникальный коллектив: Леонид Бахнов, Наталья Игрунова, Галина Климова, Ирина Доронина, Владимир Медведев, Сергей Надеев, Елена Жирнова. Смее уверить (и я знаю, о чём говорю, так как отдал журналу три года своей жизни), что без этих

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

людей, работающих практически бесплатно, журнала «Дружба народов» уже не существовало бы! Вообще не было бы предмета для разговора, понимаете?! Боюсь, что любое вмешательство в работу редакции обрушит высокую планку, которую удавалось сохранять все эти годы, — журнал является эталоном литературного качества текста.

Журнал вывел в свет многих прекрасных писателей — от маститых и всемирно признанных до совсем юных. Так, например, в годы моей работы в «Дружбе» появилась Ася Умарова — ныне известная чеченская писательница. И так же были одобрены, например, публикации молодых башкирских писательниц — Гюльназ Лежневой (повесть «Нэнэй», № 9, 2023) и Марии Александровой (рассказ «Хэтер», № 1, 2023).

Ещё мне запомнились рассказы Максима Симбирёва.

3. Думаю, направления работы неизменны: помощь молодым авторам из национальных республик России. Тщательный отбор, талантливый перевод и популяризация их произведений. Освещение тем миграции, интеграции, сохранения родных языков в условиях урбанизации. В условиях роста национализма, ксенофобии и культурной изоляции именно эта редакция остаётся единственной площадкой, где голоса разных народов звучат на равных. Его работа помогает сохранить многообразие в единстве — ключевую ценность российской и постсоветской литературы. «Дружба народов» сегодня — не просто архив советской многонациональной культуры, а живой инструмент диалога в сложном XXI веке. С этим инструментом надо обращаться бережно, а не рвать из рук, сохранивших и усовершенствовавших его профессионалов.

Дмитрий ШЕВАРОВ, прозаик, литературный критик, эссеист, лауреат премии Правительства РФ, Премии «Ясная Поляна» (Долгорудный, Московская область)

1. Мне кажется, что в отношениях с тем или иным изданием у каждого пишущего есть своя таинственная химия отношений. Объяснить её трудно. Что могу сказать со всей определённости: мне очень дорога творческая дружба с нынешними создателями журнала. Прежде всего — с Натальей Николаевной Игруновой.

2. «Дружба народов» сопровождает меня с отрочества — сначала как читателя, потом и как автора. Невозможно не дорожить этим. Мои представления о нравственных задачах литературы, о том, что именно такие задачи — главные для писателя, во многом складывались благодаря «Дружбе народов», благодаря тому потрясению, которое я испытывал от прочитанного в журнале. Прежде всего вспоминаются повести Василя Быкова, Нодара Думбадзе, Юрия Трифонова, Виктора Козько.

Журнал от корки до корки читала моя мама, профессиональный литературный и театральный критик. Она ненавязчиво подталкивала меня, подростка, к прочтению книг на вырост, серьёзных, а подчас и сложных произведений. И эта мамина «школа читателя» помогает мне до сих пор ориентироваться в хаосе нынешней распавшейся словесности.

Если говорить о публикациях «Дружбы народов» последних лет, то я стараюсь следить за публикациями Ларисы Миллер, Сухбата Афлатуни, Ильи Фаликова, Марины Москвиной, Дениса Гуцко, Бориса Минаева, Ольги Балла, Игоря Малышева, а также знакомых мне молодых (и уже не очень молодых) авторов. Это чтение

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

обнадеживает. Назову Наталию Ключарёву, Валентину Патронову, Константина Комарова, Варвару Заборцеву, Григория Князева, Ефросинию Капустину, Константина Шакаряна.

3. Дай Бог журналу просто выжить, удерживая в себе, как в пучке света, те направления, что были когда-то безошибочно заданы самим названием журнала.

Елена ДОЛГОПЯТ, прозаик, сценарист, лауреат премии им. Исаака Бабеля (Москва)

1. Потому что «Дружба народов» разборчива. Далеко не всегда мне говорят: да, берём, публикуем. А когда публикуют, — я счастлива, я точно знаю, что мой рассказ (раз уж он пригласился «Дружбе народов») хорош. И компания, в которой мой рассказ окажется, будет интересная.

Вот, к примеру, мартовский номер за нынешний, 2025 год, где напечатан мой рассказ «Царь лев». В этой же книжке журнала: Роман Сенчин (материалы к биографии Александра Тинякова «Тиняков и Первая мировая»), Саша Николаенко (главы из романа «Страна, которой больше нет»), Галина Калинкина (рассказ «Глубина промерзания»), Лев Усыскин (пьеса «Гниды»). Это голоса современной прозы. Значимые, важные. Горжусь соседством.

2. Журнал «Дружба народов» — настоящий дневник современной литературы. Это свидетельство её — литературы — существования. Не просто сборник того и другого, не хаос текстов, а гармония, может быть, неожиданная. Стихи, рассказы, главы из романов, поставленные вместе (и в определённом порядке) редакторами журнала оказываются чем-то единым.

3. Может быть, это и не самая заметная публикация, но мне хочется обратить на неё внимание. В № 2 за 2022 год, в разделе «Моя малая родина»: Айганыш Акылбекова «Осенняя хандра в Кыргызстане: недореволюция, киргизация и балконские».

Много лет назад я жила с родителями во Фрунзе (сейчас — Бишкек). Недолго — мой шестой класс. Помню людей, арыки (особенно на ГЭС-5), поездку в горы, сами горы с ледяными вершинами, дубы в парке, выгорающую от жары траву, богатый, яркий (солнечный) базар. Мне хочется, чтобы вы поняли: я не просто читала про другую страну, но про ту страну, которая была и моей тоже. Я видела её в другое время и детскими глазами, а заметки Айганыш Акылбековой дали мне новое зрение, новое понимание. Не только Кыргызстана. Но и современной многолюдной Москвы. Потому что мы связаны, несмотря на все разделы. Это очевидно.

И, кстати, мне очень нравятся в этом же номере прекрасные цветные иллюстрации художника Аннагелды Меретгельдыева, реалистичные и сказочные — волшебные. По-моему, больше ни один «толстый» литературный журнал не даёт иллюстраций. А они бывают весьма кстати. Возникает новое восприятие текста. В каждом номере журнала (или почти в каждом) есть статьи, заметки лучших современных критиков Александра Чанцева и Ольги Балла.

Их интересно читать. Их важно читать (если вы хотите ориентироваться в современной литературе; не только в русской; не только в беллетристике).

Современная русская литература. В России, в Кыргызстане, в Израиле, в Казахстане, да где угодно. В контексте мировой литературы. Чтобы не терять ориентиры.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Александр МАРКОВ, философ, литературовед, искусствовед, культуролог, переводчик, арт-куратор, профессор РГГУ, лауреат Всероссийской литературно-критической премии «Неистовый Виссарион» (Москва)

1. «Дружба народов» — это не просто журнал, это пространство, где встречаются голоса из разных культур, где переплетаются судьбы и языки, а слово, освобождённое от ближайшей утилитарности, обретает свою истинную природу. Мне близка его идея — не просто рассказывать истории, но создавать диалог между людьми, которых разделяют границы, но объединяет человеческое. Здесь я чувствую, что мои тексты не просто публикуются, а становятся частью большого разговора. Здесь я нахожу редкую возможность для своих текстов существовать в режиме, как сказал бы Ролан Барт, «письма-наслаждения», где читатель становится не потребителем смыслов, но их со-творцом. Наконец, здесь я присоединяюсь к дыханию других авторов, а нет ничего ценнее такого литературного дыхания, где сердце не лжёт. *Hic stylus, non calculus* — здесь перо, а не счётный камешек.

2. Ценность «Дружбы народов» — в её способности открывать новые имена и сохранять классику. Журнал не боится сложных тем, не избегает экспериментов, но при этом остаётся местом, где литература — это не игра в слова, а искренний разговор. Журнал создаёт текстуальные созвездия из произведений. Ценность также — в умении слышать музыку языка, даже если она звучит на незнакомом наречии. Журнал помнит, что поэзия и художественная проза рождаются не только в великом, но и в малом. Журнал помнит о мужестве человечности. Мне ценно, что журнал переводами открывал поэзию высокого парадокса, от У.Вордсворта (в переводе И.Меламеда) до Г.Господинова (в переводе Е.Харитоновой). Мне ценно, что в журнале сотрудничала Ольга Седакова, и всегда её слёзы, высеченные в мраморе. Мне ценно, что в журнале была опубликована вдумчивая проза о работе культурной памяти, например, «Бывшая Ленина» Шамиля Идиатуллина и рассказы Ильдара Абузярова. И совсем ценно, что в журнале публикуется множество писателей, представляющих свою культуру как переводчики и участвующих в российском литературном процессе — например, Анна Варданян. *Sed melius: hic non tantum leguntur, sed releguntur verba*. Но главное: здесь не просто читают, а перечитывают слова.

3. Сейчас, когда мир разрознён, «Дружба народов» может стать платформой для межкультурного диалога на всех уровнях. Не будем бояться текстов на стыке жанров: документальная проза, эссеистика, визуальные гибридные формы. Нужна работа в пользу текстуальных архипелагов — где проза, поэзия и эссеистика образуют новые синтаксисы. Пусть сближение с другими искусствами происходит не иллюстративно, а так, чтобы текст становился партитурой для невыразимого. Поприветствуем молодые голоса — не надо смущаться радикальных, неожиданных авторов, они умеют дружить и умеют объяснить, что такое дружба, в том числе дружба народов. Благословим цифровое присутствие — подкасты, мультимедийные проекты, чтобы литература жила не только в столбцах. Не только текст, но и перформанс, голос, жест. Больше женских голосов — и ярость свободы духа, и ярость любви! Ближе к природе слова — меньше сухого анализа в критике, больше огня в рассказе о прочитанном. Пусть будет больше переводов — но не как адаптаций, а как призрачных отражений оригиналов в другом языке. И как нужна классическому «толстому» журналу работа с тишиной — графические поэмы, пробелы, паузы — всё, что напоминает: истинное рождается в интервалах. *Lusus verborum, sed cum gravitate: non joci, sed sacra* — игра слов, но с важностью: не шутки, а священнодействие.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Максим ГУРЕЕВ, прозаик, режиссёр, лауреат литературной премии «Данко» (Москва)

С «Дружбой народов» меня связывает давняя, а по нынешним временам прямо-таки старинная дружба. Две эти дружбы в моём случае начались 27 лет назад, когда я впервые напечатался на страницах журнала, в 1998 году. Поверьте, это достаточный срок, чтобы понять, кто работает на данном поприще и почему именно на этих страницах хочется публиковаться.

А дело, как ни странно, в литературе, в тексте, потому как сам журнал «Дружба народов», существующий вот уже 86 лет, текстом и является — не политическим ангажементом и не натужным вещанием о «насушном», но именно текстом, голосом многонациональной литературы, которая решает вопросы куда более важные, чем выбивание грантов и освоение бюджетов.

Быть частью этого мегатекста, в который, по словам Андрея Битова, мы все погружены, но не все способны это осознать, почитаю для себя за особую честь.

Российская Империя, СССР и современная Россия всегда были многонациональными и мультикультурными государственными образованиями. Спорить с этим — всё равно что оспаривать собственную судьбу, снисхождение которой к человеческой глупости порой бывает воистину безгранично.

Нет, не рождается в споре истина хотя бы потому, что в схватке амбиций побеждает сильнейший, а не умнейший, да и не пристало умному спорить с дураком-горлопаном. А переломанным копьям, как известно, место на свалке...

У журнала же «Дружба народов», как мыслится, совсем иная задача — бережно обращаться с абсолютно разными языковыми ресурсами, тактично приноравливая их друг к другу, духовно обогащая тем самым как читателя, так и писателя, открывая перед ними новые возможности текста, будь он написан на русском или аварском, узбекском или литовском, украинском или балкарском языках.

В начале этого лета в издательстве «Молодая гвардия» в серии ЖЗЛ у меня вышла книга «Керим Отаров». Упомянул о ней вовсе не из желания попиариться на страницах журнала. Дело в том, что именно в этой монографии о судьбе и творчестве классика советской балкарской литературы мне пришлось впервые выступить в качестве переводчика поэмы и рассказов Керима Отарова на русский язык. Опыт воистину бесценный и многое объясняющий в деятельности «Дружбы народов», направленной на сближение литератур если порой лингвистически и не родственных, то исторически и культурно неразрывно связанных.

Среди наших современников, на чьи публикации в журнале мне хотелось бы обратить особое внимание, следует назвать Андрея Волоса и Евгения Абдуллаева, Владимира Салимона и Владимира Делба, Александра Чанцева и, конечно же, незабвенного Бахыта Кенжеева (1950—2024). Список этот, разумеется, можно длить. Поэты и прозаики, литературные критики и журналисты, сошедшие под обложкой «Дружбы народов», по сути пишут один текст, который вот уже на протяжении более чем восьми десятков лет является неотъемлемой частью многонациональной русской литературы.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Александр БУШКОВСКИЙ, прозаик (Петрозаводск, Республика Карелия)

1. «Дружба народов» для меня — журнал особенный. Здесь случилась в 2013 году моя первая большая публикация: была напечатана повесть «Праздник лишних орлов». Не то чтобы это была путёвка в жизнь — рассказы я печатал и раньше, однако с «Дружбой народов» с тех пор меня связывают самые нежные отношения. Мне довелось принимать участие в книжных фестивалях и круглых столах журнала, познакомиться с его сотрудниками лично, и скажу с благодарностью: в журнале работают не просто высокопрофессиональные редакторы, но и мудрые, доброжелательные и обаятельные люди.

2. О значении «толстых» литературных журналов для отечественной культуры сказано так много, что повторяться не хочется. «Дружба народов» — журнал с уникальной спецификой: его задача — вести и поддерживать межнациональный диалог, сшивая литературное пространство той незримой нитью, о которой классик татарской поэзии Габдулла Тукай написал когда-то «Нанизаны мы на единую нить...» Тут по ассоциации вспомнились опубликованные в журнале яркие, живые рассказы Аделя Хаирова из Казани, особенно «Такое весёлое кино». С интересом прочитал повесть Олега Зоберна «Бесермяне» о малом финно-угорском народе в Удмуртии. У нас в Карелии проживает несколько малых финно-угорских народов — карелы, вепсы, саамы, — и проза Зоберна, как говорится, отозвалась, эта тема мне близка.

3. Думаю, что ничего более актуального, чем сращение (так часто теперь рвущихся) культурных связей между странами и народами — поверх границ, поверх барьеров, — и быть не может. Работа единственного в России издания подобного рода, вся на это направлена и этим важна и необходима сегодня и завтра.

Игорь БУЛКАТЫ, прозаик, поэт, переводчик (Москва)

С момента основания в 1939 году «Дружба народов» была и является едва ли не единственным печатным органом, который объективно представляет динамику многообразия национальных литератур бывшего Советского Союза, а после его распада — России. Нынче в контексте событий, происходящих в мире, важность её и правомерность возросла в разы. И дело вовсе не в том, что журнал печатает стихи симпатичных лично мне поэта и священника Дмитрия Трибушного или Натальи Изотовой, живущих в Донецке, и многих других писателей Малороссии, но мало печатает переводов современных украинских писателей, чему есть объективные причины, — а в том, что, как это ни печально, некогда общее литературное пространство раздвигается за счёт европейских и заокеанских публикаций.

Кроме того, нам по-прежнему недостаёт культуры межнациональных отношений. Проблема усугубляется тем, что эти отношения из этнокультурной всё больше и больше перемещаются в политическую плоскость. Причина, на мой скромный взгляд, в неумении противостоять ангажированности и злоупотреблению исследованиями определёнными силами, в нарастающей трудовой и политической эмиграции. Как тут не вспомнить первых молодых представителей боярских фамилий, посланных Петром Первым в 1697 году на учёбу в Голландию, где они научились не только корабельным и астрономическим наукам, но и получили первый опыт общения с европейцами.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Задача же журнала «Дружба народов», в чьём заглавии громадный опыт общения с самыми разными писателями, не в том, чтобы вовремя реагировать на проявления глубинных этнокультурных процессов народов России, а в том, чтобы эти процессы были представлены на его страницах в виде высокохудожественных произведений. По выражению Платона, истина, явленная в голом виде, менее продуктивна, нежели истина, представленная в виде художественного образа. Ибо для читателя важно не само действие, фактология, а промежуток между эмоцией и изложенной мыслью, уловив который, они подключаются к сотворчеству, а это самое главное в искусстве. Ведь окончательно сформулированное мнение зачастую обрезает крылья фантазии. Писатель на страницах своих произведений может выматывать себя размышлениями об истине, ошибаться в суждениях, предполагая, что эти сомнения — суть искусства, но это не так. Порой сотворчество с читателем, выражающееся в домысливании им предложенных автором реалий, гораздо важнее удачной метафоры или аллегории. И это вовсе не перекладывание ответственности, а именно сотворчество, которое весьма важно в переломные моменты истории.

Другая важная проблема — трудности художественного перевода. Сегодня мы наблюдаем дефицит переводческого мастерства, о чём не однажды говорилось на страницах журнала «Дружба народов». Несмотря на то, что Литературный институт им. А.М.Горького, моя альма-матер, не раз поднимал вопрос о создании семинара переводчиков с осетинского языка на русский, мне не удалось собрать нужное количество желающих получить образование в Москве. Мне стыдно признаваться в этом, но молодые люди Осетии, выпытывающие у меня ответ на вопрос: что же они будут иметь с этого, — не горят желанием учиться в Литературном институте. Между тем, тенденция такова, что многие талантливые осетинские писатели переходят на русский язык, наивно полагая, что для охвата современных проблем и скорейшего донесения их до читателей родного языка недостаточно. Но это уже сложности не только этнического и культурного характера, а и недопонимания сложившейся ситуации.

Валерий БЫЛИНСКИЙ, прозаик, лауреат премии «Ясная Поляна» (Санкт-Петербург)

Свобода и дружба — вот, пожалуй, главные отличительные признаки журнала «Дружба народов». Или дружба и свобода, не важно, от перестановки слагаемых сумма смысла не меняется. Об этом журнале я знал ещё в глубоком детстве, а потом так получилось, что из всех наших литературных «толстяков» больше всего печатался здесь. Почему? Потому, наверное, что в других журналах всегда присутствовал лёгкий элемент избранности и надмирности, что ли, — а в «Дружбе» всегда к моим текстам относились с неизменным вниманием и пониманием. «Дружба народов» никогда не была «храмом искусства», это было просто искусство для людей и о мире, в котором мы живём. При этом далеко не всегда все мои рассказы и повести брали — позже я понимал, что сам недотянул их. Мне кажется, этот журнал — единственный на данный момент самый что ни на есть актуальный срез современной русской литературы. Его читают, его покупают. Его читает, кстати, говоря, молодёжь — я сам видел несколько раз в метро парней и девушек с открытым журналом «Дружбы народов» в руках. А дизайн какой, — крафтовый цвет обложки, шрифт, просто приятно взять в руки. Ну и название соответствует. Здесь печатают авторов разных национальностей,

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

изо всех регионов страны, порой с противоположными взглядами — но при этом критерий всегда один: хорошая, качественная литература. Первый рассказ у меня в «Дружбе народов» вышел уже не помню в каком году, назывался он «Последнее лето». О том, как одна семья, живущая в стране, которая скоро развалится, в кои-то веки собралась вместе и поехала на машине отдыхать на море, и там все они нашли кратковременное, а может и вечное единство. А последний рассказ «Пьяная аллея» был о взрослой и одновременно ранней, юной любви, и действие там тоже происходило на морском берегу. Между этими двумя рассказами было много публикаций, позже всё это выходило в книгах. Но вот эти две новеллы, первая и последняя, наверное, самые для меня дорогие — потому что они о том, чем для меня стала за эти годы «Дружба народов»: дружеская, практически домашняя, семейная атмосфера в редакции, куда всегда можно запросто прийти в гости, и... конечно, любовь, которая со временем становится только крепче.

Ирина БОГАТЫРЁВА, прозаик, музыкант, фольклорист, лауреат премий по литературе для детей и подростков им. Крапивина и «Книгуру» (Москва)

Журнал «Дружба народов» лично для меня — воплощение своего названия: именно *дружбы* и именно *народов*, т.е. признания равноправия и равной ценности всех языков и культур и поиска контакта между ними. Важно, что слова, вынесенные в название журнала, не стали здесь просто вывеской, затёртым лозунгом, но до сих пор несут смысловую нагрузку и определяют творческий поиск редакции. Помню, как однажды мне довелось принимать участие в очном семинаре журнала в Переделкино, и это было настоящее счастье — познакомиться лично с писателями из разных регионов России и стран бывшего СССР, пообщаться и лучше понять друг друга. Как человеку, выросшему в многонациональном регионе — Поволжье, — интересующемуся и изучающему традиционные культуры, мне всегда любопытно знать, о чём пишут авторы в Татарстане, на Алтае, в Якутии и других регионах, а для этого нужны переводы, для их публикаций — площадки, а значит, что? А значит — «Дружба народов»!

Поэтому и публиковаться здесь для меня большая честь: я чувствую, что мои тексты тоже становятся частью процесса культурного взаимодействия. Кроме того, в «Дружбе народов» уделяют большое внимание детской литературе: тут регулярно публикуются тексты, рассчитанные на детскую аудиторию, а также проходят круглые столы, посвящённые проблемам детской литературы. На мой взгляд, это отличная традиция, хорошо, если она продолжится, потому что читать высказывания других авторов по одинаковым вопросам всегда очень познавательно.

Что касается самой яркой публикации — той, которая помнится на протяжении нескольких лет, — то для меня это роман Андрея Волоса «Царь Дариан» (№ 3, 2019 г.). Многослойный, колоритный текст, переплетение истории и современности. Запомнилась жаркая, даже душная атмосфера романа — Таджикистан, Персия, войны и потери, надежды и любовь разных эпох. Любопытно, что примерно год назад довелось обсуждать роман с совершенно случайным собеседником, оказавшимся заядлым любителем современной литературы, — так что не мне одной он запомнился. (К слову, сейчас открыла сеть и обнаружила, что именно в этом году роман вышел книгой.)

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Игорь КУЗНЕЦОВ, прозаик, литературный критик, эссеист (Москва)

1. Для меня, как давнего и постоянного автора «Дружбы народов», важнее всего в любом коллективном издании, каковым, по определению, является литературный журнал, — быть в хорошей компании. То есть хочется публиковаться рядом с теми, кто мне интересен прежде всего как прозаик, поэт, публицист, критик, художник и т.д. «ДН» мне такую чудесную возможность уже много лет даёт.

Как сторонник «традиционных ценностей» я, конечно, предпочитаю читать бумажный вариант журнала, и когда очередной номер попадает мне в руки, я прочитываю его насквозь. Далеко не со всеми изданиями такое происходит, хотя я всегда, насколько такое возможно, стараюсь быть объективным в оценке чужих сочинений, имея немалый опыт собственного редакторства.

2. Здесь любят литературу в целом и, в частности, — своих авторов, относясь к ним нежно, хотя и строго: просто «по знакомству» на страницы «ДН» не попадёшь.

Главная ценность, на мой взгляд, при всей немногочисленности редакции, — желание и умение находить новых авторов, молодых и не очень, главное — хороших и настоящих. Многие писатели за последние годы были журналом буквально «открыты», хотя и прежде публиковались в других изданиях с короткой прозой. Приведу лишь один пример: Сергей Самсонов, роман о событиях 2014 года на Донбассе «Держаться за землю», получивший премию «Ясная Поляна». Мне эта вещь ни стилистически, ни по теме не близка, но я ценю выбор редакции, и роман прочитал, — исключительно потому, что он опубликован в «ДН».

3. Продолжать любить литературу и своё журнальное дело, трудное и не слишком благодарное ныне.

Публиковать и далее авторов постсоветского пространства, — для многих из них «ДН» — единственная возможность быть прочитанным не только на родном, а и на русском языке. То же касается и авторов из национальных российских регионов, пишущих на родных языках.

Уникальность «ДН» здесь проявляется особенно — у редакции есть и традиционный, и новый опыт дружественной и профессиональной работы с авторами, пишущими на языках народов России. Больше таких изданий просто нет.

И — да, «Дружба народов» совершенно и тонко, без пафоса, а с любовью соответствует своему названию: здесь объединяют, а не разъединяют, в чём, на мой взгляд, и есть один из смыслов литературы и искусства во всей их стилистической и географической широте.

Олег СИДОРОВ (Олег Амгин), прозаик, публицист, председатель Ассоциации «Писатели Республики Саха (Якутия)» (Якутск, Республика Саха)

1. «Дружба народов» — само словосочетание, ставшее именем журнала, воспринимается и как символ нашей страны. И это название совпадает с миссией журнала, которой редакция остаётся верна на протяжении всех последних десятилетий. Этим и привлекает журнал творческих людей со всей страны и из зарубежья. Привлекает профессионализмом и внимательным, бережным отношением сотрудников редакции к авторам. Публикуясь на страницах «ДН», мы, писатели из регионов, особенно из национальных республик, получаем трибуну-площадку, с которой

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

обращаемся ко всем пишущим и читающим на русском языке, — находим единомышленников и включаемся в общероссийский литературный процесс.

2. Опыт, накопленный редакцией за десятилетия, — бесценный. Каждый номер журнала раскрывает один из важнейших принципов сосуществования различных народов и конфессий — сотрудничество и взаимодействие. Мы узнаём из первых уст, чем живут писатели регионов России и постсоветского зарубежья, что их волнует. Журнал в разных перипетиях оставался верен идее дружбы, знакомил российское общество и всех, кто интересуется национальными литературами, с новыми произведениями писателей, поэтов, публицистов страны.

Мне было интересно читать тематические и национальные спецвыпуски, посвящённые литературам Армении, Грузии, Казахстана, республик Поволжья и Северного Кавказа. Для нас, якутян, важно представлять нашу литературу на страницах журнала: я имею в виду прежде всего проект «Саха (Якутия) на страницах «ДН»» 2019 года.

Привлекает авторская колонка Евгения Абдуллаева «Литературный барометр». С интересом читал материалы круглого стола «90-е и сегодня: прошлое в настоящем» в декабрьском номере за 2021 год. Эта тема меня интересует с точки зрения исследовательской. Каждый находит в журнале темы, интересные ему лично. Также отметил бы взаимодействие редакции с научно-образовательным и культурно-просветительным центром «Дом национальных литератур» Литературного института имени А.М.Горького, интерес к современным литературам народов России, рубрики «Нация и мир», «Моя малая родина», критический и рецензионный разделы.

3. Если полистать номера журнала за последние годы, становится очевидным, что журнал поддерживает писателей из разных регионов — и пишущих на языках народов России, публикуя переводы, и на русском языке, активно работает с молодыми литераторами. Верность этим направлениям работы, сложившимся традициям — залог успешной работы сегодня и в будущем. Как пожелание: хотелось бы читать на страницах журнала регулярные обзоры современной литературы на языках народов России и ближнего зарубежья.

Женя ДЕКИНА, прозаик, сценарист, лауреат премии «Звёздный билет» (Москва)

1. Публикация в «толстом» литературном журнале — это признание качества текста. Именно эти публикации изучают в университетах на кафедрах истории современной литературы. Профессиональные филологи хорошо понимают, что издательств много, современный автор может издаться и сам, при этом текст его может быть некачественным и бессмысленным. А «толстые» литературные журналы продолжают предъявлять к текстам очень высокие требования. Делают их самые образованные люди страны с хорошим эстетическим вкусом. И тексты здесь отбираются не одним издателем или редактором, а целым редакционным советом. Поэтому такая публикация по сути то же самое, что и ВАКовская публикация для учёного. Я публикуюсь в «Дружбе народов» потому, что много лет назад мой ВГИКовский сокурсник пришёл туда с улицы, и его текст рассмотрели. Оказалось, что туда можно просто отправить произведения, даже если ты никто, безо всяких связей и премий. Вот я и отправила. Потом уже, когда меня взяли, познакомилась с редакцией — очень интересные, талантливые и глубокие люди.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

2. Я член экспертного совета литературной премии «Большая книга» и не могу называть конкретные тексты, потому что подписала документ о неразглашении. Но каждый год в списке нашей премии обязательно оказывается текст от «Дружбы народов». То есть приходит 400—500 текстов от разных издательств, «Дружба народов» обычно отправляет всего два, и каждый раз в списке лучших оказывается их текст. Этот факт говорит сам за себя.

3. Мне кажется, что «Дружба народов» делает слишком много региональных проектов и уделяет чересчур большое внимание развитию национальных литератур. Процент стоило бы уменьшить. То, что я скажу, возможно, прозвучит жестоко, и с точки зрения справедливости мне тоже хочется равных условий для всех жителей нашей огромной страны. Но проблема в том, что профессионалу для развития нужна среда, и масса талантливых литераторов в поисках этой среды давно перебралась в столицу. Так было всегда — и в царской России, и в СССР. Авторы постоянно общаются, обсуждают тексты друг друга, участвуют в образовательных мероприятиях, и закономерно, что пишут лучше тех, кто изолирован дома. А исходить нужно из качества, а не из региональной принадлежности. Хотя, возможно, я субъективна, сама я ради среды и развития с таким мясом выдрала из себя Сибирь, с таким горем всё там бросила, что, возможно, теперь мне просто обидно слушать тех, кто остался дома, в комфорте, и оттуда кричит: а чего вы там в своей Москве всё забрали? Дайте нам тоже. И им дают. Но это же не поможет, мир так не устроен.

Максим АМЕЛИН, поэт, переводчик, редактор, издатель, лауреат Национальной премии «Поэт» (Москва)

В «Дружбе народов» я публиковал переводы стихов очень сильных, на мой взгляд, современных поэтов, пишущих на своих родных языках: Магомеда Ахмедова (с аварского), Юрия Шидова (с черкесского), Зураба Ртвелиашвили (с грузинского), Екатерины Рутьинэут (с чукотского), Геннадия Косточакова (с шорского), Гаврила Андросова (с якутского). Поэтому выбора у меня не было — никакой другой из нынешних журналов своих страниц переводам с национальных языков и языков бывшего Советского Союза не предоставляет. Такова данность. У «Дружбы народов» — своя ниша, выработанная за десятилетия и никем другим не оспариваемая. Были бы переводы достойные, а бравым патриотизмом и социальным оптимизмом они проникнуты или горечью от утраты близких и скорбью об усыхании родной речи — не важно. Из непереводаемых публикаций хочется отметить романы и рассказы Андрея Волоса, повести и эссе Афанасия Мамедова, обзорные критические статьи Евгения Абдуллаева, круглые столы по вопросам как связанным с современной литературой, так и не связанным с ней. Журнал живёт и развивается, отлично справляясь со своими задачами в наше непростое антилитературное время, когда звон монет заглушает и голоса муз, и грохот пушек, а главное — экзистенциально соответствует названию.

Елена ЛЕПИШЕВА, прозаик, литературный и театральный критик, литературовед (Минск, Республика Беларусь)

1. В 2018 году завершился мой личный марафон длиной в десять лет — именно столько понадобилось для защиты кандидатской диссертации «Пьесы Е. Поповой в контексте русской драматургии последней трети XX — начала XXI в. (герой,

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

конфликт, хронотоп)» (Минск, БГУ). В процессе работы стало понятно, что мало проанализировать знаковые топоры художественной структуры пьес, — необходимо сделать это в контексте русско-белорусских литературных взаимосвязей, ведь Елена Попова относится к драматургам Беларуси, пишущим на русском языке. Значит ли это отсутствие национально-культурного компонента в её пьесах — и шире — в произведениях белорусских русскоязычных авторов, например, Дмитрия Строцева, Георгия Бартоша, Ольги Маркитантовой, Павла Пряжко, Дианы Балыко, Дмитрия Богославского? С ответа на этот вопрос начался мой путь учёного-компаративиста.

Убеждена, что язык не является основополагающим фактором проявления национальной (само)идентичности. Существует герой, отражающий особенности национальной ментальности. Есть спектр проблем, связанных с определённым регионом, историческими и социокультурными условиями жизни людей. Есть, наконец, пространственно-временной континуум — пожалуй, наиболее благоприятная сфера проявления национального.

А теперь самое главное. Теоретическая рефлексия была бы невозможна без конкретных примеров. Вне полнокровной реализации в тексте научный конструкт повиснет вопросительным знаком на полях, станет маркером когнитивного поражения. Вот почему безусловную значимость обретает площадка, репрезентирующая новейшие эстетические поиски разных литератур. В этом плане опыт «Дружбы народов» уникален с точки зрения диапазона представленных кейсов, эстетического плюрализма, умения слышать в многообразии голосов общее и различное, неповторимо национальное. Эта позиция импонирует мне как литературоведу и критику, автору художественной прозы.

2. В «Дружбе народов» я выросла как критик. К презентации собственных критических рефлексий я подошла, имея за плечами десятилетний опыт работы в научной сфере. Показалось интересным предложить своё видение интенций развития литературы и театра в более пластичном стилевом формате, обратиться к широкой аудитории. В 2021-м это резонировало с моим участием в выпусках филологического видеоблога Татьяны Шахматовой, моей коллеги и доброго друга. Кроме того, считаю крайне важным популяризировать белорусскую литературу в её разных языковых ипостасях, что, конечно, аккумулируется переводами произведений Насты Кудасовой, Михася Стрельцова и других белорусских писателей, представленных на страницах журнала.

3. Поскольку я занимаюсь изучением литературных взаимосвязей, творчеством русскоязычных авторов, новейшими практиками драматургии и театра, экспериментальными формами, мне интересны соответствующие тематические векторы. Многие из них представлены на страницах «Дружбы народов»: о «нелёгком бремени идентичности» писал Алексей Малащенко, о театре в эпоху революции Борис Минаев (в одном номере — № 12, 2021). На страницах журнала представлена ежемесячная театральная рубрика Минаева «Правила игры», регулярно появляются пьесы современных авторов: Ксении Драгунской, Фариды Нагима, Ярославы Пулинович. Рада видеть среди них белорусов Андрея Жвалевского и Евгению Пастернак, дебютировавших на драматургическом поприще с пьесой «Образ Чацкого скачать бесплатно» (№ 11, 2016). Отмечу и специальный театральный выпуск (№ 8, 2019). Кроме того, стараюсь не пропускать ежегодные подведения литературных итогов, в которых принимаю посильное участие. Периодически заглядываю в мастерскую переводчиков. Хотелось бы увидеть отдельную рубрику, посвящённую взаимодействию разных национальных театров, особенно в авангардных формах, расширить количество текстов, созданных в экспериментальном ключе.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Лилия ГАЗИЗОВА (Dr. Janti), поэт, эссеист, переводчик, преподаватель русской литературы университета Эрджис, ответственный секретарь международного журнала «Интерпоэзия» (Кайсери, Турция)

Когда я была школьницей, мой папа, обеспокоенный тем, что я пишу стихи, передал их на оценку своему другу Рафаэлю Мустафину, известному литературоведу и исследователю жизни и творчества поэта-героя Мусы Джалиля. Он был членом редколлегии журнала «Дружба народов», о котором я тогда и услышала впервые, но до публикаций в этом, как и в других известных журналах, было ещё далеко.

Окончив в 1996 году Литературный институт, я начала предлагать свои стихи и эссе журналам. И «Дружба народов», возглавляемая тогда Александром Эбаноидзе, была одним из тех журналов, публикация в которых считалась, как сейчас сказали бы, *мастхэв*. Я благодарна редакции за публикации моих стихов и особенно эссе «Алкоголизм женского рода», за которую я получила российскую премию имени Артёма Боровика. Помню, как меня впечатлил звонок Владимира Медведева, заведующего отделом публицистики, который уточнял детали произведения. Последняя моя публикация в «ДН» состоялась в 2013 году, а вскоре я уехала в Турцию по приглашению одного из университетов преподавать русскую литературу. И связи с некоторыми российскими изданиями стали ослабевать, хотя поэзия и критика в «Дружбе народов» всегда в поле моего зрения.

Непреодолимая ценность журнала состоит в том, что он публиковал и публикует произведения не только столичных авторов, но и региональных. Очевидно, что «пробиться» в большую литературу всегда сложно. И авторы из республик, союзных и автономных, обращаются прежде всего в этот журнал. Памятны номера «ДН», посвящённые литературе какого-либо региона, особенно бывших советских республик. Запомнилась Литературная Универсиада в Казани, организованная журналом в 2013 году. Там мы подружились с прозаиком Фаритом Нагимом, который был тогда заместителем главного редактора. В последние годы привлекали моё внимание публицистические материалы, например, статья Евгения Бунимовича «Один день из жизни детского омбудсмена».

У журнала «Дружба народов» яркая и богатая история. Это часть русской литературы и культуры, которую не обесценить и не вычеркнуть. Хотелось бы достойного продолжения этой славной истории.

Диана СВЕТЛИЧНАЯ, писатель, журналист, фотограф, преподаватель (Бишкек, Республика Кыргызстан)

1. Никогда не забуду реакцию кыргызстанского литературного сообщества на свою первую публикацию в «Дружбе народов». Один наш критик поднял тогда палец вверх и сказал: это старейший журнал, это ответственность! Нужно соответствовать, оправдывать ожидания. Помню, я тогда испугалась и разозлилась одновременно. Мне как будто сказали: готовься петь в хоре. А я петь в хоре не хотела. К счастью, ничего такого делать мне не пришлось. Каждый раз, отправляя свои тексты в «Дружбу народов», я чувствую счастье, счастье от того, что можно петь своим голосом, ни под кого не подстраиваясь, ни на кого не оглядываясь, можно быть честной, можно быть свободной. «Дружба народов», на мой взгляд, это самый

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

современный русскоязычный журнал, которому удаётся находить баланс между верностью литературной традиции и быть открытым для новых голосов, тем и форм. Я выбираю этот журнал, потому что «он живой и светится».

2. Ценность — в разнообразии форм и тем, ценность — в живом русском языке. Ни один номер не похож на другой. Иногда удивляюсь, как одна и та же тема может быть по-разному раскрыта разными авторами. Не стану выделять какие-то публикации, скажу только, что всегда с интересом ищу авторов из Центральной Азии.

3. Мне видится несколько наиболее актуальных аспектов и направлений, по которым журнал сегодня может развиваться:

а) Литературный мост. Для читающих и пишущих на русском языке в Центральной Азии журнал является, по сути, одним из немногих, а иногда и единственным мостом, связывающим их с большим русскоязычным литературным миром. Самое актуальное направление — это сохранение и укрепление этой связи.

б) Площадка для живого русского языка. Русский язык живёт, видоизменяется, обогащается в каждом регионе по-разному. Важно, чтобы журнал оставался площадкой для демонстрации этого живого, развивающегося русского языка, который является неотъемлемой частью культурной идентичности народов.

в) Центр профессионального диалога. В условиях разрозненности очень важна роль журнала как центра, где поддерживаются высокие стандарты литературного мастерства. Диалог между авторами разных поколений, разных культур, строгая и внимательная редакция (низкий поклон и благодарность моему редактору Ирине Яковлевне Дорониной) — это направления, которые критически важны для роста русскоязычной литературы сегодня.

Спасибо всей редакции журнала «Дружба народов» за их работу и верность литературе.

Геннадий КАЛАШНИКОВ, поэт, переводчик (Москва)

1. «Дружба народов» — старейший и авторитетнейший отечественный журнал, в котором публиковались Виктор Астафьев, Василий Шукшин, Юрий Трифонов, Грант Матевосян, Василь Быков, Фазиль Искандер, Александр Твардовский... История журнала — это и история нашей литературы за последние почти 90 лет. Журнал всегда, даже в непростые для него времена, высоко держал планку качества, был и остаётся поистине интернациональным изданием. Он по праву входит в число самых авторитетных и влиятельных литературных журналов. Напечатать свои произведения в «Дружбе народов» — высокая честь для любого автора. Думаю, что мой выбор определяется именно этими её качествами.

2. За годы своего существования журнал стал неким эталоном, образцом взаимодействия литераторов, пишущих на национальных языках. Множество авторов из национальных республик зазвучали в «Дружбе народов» на русском языке, обрели своих внимательных и надёжных переводчиков. Взыскательный отбор произведений, высокий уровень переводов, тщательная редакция, бережное сохранение традиций, присущих национальным литературам — это и есть тот бесценный опыт, который нынешний состав редакции хранит и приумножает.

Мне посчастливилось опубликовать на страницах «Дружбы народов» свои переводы. Например, стихи замечательного азербайджанского поэта Мамеда Исмаила, большие фрагменты романа «Белобородый старец» калмыцкого писателя Владимира Нунова...

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

И это всегда радость и для автора, и для переводчика. Лично для меня это были яркие публикации. Так же, как и те мои рецензии и эссе, которые публиковались в журнале.

Что же касается произведений, опубликованных в журнале за последние годы, то на общем высоком уровне я бы отметил роман Андрея Волоса «Персей», рассказ Елены Долгопят «Царьлев», публикации стихов Ильи Фаликова, Владимира Салимона, Ганны Шевченко, Бабкена Симоняна в переводе Константина Шакаряна. Можно перечислять и перечислять имена и произведения... Проще сказать, что в каждом номере есть что почитать: от прозы, стихов до публицистики, рецензий, мемуаров... И обязательно среди публикаций есть своя «жемчужина», то, что читается в первую очередь.

3. Собственно, не надо искать какую-то особую актуальность, особые аспекты развития журнала. Курс журнала давно задан: видеть всю панораму огромной многонациональной литературы страны, заметить в современном литературном потоке достойные, по-настоящему талантливые произведения (вспомним Б.Пастернака: «Талант — единственная новость, которая всегда нова...») и представить их своему читателю. Для автора, пишущего на своём языке, найти внимательного добросовестного переводчика. Думается, журнал с честью решает эту непростую задачу.

Я решительно не понимаю и не приемлю бездоказательные выпады в адрес «Дружбы народов». Разумеется, редакция вправе отвергать произведения, которые не соответствуют уровню журнала. Но это не повод огульно обвинять журнал в несоответствии духу сегодняшнего дня.

Андрей КОРОВИН, поэт, прозаик, организатор культурных проектов (Москва)

1. «Дружба народов» — легендарный литературный журнал, один из пятёрки российских журналов, входящих в золотой фонд русской литературы. Я читал его ещё в юности и продолжаю следить за его публикациями до сих пор. Публиковаться на страницах журнала мечтают все писатели страны, и я — не исключение. На протяжении многих лет мои стихи находят своё место в «Дружбе народов», за что я сердечно благодарен редакции журнала.

2. У «ДН» многолетний уникальный опыт работы не только с российскими литераторами, но и с писателями других стран, в первую очередь стран СНГ. Таким широким географическим охватом литературных имён может похвастаться не всякий журнал. Думаю, что все или почти все интересные поэты и писатели России и зарубежья хотя бы раз публиковались в журнале.

Лично мне нравится редакторский подход заведующей отделом поэзии Галины Климовой к отбору стихотворений для публикации. В «ДН» были впервые опубликованы важные для меня стихи, в частности «Слуцкий в Туле» и ряд других.

Что касается интересных для меня публикаций: я слежу на страницах журнала за творчеством многих авторов — за поэзией, прозой и критикой Евгения Абдуллаева (Сухбата Афлатуни). Текущий 2025 год ознаменовался для меня поэтическими подборками Алексея Алёхина, Юрия Казарина, Владимира Салимона, Сергея Пагына, Ольги Сульчинской, Ильи Фаликова, прозой Саши Николаенко, Романа Сенчина про скандального поэта Серебряного века Александра Тинякова, рассказами Анны Маркиной, Ольги Сичкарь и другими интересными публикациями.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

3. Много лет с журналом сотрудничает Международный литературный Волошинский конкурс, который мы учредили совместно с Домом-музеем М.А.Волошина. На страницах «ДН» публикуются лучшие произведения, выбранные авторитетным жюри. Это, как правило, работы молодых талантливых авторов, которые входят в большую литературу со страниц легендарного журнала. И это бесценно как для самих авторов, так и для журнала, продолжающего открывать новые имена в современной русской литературе. А это и есть одна из самых главных задач любого литературного журнала в любые времена.

Дмитрий ГАСИН, книжный обозреватель (Москва)

1. Разнообразие творческих методов, впечатлений и тем у авторов «Дружбы народов» — очень хороший контекст для любой публикации. Журнал неповторим и интересен всегда.

2. Не скажу ничего нового, напомнив, что «ДН» — это мост между культурами. Такие мосты хрупки и более важны, чем экономика и политика. Культурные связи глубже, чем торговые, и существуют тысячелетиями, в отличие от политических. «ДН» — это такой мост сразу для многих народов, объединённых контактами с русской культурой, причём строительство его идёт со всех сторон, а не только со стороны родной отчизны.

3. Мне кажется, наиболее перспективным для журнала будет большая интеграция в культурную жизнь других, смежных с литературой видов искусств. Чтобы крепла та самая дружба народов, которая не миф и существует не только на бумаге, но в звуке, в изображении, в блогосфере, на сцене.

Денис КОЛЧИН, поэт, прозаик, журналист (Екатеринбург)

1. Потому что «Дружба народов» — литературный бренд, знак качества. С юных лет интересуясь отечественной литературой, я знал — есть несколько журналов, которые являются столпами, китами российской культурной жизни. И один из них — «Дружба народов». Опубликоваться там было мечтой. Четверть века спустя мечта исполнилась. Кроме того, журнал — команда профессионалов, знатоков и специалистов редакторского дела. Отправляя туда текст, можно быть уверенным — он получит надлежащую оценку, сопровождаемую полезными замечаниями, поправками, рекомендациями. Такая обратная связь особенно драгоценна сейчас, когда, предлагая рукопись в какое-либо издательство, автор получает в ответ — в лучшем случае! — «нет, спасибо».

2. Для меня журнал ценен не только своим коллективом и бэкграундом. Но, прежде всего, текстами. Именно в «Дружбе народов» состоялась одна из последних литературных публикаций замечательного писателя и репортёра Александра Рыбина, к сожалению, скончавшегося в январе 2024 года. Именно в «Дружбе народов», ещё до их книжной публикации, мы смогли прочесть рассказы лауреата Госпремии Андрея Волоса. Именно в «Дружбе народов» был впервые напечатан потрясающий роман Владимира Медведева «Захлок». Именно в «Дружбе народов» изначально вышли знаковые произведения Леонида Юзефовича «Князь ветра» и «Журавли и карлики».

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

3. Особо радует то, что журнал стабильно привлекает молодых авторов и авторов, условно говоря, не относящихся к «литературному генералитету», не входящих в обойму больших популярных издательств. Иными словами, заботится о тайге российской словесности во всём её многообразии, работая на долгосрочную перспективу. Ведь культура — это не только отдельные известные писатели или поэты, культура — живой массив, богатый и бескрайний, фронтир, зачастую terra incognita, требующая тем не менее благожелательного содействия. И, на мой взгляд, «Дружба народов» отлично справляется с данной миссией.

Тамерлан ТАДТАЕВ, прозаик, лауреат Русской премии (Цхинвал, Южная Осетия)

Со школьных лет меня манила особая, почти запретная магия печатного слова. Она жила в «толстых» журналах, которые выписывала моя тётушка — учительница литературы в высокогорном селении Цон. Думаю, журналы спасали её в долгие снежные зимы, когда метели заносили дороги и отменяли занятия. Я прекрасно понимал тётку, ведь и сам обожал читать под завывание вьюги за окошком. Кайф, когда метель убаюкивает, а ты в сладкой полудрёме поглядываешь на печку, где дрожит чайник с густым шиповником, и думаешь: не долить ли в остывшую кружку горячего? Но лень вставать — и снова погружаешься в мир любимого писателя.

Летом, в каникулы, тётка возвращалась в город и везла с собой араку тройной перегонки (для своей свадьбы, которую планировала последние тридцать лет), необычайно вонючий и вкусный сыр для пирогов, а нам, любимым племянникам, — целый мешок дикого фундука. Отдохнув после дороги, она первым делом искала свои журналы и, конечно, нещадно злилась, обнаружив пропажу очередного номера. Тогда она набрасывалась на меня: «Где журналы? Куда ты их подевал, проклятый?! Гляди мне в глаза!» Я делал невинное лицо: «Не знаю, о чём ты. Как будто кроме меня здесь никто не живёт! Спроси сестру-воровку, она ж, как Плюшкин, тащит всё, что плохо лежит!» Сестра — этакая Манька-облигация — тоже отпиралась: мол, не ворую! Но пропавшие номера неизменно обнаруживались у неё под матрасом. Правда, до Маньки журналы доходили уже после меня — страницы бывали вырваны или заляпаны жирными пятнами от халвы, которую я пожирал за чтением.

Но настоящий клад ждал меня позже, и не на родине, а в Душанбе. В сарае соседки, бабушки Нины, среди пыльного хлама я наткнулся на целые стопки журналов! Восторгу не было предела. Я уже строил планы, как выкрасть сокровище ночью, но вдруг в сарай вошла сама бабушка Нина и сказала: «Забирай, если хочешь». О, это было счастье! Я чуть не расцеловал её и потащил драгоценную ношу домой.

То лето стало временем безраздельного литературного пира. Я погружался в суровые миры Астафьева, в мудрые саги Айтматова, в чеканную прозу Бондарева и Распутина, ловил искромётную абхазскую усмешку Искандера, зачитывался пронзительными стихами Гамзатова. Особенно полюбилась мне «Дружба народов». Обычно я забирался с журналом на топчан, спрятанный под густой сенью виноградника. Над головой свисали, наливаясь солнцем, тяжёлые гроздья «дамских пальчиков». Сорвёшь спелую тёплую ягоду — она с хрустом лопаётся во рту, обдавая сладостью. И чтение в те мгновения становилось не просто духовной пищей. Оно обретало вкус — сладкий, сочный, как сам виноград.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

А когда глаза уставали от строчек, воображение рисовало иную картину. Вот я уже не мальчишка на топчане, а Знаменитый Автор. Под мышкой — свежий номер «Дружбы народов» с моим рассказом. И я важно шествую по раскалённым улицам Душанбе. Асфальт плавится под ногами, солнце слепит, но я знаю: каждый встречный догадывается — идёт писатель, чьи строки заслужили место в самом крутом, самом недостижимом литературном журнале! Эта мечта о признании, рождённая под виноградными листьями в аромате спелых «пальчиков», и по сей день горит во мне ярче самого солнца.

*Владимир КОРКУНОВ, поэт, критик, кандидат филологических наук
(Алматы, Республика Казахстан)*

1. Назвать постоянным автором «Дружбы народов» меня нельзя; хотя я благодарен редакции за две-три публикации (уже почти десятилетней давности). Тем не менее, я регулярно читаю журнал — и вижу публикации коллег, с которыми регулярно общаюсь и взаимодействую (в первую очередь, это Ольга Балла, Александр Марков, Евгений Абдуллаев и др.). Полагаю, коллеги выбирают журнал за возможность условно свободного высказывания, в первую очередь, о русскоязычных авторах, живущих за пределами страны. Хотя, конечно, тон журнала задают «местные» авторы.

Постоянным авторам «ДН», думаю, важна и возможность некоего «миссионерства» — когда ты доносишь критически важные тебе мысли до аудитории. В таких случаях автор может идти как на идеологические близкие, так и на более чуждые площадки; ценность высказывания от этого не снижается.

2-3. Когда я говорил о русофонном пространстве, имел в виду, скорее, не эмигрантов, а русскоязычных писателей Казахстана, Узбекистана, Беларуси и др.

Если, скажем, авторы-верлибристы достаточно широко представлены в соответствующих изданиях, то прочесть поэтов, выбирающих регулярное письмо (и живущих за пределами страны) сложнее. Эту нишу в моём представлении и занимает журнал «Дружба народов». Среди важных «ревизионных» публикаций отмечу обзоры Евгения Абдуллаева и очерки Елены Лепишевой о белорусских поэтах.

Мне дорого обилие казахстанских авторов на страницах «ДН» (что стало подспорьем, когда я изучал казахстанскую литературу) — рассказы Валерии Крутовой (рецензировал её сборник в «Знамени»), театральные заметки Алёны Тимофеевой (брал у неё интервью), стихи Заира Асима, Айгерим Тажи и др.

(В скобках отмечу ценность архивных публикаций: Константина Паустовского, Булата Окуджавы, Юрия Арабова, Василя Быкова и др. — они дополняют контекст *живого* литпроцесса, заполняя лакуны, возвращая уходящие из памяти имена.)

А если обозначить с интересом прочитанные подборки/рассказы/рецензии, назову Илью Фаликова, Геннадия Кацова, Ингу Кузнецову, Любовь Колесник, Марию Затонскую, Павла Пепперштейна (про стихи и рисунки его мамы), Владимира Гандельсмана, Феликса Чечика, Евгения Дьяконова, Евгению Баранову, Анну Маркину, Бориса Кутенкова, Валерия Шубинского...

В этом совмещении: авторов, живущих в стране и за её пределами, переводов (этого постоянного направления мне не хватает), текстов, написанных в разных жанрах, поскольку литература предлагает множество путей эстетического воздействия текста на читателя, при этом с более строгим эстетическим/этическим цензом — я и вижу пути развития журнала.

-
1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?
 2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.
 3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Владимир ЛИМ, прозаик (Петропавловск-Камчатский)

Что значит для меня журнал «Дружба народов»?

Главное его значение — это то, что заключено в его названии.

Моя история отношений с журналом началась очень давно, ещё осенью 1977 года, когда я вернулся из армии. Служил в Казахстане, посреди голой степи, в гарнизонном военном трибунале, «обслуживавшем» ракетчиков и строителей. У меня, секретаря судебного заседания, уборщика и охранника в одном лице, было время работать по ночам над своим романом, первый вариант которого я написал в Москве студентом второго курса Литинститута. Идею романа мне подсказал руководитель семинара Юрий Трифонов, когда вместо его задания написать историю жизни пожилого человека, вставив её в одну страницу, я написал рассказ о женщине, потерявшей сына и мужа, утонувших в океане. Она сошла с ума и отказывалась уезжать из посёлка, который закрыли из-за угрозы цунами. В его основе была подлинная история, она отличалась от описанной мной тем, что отказывался менять место жительства почти весь посёлок, половину которого составляли корейцы, прибывшие осенью 1945—1946 годов на рыбные промыслы и оставшиеся в СССР сначала из-за войны в Корее с американцами, а потом по причине раздела её на Северную и Южную и рождения детей, говоривших уже по-русски, — среди которых был и я. (Должен заметить, что в маленьком посёлке была и корейская школа, — её открыли в соответствии с национальной политикой в стране, и преподавал в ней студент из Кореи, которого я помню по чёрному кителю с металлическими пуговицами. Жил он в семьях своих учеников.)

Правда, Юрий Валентинович предупредил, что напечатать роман на эту тему будет невозможно, и если публикация для меня главное, то лучше и не начинать.

К сожалению, я так и не смог показать своему Учителю этот текст.

Свой лучший роман Трифонов отдал в «Дружбу народов». Вот и я тоже рискнул отправить свой роман в «ДН», сочтя, что он больше всего соответствует назначению именно этого журнала, и мне его завернули, сопроводив отказ рецензией известного литератора, посчитавшего его однообразным и тяжёлым для чтения: все герои, даже «бичи», в нём рефлектируют.

Потом наступила эпоха, когда стало возможным писать обо всём, но уже не хотелось, жизнь была забористей и страшнее любого романа. И вот, спустя почти пятьдесят лет, я вдруг осознал, что написал, с лёгкой руки Трифонова, роман не о том, как смыло океанской волной посёлок на косе, а о том, как рухнул наш общий дом — Советский Союз. И снова отправил, уже пятый вариант романа, в уже независимую «Дружбу народов». Разумеется, от переделок текст страдал множеством провалов и сюжетных, и смысловых линий, редакция могла бы запросто его завернуть, но приняла как новорождённого ребёнка, предоставила редактора и довела до публикации. За что я бесконечно благодарен всему коллективу «Дружбы народов» и особенно главному редактору Сергею Надееву и редактору Владимиру Медведеву.

Константин КОМАРОВ, поэт, литературный критик (Липецк)

1. «Дружба народов» — один из моих заветно любимых «толстяков», чьим давним и постоянным автором я без всякого пафоса горжусь быть. К отбору стихов для отправки в «ДН» отношусь весьма тщательно, стараюсь посылать самое лучшее

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

и удавшееся и невероятно радуюсь, когда от поэта, прозаика и блестящего редактора Галины Даниелевны Климовой приходит положительный (с точной, чёткой, ёмкой и справедливой критикой) ответ. Соответствовать высокой «дружбинской» эстетической планке — для меня радость неизменная и верная. Именно в «Дружбе народов» опубликована большая часть самой, пожалуй, значимой для меня поэтической книги «Стихи о русских поэтах». Именно в «Дружбе» состоялся мой дебют в качестве переводчика (стихи казахского поэта Ырысбека Дабея), воодушевивший продолжать заниматься этим непростым, но чрезвычайно увлекательным ремеслом. Именно в «ДН» вышли дорогие моему сердцу лирические эссе о первом стихотворении и о личном «месте силы» (екатеринбургском Доме писателя). Всегда живо и с благодарностью за доверие отзываюсь на просьбу поучаствовать в опросах и круглых столах, касающихся животрепещущих проблем и нюансов современного литпроцесса. В «ДН» публикуются мои друзья и многие значимые для меня поэты, прозаики, критики. Отдавая материал в журнал, я всегда знаю, что мои слова окажутся в самом высоком, достойном, мощном и вдохновляющем профессиональном контексте. Поэтому каждая публикация в любимом журнале — это «праздник, который всегда с тобой» (в данном случае — со мной).

2. Думаю, в центрировании и укреплении русскоязычного литературного пространства. Эффективно аккумулируя под одной обложкой отборную (в прямом смысле — с тщанием и вниманием отобранную) словесность, создающуюся в самых разных уголках огромного постсоветского простора, журнал это пространство оформляет и предъявляет читателю как монолитное, целостное, зримое заметное, не могущее не вызвать интерес. Что касается ярких публикаций, то их в каждом номере не одна и не две. С 2024 года я веду в «Литературной газете» ежемесячный обзор «толстожурнальной» поэзии, и «ДН» фигурирует так или иначе почти в каждом обзоре. Уже удалось написать о впечатливших и запомнившихся поэтических подборках Сергея Пагына, Константина Шакаряна, Сергея Золотарёва, Дарьи Верясовой, Юрия Казарина. А рекомендательно упомянуть — подборки Евгения Чигрина, Михаила Рантовича, Сергея Попова, Алексея Дьячкова, Германа Власова, Ивана Волосюка, Олеси Николаевой, Анны Павловской, Анны Долгаревой, Андрея Фамицкого, Игоря Красько, Ганны Шевченко, Яна Бруштейна, Анастасии Каменской. Сейчас готовлю спецобзор, посвящённый исключительно «ДН». И всё это только за прошлый год и начало нынешнего. И это только поэзия. Из прозы отмечу рассказы (за актуализацию этого несправедливо «задвигаемого» романом на периферию жанра — журналу отдельное спасибо) Игоря Корниенко, Евгения Чижова, Саши Николаенко, Алексея Колесникова, Максима Симбирёва, Анны Маркиной, Игоря Малышева, отрывки из биографической книги об Александре Тинякове Романа Сенчина. Всегда с интересом читаю «Литературный барометр» Евгения Абдуллаева, «Библионавтику» Ольги Баллы, статьи Валерии Пустовой, театральную эссеистику Бориса Минаева, познавательную эпистолярию Геннадия Прашкевича и Алексея Бурова. И даже этот внушительный список не исчерпывает всех читательских радостей, даруемых «ДН».

3. Лучшее — враг хорошего. Не думаю, что необходимо отдельно акцентировать и актуализировать какое-то одно направление в ущерб другим. На данный момент каждый номер журнала — это действительно «журнальная книга» (как говорили в XIX веке) с продуманной, грамотной и гармоничной композицией, рубрикацией, разнообразием смысловых векторов, поэтик, идей, проблем, стилей. Это значит, что очерченный в подводке к круглому столу курс на динамическое оцеление

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

литературного пространства на объединяющей базе великого и могучего, подвижного и бездонного русского языка осуществляется в высшей степени успешно и корректировать, а тем более менять его никаких причин на горизонте не видно. Так победим!

Ирина МУРАВЬЁВА, прозаик (Бостон, США)

Журнал «Дружба народов» — поразительное явление русской культуры. Ни одно другое издание, на мой взгляд, не отличается такой бескомпромиссной тщательностью в отборе материалов, такой осмотрительностью оценок и такими высокими критериями. Вспоминается вечер поэзии, посвящённый 80-летию журнала, на котором со всей очевидностью проявилось его главное кредо: объединять читателей и авторов высоким понятием дружбы и тем самым оправдывать своё название. «Зеркало национальных литератур», — так отозвался о своём детище главный редактор Сергей Надеев, блестящий поэт и при этом самый доброжелательный и взыскательный критик. Фактом своего существования «Дружба народов» в эпоху всеобщей сумятицы доказывает подлинность таких простых понятий, как «дружба» и «народы», соединяя культуры и этносы, как это делала великая русская литература. За эти годы в журнале блистали имена, которые составляют славу русской литературы, их невозможно забыть и стереть: Василь Быков, Расул Гамзатов, Николай Заболоцкий, Фазиль Искандер, Наум Коржавин, Александр Кушнер, Булат Окуджава, Анатолий Рыбаков, Александр Твардовский и многие другие. Из современных авторов я бы добавила в этот список Анну Маркину с романом «Кукольная», Андрея Волоса с романом «Персей», мемуарную прозу режиссёра Адольфа Шапиро, поэзию Сергея Золотарёва, Анны Каменской, Владимира Гандельсмана.

Никто не говорит, что поддерживать такой высокий художественный уровень и выцеживать из груды ежедневно приходящих рукописей самое достойное — это простая работа. Это огромный, неутомимый труд нескольких человек (штат журнала невелик), которые чётко понимают, во имя чего они трудятся, какую культуру представляют и за что «отвечают головой».

Мирослава БЕССОНОВА, поэт (Уфа, республика Башкортостан)

1. Редакция журнала «Дружба народов» — это профессионалы, с которыми складывается интересная и конструктивная работа. Я всегда знаю, что обо мне помнят, что, отправляя новые стихи, быстро получу обратную связь.

2. Публикации журнала позволяют мне следить за литературным процессом и погружаться в него, живя вдалеке от литературных столиц. В первую очередь я прочитываю поэтические подборки, посматриваю прозаические публикации, критические и литературоведческие материалы. Каждый номер дарит новое уникальное открытие. Так же приятно видеть среди авторов имена друзей.

3. «Дружба народов» — «толстый» журнал с долгой историей и традициями. У него узнаваемое в литературной среде лицо и сложившийся стиль. Я бы не стала ничего менять, но было бы здорово, если бы редакция могла выезжать в регионы, встречаться с читателями и представлять своих авторов из этих регионов. Это был бы важный опыт популяризации журнала и серьёзной литературы.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

Анатолий ВАЛЕВСКИЙ, прозаик, педагог, лауреат международной литературной премии имени П.П.Ершова (Усинск, Республика Коми)

1. Для меня журнал «Дружба народов» — это высший знак литературного качества. Авторитетный и не устаревающий по своей проблематике журнал. Самое яркое воспоминание о журнале — это 1981 год. Мне ещё нет и двенадцати. Я любил подолгу сидеть в читальном зале городской библиотеки. Там знали мои литературные предпочтения. Помню, как моя тётя, она работала библиотекарем, посоветовала прочитать повесть Нодара Думбадзе «Кукарача». Прочитал на одном дыхании и влюбился в грузинского кудесника. Потом были «Я, бабушка, Илико и Илларион», «Белые флаги», «Не бойся, мама!». Первое же знакомство с писателем подарил журнал «Дружба народов». Именно он опубликовал у себя прекрасную повесть «Кукарача», позже был не менее прекрасный фильм.

Для меня публиковаться в журнале «Дружба народов» — это великая честь и счастье. С этим журналом связаны счастливые годы моего детства. Я уговорил родителей выписать для меня именно этот журнал.

2. Журнал даёт дорогу начинающим писателям, поэтам. Журнал для многих становится литературным наставником. Фактически единственный журнал, которому интересна подростковая проза, подростковые проблемы. Давно слежу за творчеством Елены Бодровой. Её «Имитация» заслуженно получила престижную номинацию «Молодость» премии «Ясная Поляна». С удовольствием читаю Ирину Краеву.

3. Журнал актуальный, интересный, но проблема, что библиотеки не всегда имеют возможность его выписывать. На одной из встреч с читателями библиотекарь пожаловалась, что фактически не выделяются деньги на подписку газет и журналов. Я спросил: «Какой журнал или газету вам хотелось бы выписать?» Не задумываясь, она ответила: «У нас библиотека больше для пожилых людей. Молодёжи в посёлке почти нет. Бабушки очень любят читать журнал "Дружба народов". Старые номера перечитаны множество раз». Вот это и есть настоящая и неумирающая актуальность.

Не для хвастовства: библиотека уже два года получает журнал по подписке. Я не смог не помочь.

Алексей УСТИМЕНКО, прозаик (Ташкент, Республика Узбекистан)

«“Патриотизм, — писал Гёте Шиллеру, — если он устремлён только к личной выгоде, изжил себя, подобно поповству и аристократизму.” А Шиллер, который почти все сюжеты заимствовал из иностранной истории, говорил: “Какой мелкий и жалкий идеал — писать только для одной нации!”» (Цитирую по биографии «Гёте» Эмиля Людвиг.)

Вот и я не хочу, чтобы меня читали только *свои*. Я мечтаю, чтобы меня читали и *чужие*. Особенно — люди пишущие. Даже совсем — и ментально, и литературно — на меня непохожие.

Что из того, что в своей любимой, но волей истории всё-таки национально закрывшейся литературной комнате я встречаюсь и беседую с исторически пронизательным Абдуллой Кадыри, с мудрым Абдуллой Ариповым, со скептической Саломат Вафо?

Мне этого недостаточно. Ведь я знаю, что в соседней, через погранично-издательскую стенку от меня, кто-то другой встречается с Чабуа Амирэджби,

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

а ещё через стенку — с Чингизом Айтматовым, или — там, дальше — с Яном Кроссом...

Пусть каждый из этих национальных писателей будет трижды гениален, но кто узнаёт об их гениальности, останься они сидеть под узконациональным замком?

Да ещё в строго собственном, тематически национальном помещении?

Национальным авторам ну просто позарез необходимо выходить из всяческих ограничительных оболочек, чтобы увидеть себя со стороны среди равных себе, но живущих в иной культуре слова и речи...

Вот в этом-то как раз и есть реальность журнала «Дружба народов». Патриотически делающего организационное дело, сводящего вместе вариативность культур.

И как тут не понять, что ключ, общий для всех, уже несколько десятилетий запертых национально-литературных комнат, ключ, отпирающий *чужую* литературную культуру — как раз таков был и есть нынешний журнал «Дружба народов». Он отпирает замкнутые национальные двери, лучшим авторам безоговорочно предлагая свои страницы.

Отсюда и моя собственная авторская корысть... Ведь всё-таки я пишу (ничуть не совру!) не для одних только *моих* сограждан.

Называть лучшие публикации, появившиеся в «Дружбе народов» (даже всего только за последние годы) дело, по-моему, бессмысленное, дело ограничительное, ограничивающее. Особенно при строго необъективном личностном отборе.

Впрочем, — нет.

Не так...

Для меня лучшие из публикаций — это те, которые пришли на журнальные страницы из *наших*, из среднеазиатских земель. Которые творчески рождены моими согражданами.

Смею уверить: журнал не ошибся, в своё время отдав своё немалое пространство повестям Эркина Агзама («Сад писателя»), Джасура Исхакова («Леди Гамильтон», «Ночь жёлтой луны»), той же Саломат Вафо («Гора Бутан», «Безымянный корабль») или — из новых молодых — стихам Натальи Белоедовой, Шамшада Абдуллаева...

Упомянув представителей узбекской, грузинской, киргизской и эстонской литератур, я не упомянул не по своей воле оставшихся за рубежом русских писателей. Не отметил их многочисленную общность, оказавшуюся вне российской государственности... Сколько их удержалось на плаву только благодаря поддержке журнала «Дружба народов»?..

И сколько писателей, работавших в добром, серьёзном, благожелательном соседстве с национальными культурами, остались *русскими* писателями, не превратились в *русскоязычных*, что, на мой взгляд, хуже всего. То есть в тех, кто местную внутринациональную жизнь знает только поверхностно, но смело берётся писать о ней... А о российской, особенно современной (включая литературу, живущую в постоянных поисках хотя бы даже новой формальной стилистики), и вовсе не ведает, впрочем, ведь и за это тоже берётся...

И скольких писателей, попавших в полный отрыв от современного русского живого слова (и литературного, и разговорного), именно в силу своей специфики предстоит и дальше спасать от их неизбывности и неизвестности тому же журналу «Дружба народов». Именно: спасать! Сохранять в том числе и для строго «русской» (если хотите лобового определения) литературы.

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

А сколько настоящих, делающих честь родному слову авторов «Дружба народов» уже сохранила, приютив у себя. Того же Сухбата Афлатуни, например... Хотя и в других журналах весьма привечаемого, но — всё же...

Да и мне, живущему и пишущему отдалённо от России в добром Ташкенте, как не поклониться международному этому приюту, — журналу «Дружба народов». Сюда принесу новую рукопись. Только сюда. Ну а примут или нет, — вопрос уже чисто творческий.

Игорь МАЛЫШЕВ, прозаик, поэт (Ногинск, Московская область)

1. Для меня этот журнал был и останется одним из самых авторитетных и популярных периодических изданий России. На его страницах появляются как новые яркие имена, так и уже состоявшиеся авторы, чьи тексты со временем могут стать классикой нашей литературы. Изданий подобного калибра у нас в стране не так уж и много, и, что самое плохое, число их постоянно сокращается. Для меня каждая публикация моих стихов или прозы в «Дружбе народов» становится событием.

2. На мой взгляд, журнал очень разнообразно представляет тенденции и направления нашей литературы. Кто-то может назвать это всеядностью, а кто-то широтой взгляда. Лично мне ближе последнее определение.

Я всегда с удовольствием читаю прозу лауреатов премии журнала «Дружба народов» Павла Крусанова, Даниэля Орлова, Евгения Чижова, Тимура Зульфикарова. Из интересных молодых авторов отмечу Максима Симбирёва. Нравятся подборки стихотворений Анны Долгаревой и Ольги Сульчинской, выходившие в журнале относительно недавно.

3. В условиях, когда во многих республиках бывшего Советского Союза происходит ползучая дерусификация, очень важно, чтобы у авторов, живущих за рубежом, оставалась возможность для публикации своих текстов здесь, в России. Необходимо сохранять общее культурное пространство, поскольку, как показывает опыт, за дерусификацией неизбежно придёт насаждение агрессивных антироссийских нарративов.

А что касается тем, думаю, ничего актуальнее СВО и связанных с ней процессов в обществе сейчас нет и в ближайшее время не появится. Тема тяжёлая, трагическая, но, как говорится, «времена не выбирают». Отворачиваться от событий на юго-западе, которые, хотим мы того или нет, войдут в историю страны, нельзя никоим образом. Пусть даже осмысление их останется потомкам, глядеть в лицо истории, фиксировать происходящее, каким бы оно ни было, просто необходимо.

Мария Ануфриева, прозаик, лауреат Литературной премии им. Н.В.Гоголя (Санкт-Петербург)

1. Моя первая публикация в «Дружбе народов» появилась в 2013 году, и это стало для меня добрым знаком, напутствием в дальнейшую литературную жизнь. Не секрет, что именно «Дружба народов» была и остаётся, как бы громко это ни прозвучало, «кузницей литературных кадров», ведь многие произведения современных писателей, увидевшие свет именно на страницах «ДН», впоследствии занимали видные места

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

в премиальных списках крупнейших всероссийских литературных премий, становились финалистами и победителями, печатались в крупных издательствах и находили путь к массовому читателю.

Но и без этого публикация в журнале «Дружба народов» ценна сама по себе. Автору, особенно начинающему, пишущему не жанровую прозу, сложно обратить на себя внимание издательств, ориентированных на коммерческий успех. У редакции журнала принципиально другие критерии отбора и целеполагание — важен уровень самого текста, глубина поднимаемых проблем и их осмысление. Во главу угла ставится не сиюминутная прибыль и темы на потребу дня, а смыслы и мастерство. Наверное, отчасти и поэтому «толстые» литературные журналы сейчас — в условиях главенства рыночных отношений — в упадке; с другой стороны, они и только они сохраняют тот подход к литературе, который позволял и, надеюсь, ещё будет позволять называть нашу страну самой читающей в мире.

2. Ценность журнала как раз в том, что с уверенностью можно говорить не о самых значимых публикациях за год, а о самых ярких публикациях каждого номера, где наряду с маститыми писателями даётся слово новым авторам, в том числе заявившим о себе на различных семинарах для молодых авторов. В разные годы мне довелось от «Дружбы народов» вести такие семинары. Итогом каждого были тексты, которые я отправляла в редакцию. Не все из них прошли дальнейший строгий отбор, но те, что были опубликованы, дали возможность зазвучать голосам прозаиков из Чувашии, Дагестана, Хакасии, и не только...

На страницах журнала находит художественное отражение многонациональный колорит быта, духовной и материальной культуры народов России в их тесном переплетении с русской культурой. Интересно, что такие публикации дают возможность и литературных экспериментов. Так, в 2020 году журнал опубликовал подборку прозаических миниатюр, посвящённых 150-летию юбилею И.А.Бунина. Каждый автор мог выбрать одну строку из стихотворений Бунина и написать собственный рассказ, заданный тоном и настроением бунинской строки. Мне показалось важным использовать эту возможность и одновременно специфику журнала, ориентированного на многонациональную полифонию, чтобы рассказать о затерянной в карельских лесах вепсской деревне.

3. Думаю, что аспекты и направления развития журнала при всех исторических перипетиях, через которые прошла Россия в XX веке и особенно в 1990-е годы, не менялись с... 1939 года, когда по инициативе Максима Горького вышел первый выпуск альманаха «Дружба народов», позже ставшего ежемесячным журналом. И даже раньше, в 1934 году, выступая на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, Горький отметил: «...Советская литература не является только литературой русского языка, это — всесоюзная литература... Мы не имеем права игнорировать литературное творчество нацменьшинств только потому, что нас больше. Ценность искусства измеряется не количеством, а качеством».

Важно, что и в самые тяжёлые годы, наступившие после распада Советского Союза, журнал «Дружба народов» не прекратил и продолжает все эти десятилетия публиковать как русскоязычных авторов бывших национальных республик, так и переводы на русский язык — точно так, как было задумано основателем журнала почти век назад. Если учесть, что системная работа ведётся уже в принципиально другой, менее благоприятной политической и идеологической, да и, чего уж греха таить, экономической ситуации, считаю это настоящим

1. Почему Вы выбираете для своих публикаций «Дружбу народов»?

2. В чём ценность опыта работы журнала? Самые яркие публикации последних лет.

3. Наиболее актуальные, на Ваш взгляд, аспекты и направления развития журнала.

подвижничеством. И тем важнее существование журнала сейчас, когда национальный вопрос пытаются обострить как внутри страны («Россия для русских»), так и на внешнем периметре — с бывшими советскими республиками, манипулятивно создавая образ врага. «Никакой дружбы народов не существовало», — такие заявления встречаются всё чаще. И в противовес им существует журнал, который тонкой, но надёжной нитью удерживает общее межнациональное культурное полотно русского мира, которое, конечно же, гораздо шире границ, обозначенных на географической карте.

От редакции

Мы благодарим всех откликнувшихся авторов за готовность к безотлагательному разговору о роли и месте «Дружбы народов» в современном культурном пространстве и дальнейшей судьбе журнала, заинтересованный и содержательный анализ, свидетельствующий о том, что «ДН» входит в круг регулярного чтения, за высокую оценку работы редакции, слова поддержки и интересные предложения по развитию журнала. Много сделано и много ещё предстоит. Будем рады вновь увидеть ваши имена на наших страницах.

Иван Волосюк

Не ради сцепления речи

Небесная механика

1

Рана, в общем-то, не смертельная.
Не лечи — и сама пройдёт.
Но услышал я колыбельную,
не догадываясь, кто поёт:

— Ой, плывите, лодочки бедные,
не попутайте берега.
И одна-то лодочка медная,
а вторая — из серебра.

С ними третья есть — золочёная
вся от паруса до весла.
— Ты бы, дитяtko моё несмышлёное,
лучше б, лодочка, унесла.

На воде не сыскать отметины,
не оставишь вовеки след.
Золотая-то не ответила,
от серебряной проку нет.

Только медная отозвалась:
— Я от тяжести потону.
Только медная откликалась:
— Ты отправь его на войну.

На Отеческую, Германскую,
на слияние двух миров.
По обычаю христианскому
сшей солдата из лоскутов.

Да в платок заверни Казанскую
и походный молитвослов.

2

На границе складов динамитовых
рос чабрец и горбились кресты.
Там у ящериц малахитовые
отваливались хвосты.

И случилось сплошное гудение
пчёл, шмелей, магистральной ЛЭП.
Это странное сновидение
вижу сорок без малого лет.

Хат саманных и прочей архаики
столько там со времён ГОЭЛРО!
Только в плане небесной механики
местным жителям повезло.

При убогости помещения,
грубой пище и пении птах
всем в награду дано украшение
под названьем Чумацкий Шлях.

Как в божественном телевизоре
на экране 16К:
скрип телеги, гружённой провизией,
звёзды сыплются из мешка.

3

Сосчитай их, дитя: одна во тьме
опустилась на лоб тебе.
Вот вторая за нею летит к земле,
замирает на животе.

Нужно третьей на правом остыть плече
И на левом — ещё одной.
Где бы ни был, мой мальчик, в какой беде,
только я и Господь с тобой.

* * *

Когда в степи, как богоборец — ересь,
искал для тела своего вреда,
был взрыв. Потом сработал автореверс,
и я вернулся в детские года.

Зажмурившись от ангельского света,
на Радченко зарыл боекомплект.
И сделал вид, что к бабушке на лето
приехал я и мне двенадцать лет.

Не то чтоб ждали многие печали
в той местности, где сдвоены дома...
Но если абрикосы воровали,
с собой меня ни разу не позвали.
Я обижался и сходил с ума.

Ещё был список недочётов мелких:
на праздники съезжалась к нам родня,
но мне на стол не ставили тарелки,
как будто им удобней без меня.

Шумели гости, музыка играла,
и самовар дымил, как пароход.
Я крикнул: «Мама», а она кивала,
дослушивая старый анекдот.

Тогда я чашку сбросил, одурелый,
и выбежал с проклятиями в уме.
А все решили: птица пролетела,
и тень её скользнула по стене.

Екатеринбург

1

Ищи ЕКБ — не найдёшь наугад
на картах и глобус не шарь.
Там чёрный и страшный катают квадрат,
там носят оранжевый шар.

Там головы рыбы прекрасно глядят
из каждой родной конуры.
Там птицы на огненный север летят
с приходом короткой весны.

Пройдись с мужиками до площади И.
Убейся на улице А.
Там каждый кирпич преисполнен любви —
не то что гнилая Москва.

Ты сам не способен к другому бытию,
поэтому дольше молчи.
Ты помнишь, на Пасху варили кутью,
пекли к Рождеству куличи.

И в полночь, когда поднималась Луна,
когда разгоралась костром,
и вся остальная реальность была
насмешкой над русским стихом,

ты шёл на балкон без мечты закурить,
в поэзию принят всерьёз.
Но немощен космос, и город забыт,
закрыт, как табачный киоск.

2

Четырнадцать лет пролегло с той поры,
заставшие нас так же живы, увы,
и каждый убийца подсвечен.

Как прежде, в «сутроб» помещается «горб»,
со «скарбом» рифмуется всякая «скорь»
не ради сцепления речи.

Но всем наплевать на слова во плоти.
Остаться противно, преступно уйти,
раз ты попадаешь в учебник.

«Вечерним Свердловском» окно занавесь,
пусть заново всё начинается здесь,
где двух континентов поребрик.

3

Я съехал с ума не сегодня, к смешению звуков привык,
но мимо Отчизны проходит поэт, приподняв воротник.
Его не окликнуть, не дёрнуть за царственной шубы рукав.
И чёрный впивается орден, булавкой до сердца достав.
А если разрезать картофель и йода открыть пузырёк,
возникнет Ахматовой профиль, а может быть, полностью Блок
взойдёт по закону посева в грядущее братство людей.
Там ждёт нас давно Ходасевич и, может быть, Белый Андрей.
Корзина мала Моисею, но он помещается в ней.

Владимир Лим

Последнее кочевье

История вымышленная, но правдивая

4

Тропа становилась шире, в две колеи, и местами пахла машинным маслом. Но медведей это не отпугивало, эту тропу проложили они с десятков тысячелетий назад, — кратчайший путь от таёжных горных берлог до быстрых лососёвых рек.

Людей они терпели, сторонились и напоминали своими кучами, оранжевыми от непереваренных остатков прошлогодней рябины, что настоящие хозяева этих мест — они.

Этот хрупкий мир был нарушен чужаками — браконьерами: уже четвёртый год, с началом пандемии, а потом и войны на Украине, гоняют они здесь на квадроциклах, устраивают незаконную охоту на медведей, добывая шкуры, жёлчь, когти на сувениры и мясо для своих рыбообработчиков, перекрывших сетями заводи в реке.

И медведи стали злыми, некоторые, уже пожилые, не убегают, а заходят кругами в тыл людям, пытающимся выследить их, нескольких этих глупых отставших чужаков они в отместку убили ударом тяжёлой лапы, оставили нетронутыми трупы и смятые карабины недалеко от Тропы — в назидание живым.

Медведей здесь меньше не стало, браконьеры потрошёную рыбу бросали в реку, оставляли в низинах на берегу, и звери собирались на запах со всей округи, от моря до тайги, жирели на лёгкой добыче, медведицы приносили не по одному-двух медвежат, а по три и даже четыре.

Если люди сталкивались с медведем, подойдя с подветренной стороны, он убегал не сразу, вставал на задние лапы, злобно всматривался из-за кустов *имукэ́та* маленькими круглыми глазками, и только увидев поднятое ружьё, бросался на другую сторону реки, а ночью возвращался, выслеживал, разорял стоянку, вскрывал охотничью избу, выламывая окна и двери.

И эвены теперь по одному и без собак не ходили, не шумели, как раньше, предупреждая разговором или песней медведя о своём приближении, оглядывались, потому что теперь *Абача* перестал быть *дедушкой медведем*, одним из нас,

жителей тайги, озлобился на человека, и чтобы остановить его, пуля должна была обжечь ему морду.

Я шёл первым, Максимка за мной, потом Арсений, а Иван — последним, с моим ружьём наготове, в левом стволе дробь на птицу или зайца, а в правом — бездымный порох и тяжёлая, откатанная на большой чугунной сковороде самодельная пуля, способная раздробить не только кость, но и крепкий лоб медведя. Пулями, уже заводскими, были заряжены и наши с Максимом калашниковы. Максиму в дорогу карабин достался отцовский, на всякий случай. А у Вани в сумине был свой, без магазина. Перед отъездом он потренировался доставать его, видимо, вспомнил вестерн «Выживший» с Ди Каприо. Он и в дороге тренировался: достанет — засунет, достанет — засунет, как Максимка. Это была сумина Иннокентия, ему нравилось выдёргивать ружьё за приклад, тогда центр тяжести внизу, и его не перекашивает на ходу при быстрой езде. Я и внука натренировал, хотя калашников для него ещё тяжеловат.

Внук у нас немного пухловат, как и Иннокентий в его возрасте, но рослый, лет на двенадцать, быстрый, удивительно быстрый. У него есть одна особенность: если ему кинешь что-нибудь, помидор или мяч, и скажешь «лови», он ответит «что?» и не поймает, а если просто кинешь, сбоку или прямо, он машинально ловит. В этом есть что-то звериное, оно спрятано у него внутри и проявляется, если он себя не контролирует. Особенно если вдруг задумается. А задумывается он частенько, и, чтобы очнулся, его надо легонько толкнуть, хотя он этого не любит и даже может закричать. Я думаю, что эта звериная реакция — проявление особенностей его психического развития.

Я чувствую в нём этого спрятанного зверька, доброго, ласкового и очень быстрого. Видел похожих людей среди эвенов, у них сильно развито периферийное зрение, и это великие охотники, откуда такое у внука, который не убил ни одного живого существа, не знаю. Догадываюсь: видимо, переселение душ — это вовсе никакой не миф. Просто этот портал открывается не всем.

А может, там, над мирами, есть одна общая душа, и от неё загорается в избранных божественный огонь. И великое их предназначение — нести его людям.

Внук из «Сайги» стрелял даже лучше, чем из ружья, потому что она легче, короче, хотя приклад держал, крепко прижимая под мышкой, по привычке. Умудрялся пулей пробивать подброшенную банку. Этого не мог даже Иннокентий. Только из ружья.

Я заметил: хорошо стреляют люди, которые умеют рисовать, у кого рука твёрдая, расчётливая, вот пуля у них и летит точно в цель. А Максимка красиво проводит прямые линии и на доске, и в альбоме, как отец, им никакой линейки не надо, чтобы нарисовать квадрат или прямоугольник. Но для охоты нужно ещё глубокое правильное дыхание, как у биатлониста, и оно не от Бога, этому я учил их с детства.

А ещё в быстрой стрельбе, особенно влёт, важнее всего чувство цели, его можно выработать, и оно приходит к зрелости, а некоторые, как Максим, с ним рождаются, и этот дар даётся не просто так...

Мы дошли до притока Левой Кичи, к месту слияния с Правой, и теперь, слившись, это была уже река мелкая, быстрая, но широкая, вдоль которой и шла Тропа. Иногда Тропа уходила далеко от Кичи, огибая густо заросшие *имукэтом* низины и болота, обходя увалы.

Некоторые увалы, довольно высокие, похожие на сопки с плоскими вершинами, удостоились общего названия Утюги.

Эти места каждый год менялись, как и точки слияния. Переменчивость русла зависела от силы паводка весной и в начале лета. Весной в реку скатывался растаявший снег с окрестных лугов и тундры, и она выходила из берегов, разливалась почти до лимана, покрывая и удобряя вулканическим пеплом ягодники и кусты кисловатой жимолости, и быстро уходила, а в июне её наполняли тающие ледники Срединного хребта, и тогда эта яростная, летящая с гор река всё сносила на своём пути. Завалы леса, перекрывавшие русло, особенно в верховьях, делали её непроходимой для аэролодок и водомётов инспекторов. И оттого на Киче так вольготно браконьерам.

На месте слияниялевой и Правой Кичи, на крутом повороте высокого галечного берега стоял Пост гидрологов — крепкая изба из бэушного бруса, в ней жил и работал все перестроечные годы Вася Немцов — сильно пьющий безобидный одинокий инженер. В первый год пандемии его обнаружили мёртвым инспекторы, убийц-собутельников так и не нашли, видимо, плохо искали, хотя они не позаботились даже сжечь Пост, чтобы скрыть следы преступления, должно быть, непреднамеренного.

А потом в сильный паводок берег подмыло, и изба как бы зависла над рекой северным углом, тем, где была спальня; пол в ней провалился, доски туристы разобрали на костры, и с тех пор здесь никто не останавливался: снизу, с реки, задувало, в доме стало неуютно, даже опасно — люди ночевали на крытой добротной южной веранде.

В этом месте я, восьмилетний, уходя по Тропе от отца, чуть не погиб: подо мной обрушился подмытый берег, — я наступил на повисший над водой дёрн; успел схватиться сначала за траву, потом, сползая, за корни берёзки. Я молился, просил прощения у отца — и не знаю, кто мне помог: Бог, отец или отчаянное желание учиться. Раскачался, держась за корни, прыгнул под дёрн на склон и оказался на самой кромке с рёвом летящей мимо ледяной мутной воды, которая бы завертела, затащила меня на дно, под суковатую корягу...

Зорька, моя лошадь, сама повернула к Посту вслед за Айной. Я вновь почувствовал запах машинного масла и попросил Максима оставить суму с оружием в кустах шиповника — вдруг здесь охотинспекторы, а карабин и ружьё зарегистрированы на Иннокентия. Забрал ружьё и у Арсения, оно числится на мне. Подумав, решил спрятать и своё оружие: я, кажется, забыл дома охотничий билет со всеми документами, а инспекторы бывают и снизу, с морского посёлка, на квадраках, могут прицепиться — там уже Соболевский район. А наши, из Быстринского, сверху, ездят на лошадях.

От Поста позвала лошадь, Зорька откликнулась, похоже, это был жеребец Вахрина. Хорошо, если Сергей Макарович здесь, расскажу про икру на леднике, пусть примет меры.

Но я ошибся, в тридцати метрах от Тропы, на широкой поляне, покрытой мелкой, пощипанной лошадьми травкой, стоял квадроцикл с прицепом, накрытый голубым новеньким тентом; на крыльце, рядом с металлической хлипкой лестницей на чердак, сваренной из арматуры, сидели три бородача в застиранном выцветшем камуфляже, пили пахучий кофе, подливая в него спиртное из плоской фляжки, закусывали бутербродами с икрой. К прицепу был привязан

жеребец Вахрина, Зорька его признала, низко, почти до земли, закивала головой. Жеребец потянулся к ней, но один из бородачей, нехотя надвинув чёрную маску, остановил его за хвост, тот брыкнулся сразу двумя задними ногами. Максим соскочил с оленя и положил руку коню на шею. Айна, как будто ей разрешили, тотчас же подошла к прицепу и принялась обнюхивать.

А ну пошла! закричал второй бородач, встав с крыльца, ростом чуть выше меня, лет сорока, с длинными сильными ногами танцора или спортсмена. На костяшках кулака у него были набитые мозоли бойца тхэквондо.

Айна сделала вид, что не поняла, схватила и потянула тент на себя. Обнажился дальний от нас поперечный ряд белых пластиковых двадцатилитровых контейнеров с икрой. Всего на прицепе её было миллионов на семь-восемь.

Айна учуяла икру, скорее всего, ещё с Тропы. Бородач достал широкий полированный нож, висевший на поясе, и, слегка загребая ногами, двинулся на неё. Айна отпустила тент и зарычала, шерсть на холке у неё поднялась, и она приняла грозную предупреждающую стойку. Вид её с наэлектризовавшейся гривой рыжих волос вокруг тяжёлой крупной головы был внушительным.

Максим обхватил её за шею, она рыкнула, слегка дёрнувшись, мол, не мешай, — так она привыкла воспитывать его ещё с той поры, когда тот ползал на четвереньках. Он негромко сказал: *Не надо, не подходите, она вам руку может перекусить. Тихо, Айна, тихо.*

И правда, подтвердил я, *если что, она у нас мослы коровьи перемалывает, мозг добывает.*

Да ладно, не поверил Борец, но остановился.

Братва, — крикнул нарочито весело Иван, — *не будем из-за собаки бодаться. Она у нас мирная, просто не любит, когда с ножом на неё, как и все мы.*

Борец спрятал нож, спиной оттолкнул Максима с Айной, поправил тент, натянув на скобы по бортам прицепа. Лицо его было мне знакомо, хотя и скрыто бородой, очень он был похож на танцора из «Мэнго», отчисленного за драку, кого-то тогда он покалечил, даже фамилию вспомнил, — Баранович. А ведь прошло больше двадцати лет. Говорили, подался в ОПГ Шатена, стал его правой рукой.

На морде Айны был вопрос: *Хватануть за жопу этого нахала или нет?*

Айна у нас икру любит, издали чувствует, объяснил Максим.

Губа не дура, отозвался бородач в маске.

А вы тут надолго? спросил у него Иван. И натянуто засмеялся: *Чайку хочется, аж переночевать негде.*

Ну, это теперь от вас зависит, как-то равнодушно сказал бородач в маске. А голос у него был приятный, баритон, и тоже отозвался невнятным воспоминанием.

Это как? удивился Иван и незаметно, пяткой, тронул лошадь, она послушно обошла меня и остановилась рядом с Максимом. За ними подтянулась и Красотка с Арсением, он, кажется, тоже почувствовал опасность, но я теперь потерял из виду внука. Пожалел, что сунул автомат в шиповник, обошёл Красотку, тронув Арсения за колено, он посмотрел на меня, я кивнул на бородачей, слегка зачем-то подмигнул ему.

Очень даже просто, сказал человек в маске, *один из вас пойдёт с нами, ну, хотя бы, малец ваш, чтобы рыбоохране не стукнули по поводу икры...*

Борец обнял Максима, прижал к себе, грубо смяв его выставленный локоть.

Станислав Минаков

Сашкин лес

Стихи для псалтериона

Памяти сына

...это за пределами литературы —
как и должно быть. но не бывает.
один раз в жизнь. и в век. так надо.

Ю.Кабанков

Семнадцатой кафисмы чтение

1

Исходища водная изведосте очи мои,
понеже не сохраних закона Твоего.

Пс. 118:136

я с крика перешёл на вой
а после перешёл на хрип
я деревянной головой
к железу памяти прилип

от жизни остаётся клип
солёной сладости глоток
от смерти остаётся всхлип
колючей совести моток

от этой участи уволь
не в силах я искать ответ
от света остаётся боль
от боли — остаётся свет?

Минаков Станислав Александрович — русский поэт, переводчик, прозаик, эссеист. Родился в 1959 году в Харькове. Автор многочисленных журнальных публикаций, книг стихов и прозы. Лауреат ряда литературных премий. В 2014 году был исключен из Национального союза писателей Украины и был вынужден уехать из Харькова. Живёт в Белгороде.

постичь не значит превозмочь
над твердью остаётся твердь
у жизни остаётся дочь
у сына остаётся смерть

2

Очи мои исчезоште во спасение Твое
и в слово правды Твоея.

Пс. 118:123

Измученная горем,
утомлённая трудами дня,
она, далеко за полночь,
зажигает свечу
и снова склоняется над Псалтирью...

На среде кафисмы она засыпает.
Он трогает её плечо:
«Ложись. Я дочитаю».
«Я сама. Уже скоро», —
отвечает она
словно из пакибытия.
Она молится и во сне.

* * *

...яко грядетъ часъ,
въ онѣже всїи сущїи во гробѣхъ
услышатъ гласъ Сына Божїя.

От Иоанна, 5:28

Душа дрогнула, поднялся вихорь.
Сказали: умер. Но я ж — не видел,
как ты ложился в земельный выдел
у кромки леса, в посёлке Жихорь.

И снова скажут. Но я — не верю.
И впредь — не стану. И с тем — пребуду.
Пусть в Лету хмуро впадают Уды
и власть дана человекозверю,

но светят сосны из бездны синей,
их тишина — всё нежнее, пуще,
и мне лелеют в небесной пуще
во гробе суща
живаго сына.

* * *

лес прорастающий в сон
сын прорастающий в лес
сосен безвременных сонм
внуки растущие без

море волнуется раз
горе ночнее чем ночь
вещих письмён парафраз
не успевает помочь

шорох безгласных венков
синь несогласных осин
сень безутешных веков
скоро увидимся сын

Зыбка

Одновременность
качания
зыбки с Младенцем,
стеблей терновых —
под треск набухающей плоти
в древе Креста предстоящего,
произрастания руд
для грядущих гвоздей или копий
<и черноземокипения
в неотменимом нутре,
что откроет объятья свои для Сыновнего тела>.

Ношу и Чашу,
и всхлип над тайгой Гефсиманской
кто
с Материнскою долей сравнит-соизмерит?
Там-в-колыбели рассвечена ночь пулевой трассировкой,
с хлюпом
меж рёбер впилась разрывная. Ма —
— ма!..
Что ты, Сыночек?

Зыбки качанье,
качание зыбки над миром...

Любовь —
это вечный изгиб,
где приникшей щекою
укрыта меньшая щека,
и света ладонь
из вишнёвых одежд
вне зла, вне любых берегов
приходящим речет:
У м и л е н и е

Игорь Малышев

Три рассказа

Короткое путешествие на юг

Он встретил меня возле проходной моего завода.

Чёрная льняная рубаша, чёрный, пусть и старый, BMW.

— Знакомься, это Йоган, — сказал Даня после того, как мы обнялись.

Он указал на машину.

— До этого у меня был Штирлиц — «Мерседес», но его пришлось оставить Диме Филиппову. Им там сейчас нужно быстро передвигаться, эф-пи-вишек у хохла немеряно. Пришлось оставить. Теперь вот мотаемся с Йоганом. Полностью — Йоган Вайс. «Щит и меч» помнишь?

Даня — крепкий, седой, седобородый. Питерский, точнее, с Кронштадта, островитянин.

Середина сентября, но жара такая, какая не каждое лето случается.

Летим. Темнеет. Музыка.

На летнее ночное небо выкатывает огромная, чуть размытая по краям луна. Поля залиты лунным светом, цилиндры скатанной соломы тускло отливают золотом.

Останавливаемся в гостинице городка М. на половине дороги.

Даня меряет давление.

— Ух ты, сто шестьдесят на сто десять, — говорит он с удивлением. — А так и не особо чувствуется.

Сели ужинать, оказалось, что не захватили походных ложек и вилок. Даже одноразовых пластиковых не захватили.

«Надо будет купить по дороге», — решаем.

Выпиваем водки.

— Вот так и поедем, — говорит Даня время от времени. — Так и поедем.

У него это уже семнадцатая поездка на Донбасс, у меня — вторая. Первая была с концертной бригадой в Луганск полгода назад.

Малышев Игорь Александрович — прозаик, драматург, поэт. Родился в 1972 году в Приморском крае. Получил высшее техническое образование. Печатался в журналах «Новый мир», «Нева» и «Дружба народов». Автор восьми книг прозы и нескольких пьес. Финалист ряда литературных премий. Живёт в Ногинске Московской области.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2025, № 2.

Я дарю Дане фонарь, замечательно приспособленный ко всяким дорожным приключениям. Его можно использовать и как фонарь, и как лампу дневного света, а кроме того у него есть магнит и, плюс, он может служить пауэр-банкой.

Я ложусь и тут же засыпаю, а Даня, как он сам мне потом сказал, ещё некоторое время не мог заснуть и играл с фонариком. Есть поговорка, что мальчишки не вырастают. Не вырастают. Подари мне кто такой фонарик, я бы сам с ним играл полночи.

Выезжаем довольно рано. Утро жаркого дня, росы почти нет, улицы готовы к пеклу.

Едем какой-то глухоманью. Скоро бывшая граница с Украиной. Мне приходит сообщение из Московской Центральной Городской Детской Библиотеки, где я выступал несколько лет назад: «Здравствуйте. С вами уже связывался майор ФСБ В.Коновалов?» Мошенники. Схема довольно известная. Старательно переписываюсь с ними, мешая разводить тех, кто действительно может повестись на этот приём.

Потом мы въезжаем в места, где интернета нет совсем да и связь только кое-где, и моя переписка с мошенниками обрывается.

Даня достаёт прибор, похожий на переговорное устройство.

— Детектор дронов «Булат», — поясняет он.

Включает.

Блокпосты. Один, другой.

Предъявляем раскрытые паспорта. Просят открыть багажник.

— Гуманитарщики?

— Да.

— Проезжайте.

На горизонте Донецк.

Совсем рядом с Донецком «Булат» пищит. Даня удивлённо, но вместе с тем с определённой тревогой смотрит на дисплей, произносит некую загадочную аббревиатуру — тип беспилотника.

— Странно, откуда он здесь?

Некоторое время едем молча, слушая писк детектора дронов.

— Хотя, может, тут полигон дроноводов рядом? — сам с собой говорит Даня. — Тогда это всё объясняет.

Наконец, звук смолкает.

— Сейчас приедем к очень хорошему человеку. Доброволец с четырнадцатого года. Позывной — Бабушка. Ей сейчас около семидесяти. Зовут Клавдия Петровна.

— У меня маму так зовут, — говорю.

— Вот видишь, как удачно. Точно не забудешь. Бабуля мировая. С четырнадцатого года и поварихой была, и медсестрой, а когда надо было, и с автоматом управлялась. Спрашиваю её: «А хохол попрёт, что делать будете?» Отвечает: «А пусть прёт. У меня тут кое-что припрятано на всякий случай». Мировая бабуля, увидишь.

Зовут как мою маму. Я такого сочетания имени-отчества не встречал за всю свою жизнь. Честно.

Закупились в супермаркете, не с пустыми же руками являться.

Дома Клавдия Петровна и её дочь. Обе обрадовались Дане как родному. Мне тоже, но пока скорее авансом. Хотя Даня плохого не привезёт.

Будят Валентина, мужа дочери. Тоже доброволец, тоже с четырнадцатого. Приехал из России. Три тюремные ходки за плечами. Выглядит человеком кое-что повидавшим.

Обедать сели во дворе. Над нами какие-то фруктовые деревья. Рядом шныряют кошки. Их тут, кажется, три с половиной. Половинка — это новорождённое существо, без остатка умещающееся на моей ладони, трогательный подслеповатый комочек.

Пью осторожно, помалу. Во-первых, мы в дороге, во-вторых, не хочется опростоволоситься перед новыми людьми.

Шашлыки, соленья, салаты...

— Сам-то я с Калуги, — говорит Валентин.

Я пью водку, он коньяк.

— Я тоже там жил четыре года в восьмидесятых, — сообщаю.

— Я с Кошаков, помнишь таких?

В восьмидесятые-девяностые Калуга была довольно жёстко поделена меж молодёжными группировками, которые периодически устраивали побоища меж собой.

— Конечно, — говорю. — Кошки, Апачи, Периметр, Ягодка...

— А ты где жил?

— На Малинниках.

Окраина города, неблагополучный район.

— О, да я тут земляка встретил, — радостно сообщает всем Валентин. — Слышь, слышь, — обращается он к Клавдии Петровне, жене и приятелю, захавшему на огонёк. — Это с Калуги пацан. С Малинников. А я с Кошаков, прикинь?

Валентин подсаживается ко мне, и с этой минуты я облечён его безоговорочным доверием.

Время от времени доносятся сильно приглушённые расстоянием звуки взрывов.

— ПВО работает, — буднично обсуждает Даня с донецкими.

— Ага. В районе аэропорта, похоже.

В России к звукам грома прислушиваются с большей тревогой.

Утром Даня меряет давление.

— О, сто восемьдесят на сто. Сегодня никуда не поедет. Надо денёк передохнуть.

Мне вызывают такси, и я еду в город. Клавдия Петровна записывает мне свой и дочери телефоны, заставляет пообещать, что обязательно позвоню, если будут трудности.

Водитель, то ли размякший от жары, то ли мягкий от природы, говорит охотно, но неторопливо и гладко.

— Поехал сейчас сюда народ. Поехал. Бизнес растёт. Цены на квартиры вверх поползли.

Мы обсуждаем несостоявшееся метро в городе-миллионнике Донецке.

— Тут, понимаешь, шахты кругом, грунт подвижный. Начали строить в восьмидесятые, бросили, рискованно.

— Ну, с восьмидесятых сорок лет прошло. Технологии вперёд продвинулись, может, и построят.

Я попросил отвезти к стадиону «Шахтёр».

— Стадион — вот он. А вон гостиница. Там многие команды останавливались, когда с «Шахтёром» играть приезжали.

Сейчас остроугольная стеклянная крыша гостиницы разворочена прямым попаданием. Осколки остро щерятся и сверкают разбойным светом.

Я помню этот стадион по матчам Лиги Чемпионов и Лиги Европы. Одно время я много смотрел футбол.

Стеклянные стены стадиона в пыли, местами посечены осколками.

Огромные фотографии футболистов, некогда, десять с лишним лет назад, блиставших здесь, смотрят на меня, как на крошку на столе.

Я обхожу чашу «Донбасс-арены» по кругу.

Всё пронзительно залито солнцем. На плитке дорожек сухие листья. Я вдруг понимаю, что вокруг никого, причём уже довольно давно. Ни на дорожках возле стадиона, ни в парке, разбитом вокруг, — никого. Я понимаю, как будет выглядеть мир после ядерной катастрофы. Или, скорее, после того, как исчезнут люди.

Никого. И только гигантские футболисты смотрят на меня со стен стадиона.

Не по себе.

Я иду парком к возвышающемуся неподалёку монументу. Здесь тоже безлюдье.

Монумент огромен. Почти такого же размера, как футболисты, но сделан из металла, и оттого куда более реален. Я фотографирую, фотографируюсь, пока не замечаю лоскуток пламени в уголке, чем-то похожем на рождественский вертеп. Вечный огонь. Неожиданно вижу рядом вход в музей. Ощущение, что эту дверь не открывали уже несколько лет, но я тяну, и она поддаётся. Музей Великой Отечественной. Беру два билета: один из разделов экспозиции идёт за отдельную плату.

Музей — советское наследие, хорошо спроектирован, хорошо оборудован и освещён. В конце экспозиции — раздел современной истории обороны Донбасса. АКМы всех видов и модификаций, пулемёты, «джавелины», «Баба-Яга» и куча других в меру изуродованных украинских коптеров.

Девушка, смотрительница зала, предлагает:

— Если есть вопросы, задавайте, не стесняйтесь, я расскажу.

Вопросов, в общем-то, нет.

— Плохо, когда экспозиция давно окончившейся войны получает вдруг продолжение, — говорю я и показываю на «Бабу-Ягу» и другие чудовища.

Большая часть музея находится под землёй, там нет связи.

Выхожу на свет. Телефон пищит: пришло сообщение от Дани.

«Тут есть замечательный дядька — Владислав Русанов. Он председатель местного Союза Писателей. Я с ним созвонился. Вот его телефон, он покажет тебе город».

Я тоже созвонился с Русановым. Мы встречаемся в здании Союза Писателей Донецка.

Председателю за шестьдесят. Он высок, строен, представитель.

Разговариваем.

Помещение только недавно отремонтировано, — мне кажется, я всё ещё чувствую запах стройки.

Евгений Топчиев

Зло блуждает где-то рядом

Рассказы

Оранжевая рябь

Быстро сговорились по цене, ударили по рукам. Пять с половиной миллионов — на эти деньги в Белграде можно целый год жить и ни в чём себе не отказывать. Артёму на приличную школу хватит, и даже Маше первое время необязательно работать.

Что до него самого, то на удалёнке код ваять даже сподручнее: никто не будет отвлекать. После ковида вообще непонятно, зачем нужен офис.

Николай с покупателем вышли из калитки. Знакомо, точно в детстве, стукнул металл; створка закусил побег разросшейся малины. Ну вот и всё. Неужели в последний раз он тут?

— Тогда во вторник к десяти у нотариуса?

— Договорились.

— Вас подвезти? Жарковато! — Будущий владелец дачи, тридцатилетний холёный бородач с румянцем трезвенника, кивнул на громадный китайский «Танк», сверкающий хромированной мордой.

— Спасибо, прогуляюсь до станции, — отмахнулся Николай.

Когда внедорожник исчез за поворотом, Николай позвонил Маше.

— Привет... Ну всё. Задаток взял. Если ничего не сорвётся, во вторник оформим, и деньги упадут на счёт. Да, за пять с половиной... Более чем! Я тоже тебя поздравляю! Буду через пару часов... Пока, целую!

Сбросив звонок, впервые за сегодняшний день ощутил жару. На голове — будто шлем из воска, который вот-вот начнёт плавиться. Сейчас бы холодной колы!

За поворотом, на перекрёстке дачных улиц, — маленький магазин с продуктами. На счастье, в холодильнике нашлась запотевшая банка — параллельный импорт родом из Ирана.

Топчиев Евгений Леонидович родился в 1980 году в Москве, где и живёт. Печатался в журналах «Наш Современник», «Аврора», «Новая литература». Автор двух книг прозы. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Повременив открывать, решив оттянуть удовольствие, Николай двинулся было по пеклу к станции, но вдруг остановился: увидел справа над покосившимся штaketником густую, неяркую под ослепительным солнцем оранжевую рябь. Ба-а! Да это же тот самый сад... Вытянутый, заросший сорными кустами участок у подножья песчаной горы. Щитовой домик в глубине, развалины на месте стоявшего некогда сарая, косматые кроны старых облепих, обсыпанные золотистой ягодой.

Поразмыслив, Николай шагнул к изгороди, отодвинул-оттолкнул ногой незакреплённую секцию штaketника, ступил во владения давно покойного Семёна Павлова. С трудом пробрался сквозь розги малины в запущенный облепиховый сад.

А вот и ванна... Перевернутая, на треть вросшая в землю, но зато прекрасно сойдёт за скамейку. Положив на траву сумку с документами, Николай устроился в светотени на тёплом, приятно-шершавом чугунном горбу. С сочным пшиком открыл колу, сделал первый обжигающий глоток: ка-а-айф! Осмотрелся: трогательный дачно-советский пейзаж, вполне постапокалиптический. Истлевшая бочка с выпавшим дном; почерневший мальчик Володя Ульянов с отбитым носом смотрит из сорняков... Рука сама потянулась к ближайшей шипастой ветке за оранжевой ягодой — и сразу *вспомнилось*.

Такой же точно жаркий день тридцать с лишним лет назад.

Они с папой собирают облепиху. Застрали у одного-единственного дерева и никак не могут перейти к следующему, а тут целый сад!

Дело нелёгкое: у обоих занемели плечи и горят подушечки пальцев. Когда отрываешь ягоду, обязательно натыкаешься на колючку, острую, как «пёрышко» в кабинете у врача, берущего кровь. В ранку попадает маслянистый едкий сок, и начинается жечь. Но всё-таки Коле почему-то приятно: здесь, в саду, папа какой-то другой — спокойный и совсем нестрогий. Они переползают с места на место, перетаскивают за собой низенькие деревянные стульчики. Разговаривают только по делу, когда надо помочь: пригнуть ветку, чтобы другой смог добраться до золотистой россыпи. Молчание их очень доброе, не тягостное, так хорошо у Коли на душе давно не было. Они ходят гусиным шагом, пыхтя, дотягиваются до гроздьев и восклицают «тысяча чертей», когда попадают пальцем на шип...

Папа Женя служил. Работа у него была секретная. Никто не знал, на какую ветку метро он пересаживается с родной фиолетовой. Он спускался под землю на «Октябрьском поле», но где выходил в город, было тайной. По обрывкам разговоров взрослых Коля сумел очертить треугольник, где мог проводить большую часть жизни отец — «Площадь Ногина», «Кировская», «Дзержинская». Опять же, по каким-то хвостикам фраз Коля догадывался, что папа работает под землёй в секретном военном бункере. При этом Коля знал, что папа — не настоящий военный, в смысле у него нет каски и автомата, он не вонзает в живот врагу блестящий штык, похожий на рыбку.

Хотя по виду ему подходило быть «настоящим» — у папы была внешность могучего красноармейца из книжек: каменное лицо, твёрдый квадратный подбородок, крепкие, как сталь, безволосые руки и большие кулаки, которыми он мог бы запросто ломать кирпичи, если бы захотел.

Коля считал, что папа на работе создаёт роботов. Воображение рисовало огромный подземный зал наподобие стадиона: в центре стоит большой компьютер, куда папа загружает команды, и тот, в свою очередь, отдаёт команды станкам, которые механическими руками делают терминаторов, умеющих бегать, прыгать, стрелять, как в фильме «Робокоп».

Почему Коля именно так представлял папину работу? Возможно, отец когда-то сам её так описал в ответ на Колины расспросы. А может, Коля нафантазировал, глядя, чем папа занимается дома.

Тот вот уже два года собирал компьютер — для Коли. По ночам, в выходные, в отпуске, в квартире и на даче. Он возил его с собой в багажнике жигулёнка, пока автомобиль в один прекрасный день не украли.

Отец постоянно паял, и в квартире вкусно пахло канифолью; Коля любил смотреть, как отец погружает дымящийся паяльник в кусочек олова, и тот словно по волшебству превращается в белую переливающуюся каплю, которую папа не дыша переносит по частичкам на микросхему.

Кое у кого в классе уже были ЭВМ — «бэ-кашки». Коля ходил к ребятам в гости, ему давали играть. Игры загружались с магнитофонной кассеты, и пока шла заливка, из динамика магнитофона доносился электронный скрежет и треск — как будто марсиане передавали землянам зашифрованные сигналы. Коля мечтал, что скоро у него будет компьютер получше.

Однажды в августе — они жили на даче с мамой, а папа приехал к ним на выходные, — Колю никто не разбудил. Обычно папа поднимал его на зарядку.

Он проснулся и услышал, как папа сказал маме, что у них угнали машину. Её увели ночью прямо из-под окон дачного домика. Мама заплакала, а у отца странно скрипел голос. Коля никогда не слышал, чтобы папа так говорил, точно старик. Он испугался и не хотел спускаться к родителям, и так лежал, пока папа не ушёл, сказав, что поедет в посёлок подавать заявление в милицию.

Папа вернулся днём и сообщил ещё одну тревожную новость: у Семёна Павлова, соседа по даче, случился инсульт, его увезли на «скорой».

Семён Павлов был старше папы. Лицо маленькое, морщинистое, как пожухлое яблоко, а тело — сухое, перевитое мышцами, как у монаха Шаолиня. Он вечно ходил по своему участку голый по пояс, и все мальчишки в дачном кооперативе могли заценить его рельефный пресс, длинные руки, похожие на корабельные канаты, обгоревшую до мяса жилистую спину, на вид твёрдую, как доска.

И в тридцатиградусную жару, и под проливным дождём — в любую погоду — Семён возил тачки с песком; никто никогда не видел, чтобы он отдыхал, лежал в гамаке, пил чай на веранде; он даже не присаживался на скамейку возле дома — мог только ополоснуться из бочки и снова хватал тачку.

Семён Павлов был сибиряк и настоящий коммунист в том смысле, в котором Коля себе это представлял. Он трудился как проклятый, но не для себя — для всех людей.

Участок Семёна Павлова был расположен прямо под обрывом, у подножия песчаной горы. За много лет он в одиночку отодвинул склон на десяток метров,

освободив несколько соток, и на отвоёванной у горы территории разбил облепиховый сад.

Его сын, с которым Коля играл в индейцев, посмеивался над отцом. Рассказывал, что у того есть наивная мечта — сделать сад *общим*, накормить облепихой весь дачный кооператив.

Семён разносил ягоды по всем участкам, а если облепихи урождалось слишком много, — предлагал людям самим набрать сколько им нужно. Поначалу желающих было много. Приходили с бидонами целыми семьями. Но скоро все поняли, что обирать облепиху — тяжкий труд, и стали отлынивать.

Но Семён всё равно продолжал ухаживать за садом, поливал каждое деревце, по ночам сторожил с фонарём, чтобы урожай не поклевали птицы, и не прекращал отдавать даром картонные пакеты из-под молока, полные рыжих бусин, — это был его пусть несовершенный, но коммунизм. Ведь если коммунизм можно построить в отдельно взятом дачном кооперативе, то можно и на всей земле когда-нибудь.

Нельзя сказать, чтобы папа и Семён особенно дружили. Но Коле всегда казалось, что они чем-то похожи и относятся друг к другу с особенным уважением.

Другие отцы уже жили новой жизнью: говорили одно, а делали другое, не верили в книжки, которые читали своим детям — про Ленина, про равенство всех людей, — а эти двое продолжали верить и жить так, как учили книги.

Папа Женя, например, отдал всю свою сетку-рабицу (огромную ценность!) на общий забор, в то время как у них самих на участке забора не было — только заросли шиповника.

Когда Семёна затаскивали на носилках в машину «скорой помощи», он увидел папу Женю. Они встретились взглядами. Семён показал глазами вглубь своего участка, туда, где росли облепихи, и папа понял его без слов.

Он сказал:

— Всё сделаем, товарищ!

Папа, мама и Коля обирали сад у Семёна Павлова три дня с утра до позднего вечера. В том году был небывалый урожай. Руки у них распухли и стали похожи на хоккейные краги. На четвёртый день мама уже не могла собирать, и Коля с папой работали вдвоём.

Они трудились молча, полностью сосредоточившись на ягоде; весь остальной мир стал им неважен, у них были только этот сад и песчаная гора над ним.

Когда наступало время есть, папа доставал термос, наливал в алюминиевые тарелки горячие щи, вручал Коле кусок «рижского» хлеба с маслом, и они молча жевали, сидя на деревянных стульчиках под колкими ветвями.

И было у них ещё кое-что — непочатая бутылка «Пепси», одна на двоих. Она плавала, как поплавков, в старой чугунной ванне, установленной посреди сада, а возле ванны, задумчиво глядя в зелёную воду, стоял гипсовый мальчик с кудряшками — Володя Ульянов, постоянно живший тут.

Вдруг отец вскрикнул и повалился на бок.

Коля испуганно склонился над ним:

— Что с тобой, пап!

Отец, сморщившись от боли, пробормотал, что ему защемило спину. Коля не знал, что делать. Он хотел бежать за мамой, но отец запретил ей говорить. Он шёпотом попросил постелить на земле куртку и улёгся на неё, пообещав, что скоро пройдёт. Коля продолжил работать один. Через час папа смог встать и при помощи Коли сесть на стул. Теперь они снова обирали ягоду вдвоём. Коля старался изо всех сил, чтобы отцу досталось меньше.

Папины руки были огромные и жёлтые, как будто их накачали йодом. Под глазами легли глубокие, страшные тени — он был похож на усталого солдата с картины, что висела в школе в пионерской комнате, за плечами у него ярко желтел закат.

Скоро оранжевый сад кончился.

— Ну что, дуй за «Пепси». Неси её сюда, — подмигнул отец.

Коля сбегал, выудил из зелёной воды скользкую бутылочку с сине-красной этикеткой. Та отклеилась, и Коля украдкой прилепил её на ладонь, сохранил.

Они выпили «Пепси» на двоих. Сначала папа отказывался, но Коля всё равно оставил ему два глотка. Отец с удивлением и благодарностью посмотрел на него и, закинув голову, вытряс последние капли в рот.

Папа посмеивался, глядя на Колино лицо.

— Ну что, наелся облепихи? Будем теперь варенье варить.

— Куда столько? — удивился Коля.

— Как — куда? Людей угостим! Всех! Баночку варенья каждый с удовольствием возьмёт, о-го-го, что ты!

Папа Женя, папа Женя... Николай ощущал, что отец где-то рядом. Руки его горели и чесались. Во рту чувствовался солёный, кислый, ананасовый вкус солнечной ягоды. За шторками век — красно, празднично, чудно...

Тысяча чертей... он заснул на чугунной ванне!

Насилу разлепил глаза, посмотрел на часы: кошмар — уже пять! К пяти обещал Маше вернуться. Огляделся по сторонам, как пьяный. Банка колы валялась на земле: почти всё вытекло в траву. Рыжий сад пружинил и качался перед глазами... Всюду, всюду облитая солнцем полынью ветвей и неяркая оранжевая рябь. Нет, невозможно отсюда никуда деться! Как же он уедет, когда тут — *так*? А там *так* никогда не будет? Он встал с ванны и, шатаясь, побрёл ещё глубже, ещё дальше от дороги, к песчаной горе. Воздух впереди зыбился, точно над раскалёнными углями. Дошагав, присел на корточки, запустил руку в нагретый песок, сжал ладонь и поднёс захваченную горсть к носу. Песок, вытекая, щекотал руку, как будто пёрышком водили меж пальцев...

— Алло, Машка... — вышло хрипло. Он проснулся, но словно всё же спал. Прокашлялся, попытался придать голосу твёрдости: — Я ещё здесь... Не ругайся... просто электрички отменили. Слушай... давай никуда не поедем? Подумаем ещё... Ты пойми: нельзя вот так с плеча! Давай, я приеду и поговорим? Просто надо ещё немного подумать... хорошенько обмозговать! Слишком серьёзное решение. Послушай... тебе привезти облепихи? Тут шикарная!

Александр Махнёв

Иронические рассказы

Френдшип оф пиплз

Середина декабря в Узбекистане не самое лучшее время. Здесь восемь месяцев лето, месяца полтора очень буйная весна, а оставшуюся часть года никак нельзя классифицировать — то ли зима, то ли осень. Нечто среднее. Сырое, слякотное, мерзопакостное.

Вот в один из таких промозглых дней я и появился в термезской гостинице. Жестоко простуженный.

— Ассалом аллейкум, Рано-опа! — бодро прохрипел я, едва открыв алюминиевую дверь.

— Здравствуйте-здоровствуйте, Саша! — доброжелательно отозвался приятный женский голос из-за стойки ресепшена.

— Соскучились? — продолжил я давно заведённую у нас игру, придавая голосу максимально возможную жизнерадостность.

— А как же? — охотно согласились со мной по ту сторону.

Надо отдать должное, двухэтажная гостиница недорого, невелика и уютна. Типа — «домашняя». И мне здесь всегда рады или, во всяком случае, сотрудники заведения от уборщицы до управляющего очень правдоподобно имитируют это приятное для клиента чувство.

Вот уже два месяца я по делам службы еженедельно останавливаюсь именно в ней на два-три дня. Но в тот раз мой любимый одноместный сто одиннадцатый оказался занятым. В результате короткого совещания взамен предложили номер напротив.

— Он двухместный, но мы постараемся никого к вам не подселить, — оценив мой жалкий вид, пояснила добрейшая Рано-опа.

— Ну, что делать, — великодушно согласился я, — давайте двойной. — И отправился располагаться.

Махнёв Александр Николаевич родился в городе Комсомольске-на-Амуре в 1964 году, но практически всю жизнь живёт в Ташкенте. Печатался в журнале «Звезда Востока» и (в переводе на узбекский) в журнале «Ёшлик» («Молодость»).

Предыдущая публикация в «ДН» — 2024, № 8.

Долой верхнюю одежду, миллион таблеток из бокового кармана рюкзака — на тумбочку, туда же лимон, чай, баночку с мёдом и кипятильник. Заварю себе ведро и буду отлёживаться весь оставшийся день, потя и выздоравливая. Лишь бы никто не тревожил.

Так и было. До восьми вечера. А в восемь в дверь постучали. Расслабленный, сменивший уже не одну промокшую майку, я, конечно, слегка про себя выматерился. Но, увидав на пороге Свету, здешнюю горничную, постарался взять себя в руки.

— Наше вам с...

— У нас там иностранцы, — слава богу, прервала она мой наверняка получившийся бы неуместным комплимент.

— Ну и?

— По-русски — ни в зуб ногой. Вы ведь говорите по-английски?

— Как вам сказать... — замялся я.

Мой английский оставляет желать настолько много лучшего, что я, право, сомневаюсь, есть ли в нём что-то ещё, кроме благих пожеланий. Это, скорее, язык, отдалённо напоминающий оригинал. Но именно в этой командировке я был обязан хоть изредка общаться с иностранцами и вынужденно освежил в памяти некоторые слова и обороты. Понимают меня с трудом, но всё-таки понимают.

— Давайте, Саша! — нетерпеливо ободрила меня Света. — Выходной, уже поздно, кроме вас никого нет, — выручайте. — Подтекстом шло, конечно, «на безрыбье и рак селёдка».

— Попробую, — проямлил я. — Сейчас приведу себя немного в порядок и...

В холле кроме «наших» стояли трое. Я, видимо, уже был как-то отрекомендован, потому что при моём появлении женщина и двое мужиков обрушили на меня целый каскад слов и звездопад самых широких и белозубых улыбок.

— Май нэйм из Александр, — вставил я, наконец, заранее заготовленную фразу. — Хау а ю?

Восторженные клиенты в три горла, перебивая друг друга, охотно объяснили мне, как у них там с «хау» и «ю».

— Спик слоули, плиз, — довольно холодно призывал я их говорить помедленней. После чего выяснилось, что мужчина и женщина, лет тридцати пяти, австралийские туристы, третий, помоложе, лет двадцати пяти — двадцати семи, американец и тоже турист.

«И как их только в нашу с... занесло?» — подумал я про себя, однако вслух произнёс:

— Ай донт спик инглиш велл, бат ай вилл трай. Кен ай хелп ю?

Всё оказалось не так уж сложно. Эти двое познакомились с третьим только что. Ну, вроде соотечественники почти, встретившиеся на чужбине. Решили в ресторан рвануть, вот интересуются, «иде это тут у нас».

Ресторан от гостиницы недалеко. Нужно дойти до ближайшего перекрёстка и повернуть налево. Кое-как объяснил. Заклинило меня только на перекрёстке —

почему-то втемяшилось в голову: кроссворд, кроссворд... наконец, австралиец сообразил:

— Кроссроуд?

— О, йес, йес! — обрадовался я, мрачно добавив мысленно уже на родном «йес, йес, ОбэХээС».

Всё прояснено, гости двинулись к выходу. Тот, что помоложе, замялся, и Рано-опа обращается ко мне:

— Сашенька, вы не приютите у себя туриста? — И, памятуя о своём обещании никого не подселать, смущённо добавляет: — Он тихий малый, вы его даже не заметите.

«Тихий малый» утвердительно улыбается.

— Ну, не в коридоре же ему ночевать, — смягчаюсь я и гостеприимно дополняю, — хуш келибсиз!

Между тем не заметить «малого» не так-то просто. Видок у него весьма колоритный.

В своём пальто, драных джинсах и собачьей шапке он — вылитый герой Джека Лондона. Прямо сейчас из Доусона.

Появился мой новый сосед в номере поздно. Я всё это время спал, глотал таблетки и горячий чай.

Не могу сказать, что иностранцы для меня в диковинку. Но всё же так близко, чуть не интимно, общаться как-то не приходилось. Да и у нас, советской закваски граждан, по сей день сохранилось это странное чувство по отношению к иностранцам: диковинная смесь заискивания и пренебрежения. В своё время они ведь для нас как марсиане были. И, поверьте, мои юные читатели, — в этой фразе очень незначительная доля преувеличения.

Привстаю, голова треугольная, и все острые углы этой, прямо скажем, плохо обтекаемой фигуры направлены непосредственно в мозг. С трудом леплю что-то вроде: «Май нейм из... айм вери глэд ту си... айм вери сик... сорри... эсксьюзми... велком...»

Выясняется, что парня зовут Джесси (какое-то женское имя). Далее через пень-колоду предлагаю Джесси без церемоний пользоваться верхним светом, телевизором и, по возможности, не обращать внимания на обливающегося соплями соседа.

Джесси энергично кивает, и я отворачиваюсь к стенке. Хотелось бы пообщаться — когда ещё с иностранцем в одном номере поживешь, — но сил нет.

Джесси, надо отдать ему должное, оказался очень деликатным человеком. Погасил свет, убавил телевизор «до минимума» и заперся с толстенной книжкой в туалете.

Это всё я краем своего заплывшего от невообразимого количества жидкости и медикаментов глаза заметил.

Кстати о жидкости. Пару раз я согнал Джесси с «очка», пару раз попросился в туалет к администратору (ну, блин, неловко как-то американца всё время донимать). И наконец-то вырубился.

На другой день носился по таможенным органам. Они меня вертели на них как хотели, и периодически я появлялся в гостинице, убивая время до очередного приёма. С Джесси общался только дважды: утром, естественный «гудмонинг» и всё такое, и в обед. Он из гостиницы выходил, мы с ним в дверях столкнулись.

— Гуд дей! Хау а ю? Вере а ю гоинг? — это я.

— О'кей... стронгхолд... хау а ю... артмьюзеум... Termiz... — это он.

Ага, в крепость термезскую подался. Там музей довольно известный имеется. Развлекается «турист».

Ну, а к вечеру я маленько оклемался. Джесси, верно, умаявшись днём, возник в нашем совместном жилище пораньше — едва стемнело.

Ну чё, думаю, надо как-то обозначить узбекское гостеприимство.

— Вере а ю фром? — спрашиваю для начала.

— Ю-эс-эй. Ньюйок, — откликается сосед.

— Талибан, септембер, — уж совсем не к месту втыкаю я и безо всякой связи с предыдущим присовокупляю: — Айм Александр. Алекс фром Ташкент, — почему-то нажимая в последнем слове на «а».

Джесси мягко напоминает, что это ему известно со вчерашнего вечера. Я продолжаю клепать свою речь стандартными фразами. Джесси некоторое время отвечает на все эти глупости, после чего внезапно достаёт из своей сумки бутылку местного коньяку и, по обыкновению, жуёт нечто невнятное, в котором я, впрочем, разбираю знакомое слово — «тест».

— Дринк? — уточняю на всякий случай, и после оживлённого подтверждения выкладываю свой козырь.

Пожалуй, это единственная фраза, которую я произношу не то что правильно, но даже и без акцента.

— Ок, — говорю я, — yes, of course. — И, порывшись в карманном словарики, добавляю: — Итс клир, — что, как выяснилось, означает «разумеется».

— ...Аухауваудустэндэнд и т.д., — длиннейшей очередью выпаливает он, улыбаясь шире обычного.

Джесси оживился, решив, видимо, что до этих пор собеседник придуривался, а на самом-то деле очень даже англоговорящий.

— Ай донт андестенд, — веско возражаю и...

Судя по выражению лица заморского визитёра, он был немало поражён скоростью, с которой между нами возникла прикроватная тумбочка с двумя стаканами и блюдцем, наполненным лимонными дольками. Жестом я предложил моему чужестранному собутыльнику разливать. Тот под впечатлением от предыдущего действия опасливо откупорил бутылку и слегка плеснул в наши стаканы.

— Френдшип оф пиплз! — оживился теперь уже я и, звякнув о Джессин стакан, лихо выпил.

Тот слегка замялся, перекладывая тару из руки в руку, но из вежливости выпил тоже довольно скоро.

— Итс гуд, — крикнул американец, отставляя стакан.

Далее я взял дело разлива в свои руки, и наше общение потекло гладко. Джесси вдруг вспомнил русский:

— Карашой, — сказал он.

Я тоже в долгу не остался и перешёл на узбекский.

— Яхши, — отвечаю.

Поинтересовался между прочим книженцией, что он всю ночь на горшке изучал. Оказалась справочником «Спецслужбы государств, бывших республик СССР» — что-то в этом роде. Экстремал, однако. Он себя, видимо, представляет разведчиком в тылу врага. Ну чё — молодец. С фантазией парень.

А поутру Джесси скрутило. Пища в Термезе под иноземцев не заточена.

— Фэт — очень жирный, — пояснил я, коверкая слова для удобства интуриста.

Джесси мучительно улыбнулся.

— Мэйби медикаментс? — предложил я.

— Ноу, ноу, ноу!!! — активно возразил он.

Оно и немудрено. С таким-то путеводителем будешь осторожным.

На другой день я в гостинице появился только единожды — собрать вещи. Мельком видел своего американского друга. Вроде ожил немного.

— Давай, — говорю, — брат, будь здоров! Рестор ванс хелт! (В смысле «не кашляй».)

— Тенк ю, тенк ю, — тринькнул Джесси.

На том и закончилась наша «френдшип оф пиплз».

Гуд бай, Америка!

Человек-амфибия и собака Баскервиль

Дачка была, однако, недурна. Не то чтоб дворец — именно функциональная загородная дача. Спальный домик, летняя кухня, сауна, два бассейна: открытый и закрытый. Бильярдная. Травяная лужайка, на которой хозяева и их многочисленные гости играли в бадминтон и хоккей на траве. По-видимому, это была несколько урезанная замена «гламурно-аристократическим» большому теннису и конному поло.

Обстановка внутри (невообразимое количество зеркал, картин, статуэток, прочих атрибутов «красивой жизни») явственно выдавала в хозяине слегка вульгаризированного эпикурейца-гедониста.

А сторожили этот приют двое: здоровенный пегий пёс, в чьих предках числился то ли волкодав, то ли водолаз, и Петя.

Владелец дачи, серьёзный бизнесмен, человек солидный и неплохой, охранников своих любил. Обоих. И пса, и Петю. Совершенно на равных основаниях. В хорошем расположении духа обоих слегка приголубливал, почёсывал за ушами. В скверном — мог прикрикнуть или даже примерно наказать. По сути, Петя был той же собакой. Только двуногой и говорящей. Что, согласитесь, имеет определённые удобства.

Наталья Караева

Всё сложилось

Рассказ

В то лето я повзрослела.

«Люди, Милана, не ангелы. Учись прощать», — говорила мне бабушка, но я научилась этому много позже. А тогда я просто зажала в себе обиду, не позволив ей разметать меня.

Со временем я поняла, что чаще всего люди не такие, какими их хотелось бы видеть.

Мама ушла к чужому мужчине. Она сказала, что любит его, что ждёт от него ребёнка, и ушла. Мы остались с папой в двухкомнатной квартире, а потом и он уехал, потому что был мне не родным отцом. О своём биологическом отце я узнала от мамы уже в другой нашей жизни, где мама стала оплывшей необщительной женщиной. Но это потом. А тогда она родила Аннетку, жила в красивом доме за городом. Приезжала ко мне яркая, цыганистая, внося приторно-навязчивые ароматы, выкладывала из пакетов продукты в холодильник, мыломойку в шкафчик под ванной и ещё что-то. Шуршала, звякала, вздыхала, качала головой, а мне так хотелось прижаться к ней, обнять и просто поплакать.

Внешне я очень похожа на маму.

В то лето я поступила в педагогический колледж. Он был единственным гуманитарным в нашем городе и к тому же не чужим — в нём папа преподавал иностранные языки. И если там не знали меня, то знали нашу историю.

Я любила рисовать. И с детства пыталась нарисовать всё, что видела.

«Как солнечно, сколько света», — сказала, перебирая разложенные перед ней рисунки, преподаватель художки, куда папа отвёл меня в третьем классе.

А вот учителем никогда не хотела стать, поэтому документы подала не на «методику начального образования», а на «дошкольное воспитание и обучение».

В моей группе парней не имелось, да и странно б они выглядели на нашем «дошкольном». Не всё складывалось в отношениях с девчонками, но скучать не приходилось. Нужна была стипендия, поэтому много сил и времени уходило на учёбу. Ещё очень скоро в колледже прознали о моих художественных способностях

Караева Наталья Владимировна — литератор, педагог. Родилась и выросла в Армавире. Печаталась в журналах «Простор», «Север» и др. Живёт в Павлодаре, Казахстан. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

и посыпались поручения: это оформить, то нарисовать. Дни были заполнены под завязку.

Нестерпимо становилось вечером. Иногда из деревни приезжала бабушка, но она, если оставалась, то только на ночь. Дома у неё куры, коза, собака. У всех своя жизнь.

Перед Новым годом мне поручили оформить актовый зал, в помощники определили кудрявого Кешу со второго курса. Мы зашивались. Приходилось брать работу домой, естественно, ко мне. Кеша обалдевал от количества еды в моём холодильнике, и ещё его вводили в ступор мои картины, развешанные по стенам. Он подолгу зависал перед ними, а однажды выдал: «Миланка, хочешь верь, хочешь нет, но мы с тобой когда-то были знакомы. Мы с тобой — родственные души».

«Родственная душа» Кеша рисовал так себе, зато он сочинял стихи и пел их под гитару. Кстати, классно. Поэтому львиная доля работы по оформлению легла на мои привыкшие к ответственности плечи, а Кеша в основном аккомпанировал.

Соседи проявили бдительность, и однажды к нам нагрянула мама со своим мужем. Мама хотела устроить выволочку, но её муж, осмотрев нас и разбросанные по квартире краски, прервал её прямо в полёте короткой командой: «Поехали домой!»

Кеша же всё это время как приворожённый смотрел на мою маму, а после их ухода прошептал: «А ты, Мила, оказывается, красивая». Я засмеялась, но мне стало сказочно хорошо. Не один раз вспоминала я эти слова и выражение Кешино лица, когда в жизни приходилось тяжело. И ещё — я не сказала тогда, но поверила Кеше, что мы с ним родственные души.

Праздник получился сумбурный, шумный. Поздним вечером из колледжа вывалились гурьбой.

Ветер крутил под ногами снежные фонтанчики, пробежал по телу до самой макушки. Замахали редким машинам, равнодушно проезжавшим мимо. Выбежал Кеша, совсем пацан, долговязый, кудрявый.

— Мила! Мила! Я сейчас брата вызвоню, — закричал он.

Но тут к нам подъехала машина. Я послала оставшимся на тротуаре девчонкам воздушный поцелуй и плюхнулась на сиденье рядом с водителем. Я видела Кешино сердитое лицо, какие-то его жесты. Я и ему послала поцелуйчик. Было весело, голову вело от выпитого и от предчувствия чуда.

Я ближе всех жила от колледжа, но девчонки сразу заверещали:

— Сначала нас! Сначала нас! Тебя, Миланка, никто дома ругать не будет!

Мы развезли девчонок, севших в машину в суете и не подумавших, что живут-то они в разных районах города.

Когда возвращались ко мне, я спала, то и дело больно ударяясь головой о дверцу.

Герман, а так звали водителя, взрослый крепкий парень, когда мы подъехали к моему дому, предложил сигарету и спросил:

— А предки-то куда укатили?

Я отказалась от сигареты, сказала, что не курю. Герман одобрительно кивнул, а затем достал из кармана плитку шоколада, разломил её и протянул мне.

— Так, а родители-то где? — повторил он.

Вдруг стало до слёз обидно, что я могу прийти домой хоть под утро, что никому нет дела до того, сколько я выпила и где сейчас шабляюсь. И я разревелась...

Утром, отодвинувшись на край кровати, с ужасом смотрела на спящего рядом чужого парня. Ночью всё это выглядело как-то по-другому.

А потом... А потом я влюбилась. Я, как щенок, заглядывала Герману в глаза, вся моя жизнь превратилась в ожидание.

Это правда — чем беспомощнее женщина в глазах мужчины, тем сильнее он. Герман был для меня взрослым, хорошо разбирающимся в этой жизни.

Я вздрагивала от каждого звяканья лифта. Я бессильно плакала от нарастающей паники, боялась, что Герман не придёт.

— Господи, — умоляла я, — я не хочу его терять. Я не могу его потерять. У меня никого больше нет.

А где-то там, в неведомых измерениях, — Бог, и у него полно своих дел.

На всех моих картинах был Герман, даже женские лица смотрели его глазами.

Он ревновал меня к моему увлечению. Я рисовала тайком. Герман находил картины, ругался, рвал их.

— Ну что я сделала? — спрашивала я, а из глаз катились слёзы.

Я и по сей день не могу простить себе этих слёз. Что со мной было не так?

Что отдаёшь, то и получаешь. Сейчас понимаю, что отдавала себя как на закланье — и ничего взамен!

Конечно, нелегко любить залитую слезами и соплями девчонку.

В обязательную программу наших встреч входило: «Я люблю тебя». «И мне с тобой классно, но есть дела поважнее», — говорил Герман, а я-то верила, что он понимает, в чём смысл жизни.

Через месяц я залетела. У Германа был знакомый врач. Герман обо всём договорился.

Клацая зубами, вечером клянчу:

— Гера, а можно я не пойду?

— Нельзя, — говорит Герман и ухмыляется во весь рот. — Пять на два не делится.

Когда я вспоминаю это, мне хочется вызвать у себя амнезию.

— Ложись спать, завтра в семь я заеду за тобой, — приказывает он.

Ночью мне приснилась маленькая девочка: «Как тебя зовут?» — спросила я. «Анечка». «А почему ты здесь?» — опять спросила я, удивляясь, что такая кроха одна сидит на берегу озера. «Я твоя дочка».

И девочка заплакала.

И тогда я поняла: никто ничего мне не должен. У меня есть я и моя дочь. За нас обеих только я в ответе.

Герман уговаривал, кричал, обзывался, а затем надел куртку, поднял воротник, натянул шапку поглубже и вышел, не забыв бросить ключи от квартиры на полочку для обуви.

У меня родилась девочка. Её на весь день унесли под кислород и капельницы. Врач, пожилая женщина, раздражалась на меня, смотрела с нескрываемым осуждением, а мне так хотелось, чтобы меня кто-нибудь просто обнял и пожалел.

Амаяк Тер-Абрамянц

Два рассказа

Вафельное полотенце

Доктор Кулыгин отложил сигарету и отхлебнул из фужера коньяку, в его татарских прищуренных глазах заплескали чёртики, высокий табачно-жёлтый лоб заблестел сильнее, чем обычно, и боевая мефистофельская борода, казалось, заострилась.

— Да уж, мы, психоневрологи, как детективы работаем, — говорил он не без гордости. — Исследуешь не просто историю болезни, но историю жизни больного, личность его, психологические нюансы, взаимоотношения с другими людьми. Докапываешься до того, что подчас он прячет и от самого себя. Бывает, звонят совсем незнакомые. Пришёл с работы, только лёг отдохнуть на диван, не успел расслабиться — дрэнь-брэнь! Ну, зато и работа интересная: в человеке разобраться надо. И каких только людей и судеб не бывает!

— Вот вы говорили, что Варлама Шаламова видели, — спрашиваю. Мы сидим в холостяцкой комнате доктора. Обнажённая женская натура из французского журнала (впрочем, без пошлости) соседствует на стенах с «Красным конём» Петрова-Водкина, портретом Ахматовой. На книжном шкафу с Достоевским и Еврипидом в первом ряду — батарея пустых бутылок из-под коньяка Курвуазье. Он на миг задумывается, вспоминая.

— Как-то вечером звонят в дверь. Открываю — двое. Здесь, спрашивают, живет доктор Кулыгин? «Я — он и есть», отвечаю. Пригласил войти. Сравнительно молодые, ведут себя вежливо, представились: Морозов и Григорянц. Чем могу служить? «Тут одного товарища нашего съездить посмотреть надо, не могли бы?» Из разговора, однако, понимаю: оба сидели. Ну, поехали на Планерную в дом престарелых. Туда Шаламова Борис Полевой устроил...

— Это от Союза писателей какой-нибудь?

Тер-Абрамянц Амаяк Павлович — прозаик, врач. Родился в 1952 году в Таллине (Эстония), по отцу армянин, по маме украинец, по языку — русский. Часть детства провёл в Луганске. Окончил медицинский и литературный институты, член Союза писателей Москвы. Автор девяти книг прозы. Печатался в журналах «Новая Юность», «Знамя» и других. Живёт в Москве.

Предыдущая публикация в «ДН» — 2023, № 6.

— Какой там! Обычная горздравовская богадельня. Лежал он там вдвоём с умирающим стариком. В палате вонь: старик тот ходит под себя, на лице сардоническая улыбка... Пошёл Григорянц, мы у открытой двери остались.

— Как он выглядел?

— Ну какой... Руки, голова дёргаются, ходят ходуном — хорея Геттингтона, простыни срывает... Длинный, худой, совсем без живота... С вафельным полотенцем на шее — колымская привычка: там шарф — это жизнь, его и ночью с себя не снимают, чтоб не украли, хоть и весь во вшах. А под подушкой и в тумбочке леденцы, кусочки хлеба припрятаны — тоже лагерная привычка.

— Да, я помню его рассказы про голод: кладёшь в рот кусочек хлеба, и он сам растаивает, жевать не надо.

— ...Подпустил к себе только Григорянца, мне не поверил: третий — всегда стукач. Уж как его Григорянц не уговаривал, мол, можно верить, наш человек, — ни в какую: «Нет — и всё!» — рукой отмахивается, а кисти широкие, жилистые — сильные...

Да тут и без осмотра диагноз на расстоянии был ясен — пляска святого Витта.

— Это старческое?

— Не только: от частых травм тоже может быть. Но всё-таки больше двадцати лет лагерей, по голове били — и охрана, и уголовники... Хотя на возрастное больше похоже.

— Ему ведь было примерно семьдесят пять тогда? Поразительное здоровье, — столько перенести и дожить до таких лет, это уж от природы.

— Один из тысяч выжил... Вообще-то он из породы людей выносливых — высокий, жилистый. Да повезло ещё: попал работать в санчасть. На лесоповале да в золотом забое никто долго не выдерживал.

Доктор Кулыгин допил коньяк и взял в рот сигарету, без которой мог жить, лишь когда спал и ел.

— В общем, видно было, что дела его плохи. Вскоре он умер...

Летом, по пути на Камчатку, я пролетал над верховьями Индигирки и Колымы. С высоты десяти тысяч метров открывалось зелёное пространство, уходящее до далёкого отсюда, с высоты, туманного горизонта, сплошь усыпанное тёмными пятнами, будто шкура зелёной пантеры. Отсюда вся земля воспринимается как плоская равнина, и лишь в следующий миг понимаю: тёмные пятна — неосвещённые солнцем склоны сопок. Вот он, «Зелёный прокурор», описанный Варламом Шаламовым. И надо же мне купить в аэропорту перед отлётом номер «Литературной газеты» с автобиографией Варлама Шаламова! Разворачиваю страницу — на меня прямым честным взглядом смотрит спокойное молодое лицо с твёрдым подбородком. Сколько же произошло всего между щелчком фотоаппарата перед юношей, ничего ещё не знающем о своей судьбе, и мгновением, когда я развернул газету!..

«Колымские рассказы»... Короткие и страшные, каждый — как залп, взрывающий грудь. Алмазной чистоты и твёрдости язык. Никогда я ещё не читал и, наверное, не прочту такой страшной Правды. И последние дни автора, мне показалось, своим колымским обличем заключили их цикл.

Полёт продолжался. В салоне появилась стюардесса с подносом. В иллюминатор была видна всё та же безбрежная, без единого признака жизни, тайга («Тайга золотая!»). Лишь вдалеке, между сопок, нарушив их монотонность, наконец, блеснула тоненькой стальной змейкой уходящая в горизонт Колыма. То здесь, то там её разрывали ослепительные солнечные вспышки.

Пассажиры угощались лимонадом.

Жил старик

Никто и не подозревал в доме — ни внучка, ни жена сына, ни, пожалуй, сам сын, — что он был когда-то молодым, уверенным в своих силах мужчиной, которого можно было любить и даже бояться; ни тем более ребёнком, которым можно было восхищаться и можно было жалеть. Казалось, он таким и пришёл, гость из бездны времени — сухой, морщинистый, со слезящимися глазами, — да так и засиделся, забыв дорогу назад.

Тем летом на даче он подолгу торчал на лавочке, греясь на солнце в своём белом летнем полотняном костюме, в старой соломенной шляпе, чтобы не хватил солнечный удар. Он мог подолгу так сидеть, ни с кем не разговаривая и ничего не делая. Впрочем, он давно уже почти ни с кем и не разговаривал, да и не проявлял ни к чему особого интереса. Порой солнце жгло нещадно, и ему только тогда казалось, что оно начинает согреть его остывшие кости. Иногда он брал с собой газету, но больше по привычке, потому что не читал её, а просто сидел неподвижно, и со стороны можно было подумать, что он погружён в воспоминания, но и они давно уже утратили яркость и лишь тенью бродили по поверхности сознания, не вызывая волнения.

Никто и не подозревал, что единственной реальностью в то время для него оставался солнечный свет. Он мог до бесконечности общаться с ним, наблюдая за игрой бликов от листвы на земле, наслаждаясь лаской лучей, обнимающих кокон его тела. Обычно за этим занятием он незаметно засыпал.

Часто он этим пугал внучку. Подкравшись сзади, она с бьющимся сердцем следила за его неподвижной костлявой спиной с торчащими лопатками, пытаясь понять, жив он или умер. Застывший с полуоткрытым ртом, он, казалось, совсем не дышал, и ей хотелось закричать. Броситься со всех ног к матери — может быть, ещё успеют что-нибудь сделать, может быть, именно сейчас надо помочь, — но что-то удерживало её.

Вместо этого внучка тихонько подходила к нему, подбирала газету и протягивала её деду, замирая от ужаса, звала его всё громче и громче:

— Де-еда, де-еда!

Он открывал землистые веки, морщинистое лицо его начинало двигаться, изображая улыбку, и он тянул, хихикая, сухим надтреснутым голосом:

— А-а, шалунья!

— Деда. У тебя газета упала, — говорила внучка, краснея, протягивая её старику; она не понимала, почему он всё время называет её шалуньей, ведь ничего такого она не сделала.

Лидия Григорьева

ОХОТНИЧЬЯ луна

Музыка

Как бы ни был мой день горяч,
Такая пришла пора,
Закрой меня на скрипичный ключ
До самого до утра.

Чтобы всю смуту в себе затая,
Утром очнулась душа,
И чтобы снова узнала я.
Как музыка хороша.

Чтобы опять зазвенела струна,
Вспыхнул огнём окоём,
Словно бы ночью была не одна,
Словно опять — вдвоём.

* * *

Ты спросил меня: зачем?
Я тебе отвечу.
Видишь, ангел за плечом
Зажигает свечи.

В зыбком свете неспроста
Обнажилось тело.
Отлетело навсегда
То, что отболело.

Ангел золотым мечом
Тьму отсёк от света.
Только на вопрос: зачем?
Нам не дал ответа.

Григорьева Лидия Николаевна — поэт, прозаик. Родилась на Украине, раннее детство провела на Крайнем Севере, училась в Луганске, а высшее филологическое образование получила в Казанском университете. В 1980-е годы — автор и ведущая программ «Поэтические встречи» и «Мастерская поэта» на Всесоюзном радио. Автор многих поэтических сборников, двух романов в стихах, а также трёхтомника короткой прозы «Роман в штрихах. Термитник» (2020—2024). Лауреат литературных премий. Живёт в Лондоне и Москве.

Голос

Ловить неуловимое. Да что ты?
Не увидеть незримое. Ведь так?
О, эти модуляции и ноты
Сияют, как начищенный пятак!

Они реально слышимы и зримы:
Рыхлёный бархат или шёлк-сырец.
Над головой твоей, неповторимый,
Нимб голоса, как золотой венец.

Охотничья луна

А прозябать кому охота...
Но повернулось время вспять.
Идёт любовная охота
В ночь полнолуния опять.

И подготовиться, и сдатьсь,
И от волнения дрожать.
В силки любовные попасться,
Но жертву не изображать.

Хоть небеса к нам благосклонны,
Маячит каверзный вопрос:
Не холостые ли патроны,
И гибель, правда ли, всерьёз?

Не будем нарушать обычай,
Нам лунный зов не превозмочь.
А кто охотник, кто добыча
Не столь уж важно в эту ночь.

* * *

Когда я дома не одна,
Вернее, вместе,
Бокал черничного вина
Вполне уместен.

Так эти ночи горячи...
Скажу без лести,
Нас греют лунные лучи,
Когда мы вместе.

Луны прозрачное крыло...
Под вышним взглядом
Нам даже в тени светло,
Когда мы рядом.

Тут драгоценен каждый миг,
На грани жеста,
Как будто истину постиг
Или блаженство.

Как будто лунною межой
Бредёшь по свету.
И между телом и душой
Просвета нету.

Сад

И вот, возлюбленный и нежный,
Мой сад, предвечный и безбрежный,
Поник с печалью неизбежной,
Смирился и померк.
Он словно перестал стараться,
И ластиться, и волноваться,
И новой жизнью наполняться,
Ростки взметая вверх.

Но он напоминает вроде:
Нам счастье выдано по квоте,
Как бы при всём честном народе
Поставлена печать!
О том не может быть и речи,
Чтобы иссякли наши встречи.
Не нами этот путь намечен,
Не нам и прекращать.

Ибрагим Шаов

Общий котёл

Рассказ

До того дня мы жили просто — без лишнего, но с ощущением, что всё нужное у нас есть. В доме было тесно, зато всегда тепло: от людей, от печи, от мамалыги в котле. По утрам воздух наполняли запахи кукурузной каши и дыма, по вечерам — молока и лепёшек. В комнате стоял сундук с вышитыми подушками, самодельный шкаф, кровать с высокой резной спинкой, скрипевшая при каждом движении. Я спал на топчане у окна, откуда было видно абрикосовое дерево — то занесённое снегом, то облитое солнцем, в зависимости от времени года.

Нас шестеро. Трое младших — ещё совсем босоногие. Я старший. Учился в школе и помогал — дома по хозяйству. Вечерами мы сидели у огня, и отец, уставший, но спокойный, рассказывал, какое нас ждёт прекрасное будущее, когда достроится мост через реку. Мать штопала одежду, держала в голове всё: чем запастись на зиму, как вылечить ангину и что носить зимой. Всё держалось на ней. Мы не были богаты, но были вместе. А значит — целы.

Мне уже исполнилось девять, когда отец привёл их.

Снег шёл редкий, сухой, будто кто-то тёр мел на высоте и бросал крошки с неба. Мы с матерью и младшими грелись у очага, сбившись в одну тёплую кучку. Мать помешивала в котле ужин, малыши жались ко мне, дремали, сопели. Никто не разговаривал — все слушали. Как скрипит забор. Как поёт ветер. Мы ждали — как всегда — отцовых шагов.

Он вошёл, отряхнул бурку, сдвинул шапку на затылок. За ним стояла женщина — бледная, молчаливая, с усталым лицом. И девочка — рыжая, с глазами цвета весеннего неба, в слишком лёгком для зимы платье. Таких у нас не бывало.

— Подобрал на дороге, — сказал отец.

Мать кивнула. Сняла с полки лишнюю миску. В котёл бросила ещё одну пригоршню крупы и немного соли. Женщина встала у стены. Девочка робко скользнула в тень и села рядом со мной. Мы не заговорили — просто начали жить рядом.

Звали женщину Мария. Девочку — Нина. Муж Марии где-то пропал — так она сказала. Сгинул без следа, будто растворился в зимнем снегу. Она шла

с севера с ребёнком и пустым мешком за плечами, не зная, где ляжет. Отец подобрал их на обочине, где они стояли в дорожной грязи, сбившись в комок, словно стараясь спрятаться от всего на свете. Лицо женщины было обветренным, девочка дрожала от холода. У них не осталось ни пути, ни цели — только зима и шаг за шагом вперёд, пока кто-то не остановит.

Мария стала помогать маме по дому. Молчаливая и задумчивая, она работала ловко и аккуратно — подметала полы, мыла посуду, носила воду с родника, не дожидаясь просьб. Мать кивала ей с уважением — не сразу, но с каждым днём чаще.

У Нины была необычайно светлая кожа и лёгкий смех — как будто по полу катится мячик. Мы быстро сдружились. Она показывала, как складывать лодочки из бумаги, и шептала, что, если пустить такую по воде, она, может быть, доплывёт до отца и приведёт его обратно. Мы с ней ходили к горе — смотреть, как просыпается глиняный родник. Мы ели из одного котла, пили из одного ковша. Тогда всё делилось поровну — даже бедность.

Отец был председателем колхоза. Говорил мало, ходил быстро, будто за ним всегда гналось что-то невидимое и важное — тревога, тень надвигающегося бедствия, может быть, сама власть с её списками и молчанием. По утрам он выходил на крыльцо задолго до рассвета, затягивался, мечтал, всматривался в даль гор — в ту сторону, где рождается день. Потом — сапоги, пыль, люди, списки, гвозди, крики. Вечером возвращался молча, с запахом угля и ветра. Он не спорил, не жаловался, не объяснялся. Если кто-то просил, — помогал, если требовал, — смотрел мимо.

Когда Мария немного окрепла, он устроил её на работу в колхоз. «Работящая, не пропадёт», — сказал он бригадиру. Она не сразу решилась, но согласилась. И работала не хуже других.

А потом за ним пришли. Без стука, без предупреждения, не снимая обуви. Один зажёл лампу, не спросив. Другой читал, криво шевеля губами. Отец стоял прямо. Когда уходил, — коснулся плеча матери, будто хотел поправить платок. Бурку и шапку не взял. Я потом понял почему.

Жизнь свернулась. Мать стала тоньше, как будто внутри неё что-то сжалось и больше не расправлялось. Её лицо осунулось, стало строже, черты выточились, — будто трудности отсекли всё лишнее.

Мы собирали черемшу, сушили картофельные очистки, перемалывали сушёные стебли фасоли. Стали продавать вещи. Сначала ушли часы, потом бурка и шапка, потом дедушкины трубка и трость, которыми отец особенно дорожил. Мать без звука вытаскивала из сундука одно за другим, развязывала узлы, перебирала, откладывала. Всё, что казалось прочным и вечным, уходило — за муку, за керосин, за пару свечей. Иногда я слышал, как она шепчет отцу что-то в тёмной комнате — будто он всё ещё здесь, просто не отвечает.

Весной Мария ушла. Сказала: в город, к капитану, другу покойного мужа. Говорила тихо, не глядя в глаза, будто извинялась. Мы не задавали вопросов: знали, что в её жизни, как и в нашей, больше пустого, чем полного.

С Ниной мы простились у порога. Стояли между дверью и холодом, как между двумя мирами. Она держала в руках свою набитую золой тряпичную куклу. Протягивая её мне, Нина сказала:

— Чтобы ты не был один.

Я ничего не ответил. Просто смотрел ей в глаза. Думал: как можно вот так уйти, не оборачиваясь, когда мы вместе пережили зиму? Делили не хлеб даже, а то крохотное ощущение, что мы — не одни в этом мире.

Она навсегда осталась в памяти той девочкой с куклой.

...Каждый месяц мы ходили в тюрьму. Несколько километров по глинистым дорогам, размытым дождями, по слякоти, что всасывает ноги, по ветру, что хлещет в лицо, как плеть. Узел в руках — варёное яйцо, табак, вязаные носки. Мать закутывалась в платок, я шёл рядом, шурясь от снега, от зноя, от равнодушных глаз. Охранник приветливо кивал, брал передатку и записывал имя. Мы поворачивали обратно. Ни писем, ни слов, ни знака. Только дорога туда и обратно. Так — пять лет.

Потом пришло извещение. Маленький бланк с печатью и строчкой:

«Расстрелян. Июнь 1937».

Почти сразу. Через три месяца после ареста. Мы кормили не его. Все годы мы кормили охрану или пустоту, что поселилась в тюрьме, в нас, в жизни.

Мать не знала. Или знала, но не позволяла себе верить, — иначе всё рухнуло бы сразу. Она держалась за эти походы, как за поручень над скалистым обрывом. Готовила посылки, добывала сахар, сушила яблоки, молчала, пока собирала узел. Дорога туда стала её молитвой, её надеждой, её последним делом на земле. Пока была дорога — был смысл.

А когда пришло известие, в ней будто обломился стержень, на котором держалась её душа. Она не плакала, не кричала — просто стала ещё тише, чем всегда. На следующее утро не встала. Лежала с открытыми глазами, продолжая глядеть на дверной косяк, как будто ждала — не ответа, а хотя бы тени, силуэта, случайного скрипа половиц. Но нет. Через день — тише, чем шёпот, легче, чем дыхание, — её не стало. Потухла как огонь в очаге: без вспышки, но с жаром, который ещё держится в стенах какое-то время. Без неё дом опустел. Младшие плакали, не понимали. Я — понял. И с трудом вытянул: работа, хозяйство, еда, малыши. Тишина. Так закончилось моё детство без детства.

Теперь я старше своего отца и не знаю, зачем держу в руках его Дело. Пахнет оно старыми чернилами, архивной пылью, табаком и чем-то ещё, похожим на запах заброшенного дома. Пожелтевшие листы, глухие печати, выцветшие фамилии — и вот она, подпись отца. Выведенная твёрдой рукой, не дрогнувшей ни в одной букве.

А далее строчка: «Живёт на нетрудовые доходы. В доме прислуга». И подпись.

Той, с которой мы ели из одного котла. Которая казалась своей, почти родной. Чья добрая рука гладила нас с Ниной по головам, — и ею же написала донос. Когда я вспоминаю её, в памяти всплывают не только слова на бумаге, но и её тишина у котла, и как она обвязывала руки тряпицей, чтобы не обжечься, и как поправляла Нине одеяло ночью.

Я завязал папку. Положил обратно в стол. Потому что есть вещи, которые не сжигаются, не стираются — только хранятся. Жаль только, из таких документов не сложишь бумажных лодочек — как тех, что мы складывали с Ниной, — чтобы они уплыли и вернули всех, кого забрали. Не нужно никого винить, не нужно искать правильные слова. Просто помнить. Помнить руки отца. Тишину матери. Куклу.

И голоса, которыми никто не позовёт.

Амарсана Улзытуев

«В Индию духа купить билет»

Поэма

Когда поэт из Бурятии, пишущий по-русски, Амарсана Улзытуев прислал в «Дружбу народов» поэму, озаглавленную знаменитой строкой Николая Гумилёва «В Индию духа купить билет», редакция, оценив отнюдь не журнальный объём сочинения, предложила напечатать лишь несколько глав или отказаться от публикации. Эта поэма — отдельная книга. Но автор настоятельно просил, чтобы поэма вышла сначала в «толстом» журнале и непременно целиком...

Тогда появилась идея, показавшаяся интересной и конструктивной: несколько начальных глав поэмы дать в августовской «Дружбе народов», а продолжение тоже в августовском номере пойдёт — с любезного согласия Юрия Викторовича Казарина, заведующего отделом поэзии — в журнале «Урал». Так и сделали.

Читайте «Дружбу народов» и «Урал»!

Галина КЛИМОВА,
редактор отдела поэзии

Веди меня от смерти к бессмертию...

Упанишады, Брихадараньяка, I, 4

Вступление

Влюблённый в Землю,
Велю себе восходы и закаты,
Люблю себе могучие рассветы велеть оленьим рёвом.
Любо мне, любо губы лютневой музыки цикад целовать,
Лепо, мне лепо песни старинные славян моих листьев петь,
Сладких-пресладких утренних рос хороводы водить,
Славу оратаям своим, шмелям, сердцестана рокотать...

Улзытуев Амарсана Дондокович — поэт. Родился в 1963 году в г.Улан-Удэ (Бурятия), в семье бурятского поэта Дондока Улзытуева. Окончил Литературный институт им. М.Горького, где ныне преподаёт на кафедре Художественного перевода. Публикации в журналах «Арион», «Юность», «Новый мир», «Дружба народов», «Журнал ПОэтов», «Байкал» и др. Автор нескольких поэтических сборников, среди них «Новые анафоры» (М., 2016) и «Ая — Ганга» (М., 2023). Стихи переведены на 15 языков. Лауреат государственной премии Республики Бурятия в области литературы (2018), Международной отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка и многих других. Живёт в Улан-Удэ и Москве.

Вечности нежной когда-то с утра
Весь я тобою, одною тобою рекою нежен,
Утро исповедимой красоты это ты —
Мудро... Праджняпарамиты¹ твои ланиты,
Могучие восходы и закаты,
Певучая, лёгким ветерком, с утра ты...

Лада, моя лада, снежных песен моих,
Ласточка-подружка нежных вёсен моих,
Ими, хмельными,
Имя твоё пить — быть навсегда или не быть...

Часть 1

I

И сотворил Я беглянку мою,
И обращалась она то в рыбу, то в птицу, то в баобаба, то в тигрицу,
Текла от Меня разноцветной волною жизни,
Тело своё от Меня в многообразии пряча.

Я же её догонял и, чтобы навеки оставить с собою, овладевал
Яростно, страстно, неистово,
То в баобаба обращаясь, то в тигра, то в птицу, то в рыбу,
То есть творя из косной живую материю...

Мать Индия, в твоей утробе
Мати-земля легка,
В ней двигаюсь легко, как в сдобе
Миров перворука.

Я чувствую себя как дома
С лепёшкой в руке,
Так вдруг бывает всё знакомо
У эволюции в витке.

Здесь мама мыла бога Раму,
И не едят коров,
Здесь человечество упрямо —
За пазухой богов,

Одеты в сари, как невесты,
И бороды из хны,
Пока пахтают боги тесто
Из мира и войны...

¹ Праджняпарамиты — священные тексты (Индия).

II

При виде этих наших родственников, Кришна,
сошедшихся для битвы,
Подкашиваются мои ноги, пересыхает рот,
трепещет моё тело, и волосы становятся дыбом...

Махабхарата. Бхагавадгита

Возможно, это был индус или непалец,
Восемь миллиардов блаженных мимических мышц его лица улыбались,
Трудолюбивая его улыбка неизвестно о чём в вагоне хмуром метро
Тронула моё иудео-христианнейшее мусульмано-даосско-буддийское сердце...

На фоне задумчивости или печали дорогих моих соотечественников
Надо же так светло улыбаться...
Русский ли ты добродушный или бурят хитромудрый, украинец весёлый,
премудрый еврей
Родина, вероятно, у всех одна — эта божественная улыбка...

Останавливающая время, — мне нравится в ответ останавливать время,
Историю завершать битв за место под солнцем,
Бесконечность дурную великих и малых братоубийственных войн,
Битв укрощать — упанишадой улыбки — свирепую махабхарату...

Те же, родные по крови, ради кого эти мечты о счастье,
Теща своё самолюбие, сегодня сошлись убивать друг друга,
Из тел своих храбрых изрывают жемчужные души в обеих ратях —
Тести и наставники, шурины и свойственники, отцы и сыны, внуки и деды,

Ты, Господь Кришна, всё-таки благословил эту войну,
Так ли это было нужно — братьям уничтожать братьев, исполненных демонами,
Возницей гнева Божия Своего — несравненного Арджуны,
Вожжи боевой колесницы отпускаешь над Курукшетрой, и любые грехи...

Не знаю, чем подсвечиваешь лица —
Какой-то незнакомый свет —
Не нужно сожалеть, не нужно злиться,
И смысла в ненависти нет.

Откуда сил берёшь на эти краски,
Бурля по площадям толпой,
Индийской неги панибратской
Покачивания головой.

И я с планшетом в радостном угаре
Смирненно волочусь за каждым сари,
А повод дай, и вправду тут
Как дети пляшут и поют...

И ларьки повсюду пёстрые,
Словно в наши 90-е,
По-над Джайпуру сам-большой
Мне слон кивает головой.

Вдоль трасс навстречу бугенвиллия,
Когда-то из Перу, не то Бразилии,
Кровавый каждый лепесток
Колонизаторам намёк...

Считается тут город малым,
Двухмиллионник — едут как попало
На мопеде всей семьёй,
Да с индийскою душой...

III

Вы, проходящие мимо прелестницы юные,
Нисколечко не тяготящиеся смыслом жизни,
Небом птичьей правоты увенчанные,
Нежные и трудные своей пригожестью,

Сколько пленить вам пребудет просто,
Лакшми кудряшек,
Зиты и Гиты ресниц...
Чистые, слёзные души.

И вот, я — мнящий себя исполином —
Совсем не из ваших фиолетовых снов,
хрупконожки, безродные дочери грусти.
Там, куда вы идёте,
величавые своей пронзительностью,
Вас ожидают многолетние руки
неумолимой Кармы.

И мне — бесконечному юноше птиц —
Уже не дарить вам цветов гималайских,
поросших дождём...

У жизни, у обветренной, спроси,
Зачем она, запрягши свиристеля,
По бездорожью ночи колесит
Вселенскою телегою — без цели.

Как будто безутешная вдова,
Как будто обезумевшая с горя,
Она вся — сон, вся — синь, вся — синева,
И бездна непосильная во взоре.

И пелена в обугленных очах,
И лик её в улыбке умиленной,
И плачущий младенец на руках,
Безумием её воображённый...

Никто, никто из нас не сотворён,
Мы только — синь, мы — Сансара¹, мы — сон,
У жизни мы несбыточные дети,
И плач души над бездною времён
Не осенит отечески бессмертье.

Невоплотимы... знаем ли о том!
Бесплотные во времени плывём,
Лишь иногда мы встаём из грёзы
И оживаем в воздухе ночном,
И льём воображаемые слёзы...

IV

Та, которую обнимая,
Ты испытывал наслаждение,
Это всего лишь скелет...

Бодхичарья-аватара, глава VIII

Применяю йогическую практику «изыди!»,
Представляю материи божественную плоть куском разлагающегося трупа,
О которой сказано — зело хорошо,
Ом, Мимолётная, не введи мя во искушение!

Фасеточным зрением буддиста вглядываюсь в Её пустоту пустот,
Фак, всё равно проваливаюсь в лермонтовскую русалку в русалке,
Главное, глаза, откуда не вырваться живым, Боже, как мне в них не глядеть,
Глади её кожи не жаждать, прекраснобёдрой, терпкие пики сосков...

Глад и мор насылаю тараканам в моей голове,
Глаз оторвать невозможно, умоляющих, алчных.
И ведь всё понимаю — Она и есть смерть, тлен несущая,
Но ведь — по образу и подобию — Она и сингулярность, и вечно сущая...

Из вчерашней жизни моей, из вчерашней жизни
Мне послал тебя жизни Всевышний,
Твои губы червивые, видишь, здесь лишни,
Сотворил тебя Вишну из вишни.

И хотя никогда, никогда не умру я,
Только дай мне такую тебя, только дай мне такую,
И от счастья и нежности смерти не чую,
Только дай мне тебя, твои губы ворую...

¹ Сансара (монг.) или самсара (санскр.) — круговорот рождения и смерти в мирах, ограниченных кармой, одно из основных понятий в индийской философии.

V

Медленно протяну
ладонь протяжённостью в два дециметра,
Протяжно тебе будет
и мне,
ибо глубинная рыба она — голомянка,
что водится только в Байкале,
что только в твоей нежности может водиться,
и след её — кость лучевая
от самого что ни на есть моего локтя
до самого твоего невесть из каких
счастливых случайностей и причин
плещущего плеча...
где множество сладостных множеств
собой составляют единство Единственной,
где вечное слитно с мгновеньями,
так женщина слитна с коленями,
и где не бывает повторов
неповторимой...

Как на вершинах гор добыть мне мумиё,
Какая же Нирвана без Неё,
Как бытие без бытия живого,
Как смысл всего, где смысла никакого...

Не смея разомкнуть желанных губ,
Музыку я разъял, как труп,
Материю преодолая йогой,
Как бы коллайдером частицу бога...

Но не бывает дыма без огня,
Нирвана — это битва за меня,
Как в зверя заточённая молитва,
Как, впрочем, нежность — это тоже битва...

И ниспадая, как штора, и застывая, как рыба,
чувствительность в два дециметра
становится больше, чем просто чувственность —
самой действительности тоньше,
самой замедленности дольше,
когда, выпрастываясь из человечины,
ниспровергая материю,
уносится в терра инкогнито
свободным течением
в течении
поцелуя...

VI

И будучи пусть даже последней тварью,
Я буду жить распаду вопреки,
Обугленный, в горниле выживанья,
Бабуином я буду прыгать радостно по веткам!

Страданий убегать зачем?
Желаний да буду цветущим лугом,
Причём, для счастья мне хватило бы немного океанов,
Пригоршни планет, шмеля в цветке...

Бессмертие зову —
У смерти вырвать клочок звёзд и бездн.
И как мне разлюбить ловить губами,
Стихами — материи девичий пульс...

И как мне быть с мечтами?
Пускай бессмертие меня разбудит утром рано,
Хочу шерханом полосатым бродить в тайге амурской,
Ручью студёному безмолвно поклоняясь...

Я люблю умирать на широких лазоревых зорях,
На просторной ладони земного шершавого завтра,
На пуховых до слёз горловых и небесных раздольях,
Где пичужья и божья светло исполняется правда.

В первородных лучах высоко преломившейся бездны,
В самородных садах уносящейся прочь поднебесной,
Я люблю ощущать соловьиную трель измерений,
Сухожилья труда, голубые прожилки мгновений.

Осязать навсегда, что всего мне дороже на свете
Треугольник души, несогласный с окружностью смерти,
Когда горечь во рту, как ребёнка очнувшийся гений,
Когда мир ещё я, когда ветер ещё дуновенье...

VII

Там, где ветер дремучей рогожей, —
Ребёнка вижу пречистой росы,
Тишиною сладчайшая кожа,
Изумрудной травой власы.
Там, где ветер придуман о дали,
Где ресницы луною легки, —
То травы голубой лебеда ли,
Где волна за волною мягки.
Где ночь тончайшей работы,
О сердце, того не забудь,
Когда, неземное, могло ты
И не уставало ничуть.
И не пробуждалось собою,
Как любую пичугой сосна,
Где выдашь себя с головою,
И болью мучительной сна...

Я брезжил...
Передо мной роился хрупкобёдрый язык дьявола Мары,
Троился голубь с клыком вместо клюва, и вместо пары крыльев — один тяжкий
хлопок по плечу,
И тридцать три воина Гэсэр-хана,
Тридцать молодцев Черномора
с бегущими галактиками у ног.

И ещё прорубь, проколота где-то в неандертальском Байкале, зияла поодаль бабочкой,
И заяц из кулака о двух пальцах на безысходной, как рвота, общажной стене...

Гималайцы ещё не умели сходить с вершин,
Китайцы ещё пользовались единственной гексаграммой,
Ещё не выпупилась из яйца первая гимнософистка Феникс,
И эти тысячелетние трудности роста шеи жирафа...

VIII

Родился, весь синюшный и вечно дрищущий
Со слов покойной мамы,
Эвакуированным был в деревню, еле дышащий,
В лесостепную глушь Закамны¹.

И вспоенный кобыльим молоком,
Румяным толстощёким колобком
Катился дальше, от дедушки и бабушки,
Сюда, где с пылу с жару мамины оладушки

Улыбок местных, где цвета лис закаменских
Собаки в Индии... обычные собаки,
Но странно тихие... Среди построек сталинских
Чуть не убится с шестого этажа общаги

От безответных чувств — уж сорок лет назад, а тут,
Как дети, пляшут и поют... Наивный Болливуд
В сто тысяч раз прекрасней и мудрее Голливуда,
Вдруг понял я, проснувшийся, как Будда...

Счастливые, увидеть вы могли бы
В глазной хрусталик мудрецов,
Как бы из грёз несбыточных улов,
В нирване вод резное тело рыбы
В студёном холодце из леденцов
Работы бездн и мудрости без слов,
Играющий неведомые нимбы
По совершенству строгой чешуёй,
И намертво, и наглухо немой,
И сахарной схороненный струёй,
Крути кругов и синие изгибы
Вершащий небожитель под водой...

(Окончание поэмы публикуется в № 8 литературного журнала «Урал»)

1986—2019

¹ Закамна — Закаменский район в Бурятии.

Юрий Каграманов

Другая дорога

Строки из замечательного стихотворения Роберта Фроста «Другая дорога»:

...Пути было два, и мир был широк,
Однако я раздвоиться не мог,
И надо было решаться на что-то.
Я выбрал дорогу, что вправо вела
И, повернув, пропадала в чащобе.
Нехожей, что ли, она была
И больше, казалось мне, заросла,
А впрочем, заросшими были обе.
.....
Другую оставил я про запас,
Хотя и догадывался в тот час,
Что вряд ли вернуться выпадет случай.

А *parva ad magnum*, от малого к большому: образ озадаченного путника применим и к нашему Отечеству. Развилка дорог в нашем случае пришлась на эпоху Петра I. Два или три поколения славянофилов, старые и новые евразийцы подвергли разносторонней критике его реформы и вынужденный ими взгляд на мир через «европейские очки», но у западников всегда находились веские аргументы в их пользу — пока слишком явно не попортились «очки»: даль в них теперь размыта или вообще исчезает, а близь исковеркана.

Пока Европа переживала период восхождения на своём пути и после, пока она ещё сохраняла некоторые свои достоинства или то, что казалось достоинствами, естественной была увлечённость или по меньшей мере заинтригованность тем, что там происходит. Нынешняя Европа «не в гору живёт, а под гору» — чего лишь тот упёртый западник может не заметить, что живёт вчерашним её образом. (Я пока оставляю за скобками Соединённые Штаты, переживающие поворотное время — о них речь пойдёт ниже).

Каграманов Юрий Михайлович — публицист, философ, культуролог. Родился в 1934 году в Баку. Окончил исторический факультет МГУ. Автор многих статей и ряда книг, в том числе: «Культурные войны в США» (2014), «Око бури. Проблемы исламского вызова» (2020), «Что ждёт Америку» (2021), «Время славянофильствует» (2022). Постоянный автор «Дружбы народов». Живет в Москве.

Во что верил царь Пётр

Крещёный в православии, царь Пётр внешне никогда от него не отступал. Более того, всегда сохранял вкус к православной службе, сам пел на клиросе, вполне по-церковному относился к мощам и чудодейным иконам и т.п. Но в своей практической деятельности он от духа православия зачастую бывал предельно далёк.

Принято считать, что разворот к Западу вызван был непосредственными впечатлениями от европейской жизни, полученными ещё в Москве и после, во время первой заграничной поездки. Но надо принять во внимание, что разворот сопровождался и отчасти даже предварялся переменами в религиозном мышлении. А началось это ещё до Петра.

Задолго до того, как он прорубил окно в Европу, была открыта дверь, впусившая на Москву «инфлюкцию» польского происхождения. Изгнанные из Москвы в 1612-м, поляки постарались взять реванш в поле культуры. Это стало заметно уже в царствование Алексея Михайловича, когда московское боярство-дворянство стало подражать шляхетству: носить кунтуши и шапки-рогатывки, «сабли у боку», нередко даже пытались говорить по-польски или хотя бы употреблять какие-то их словечки. А при царском дворе впервые на Руси появился театр — там «учиняли комедии», переведённые с польского и с участием польских актёров.

Одновременно из Польши шло религиозное «обновление». Своего рода передаточным пунктом здесь был Киев.

К западу от Московской Руси — время религиозной борьбы и богословских споров. На территории собственно Речи Посполитой (Великой и Малой Польши) протестантство, преимущественно в кальвинистской его версии, схватилось с традиционным здесь католичеством, а дальше к востоку все версии западного христианства методически наступали на православие. Рождение Брестской унии фактически означало для православных «сдачу в плен» католикам. На волне успеха иезуиты основали в Киеве в 1633 году, по образцу иезуитской коллегии, Киево-Могилянскую академию, которой суждено было сыграть особую роль в истории России XVIII века. Формально это была православная академия, но исподволь стала проводником западного влияния, причём католическое влияние со временем вытеснялось протестантским.

В 1687 году выходцами из Киево-Могилянской академии была основана в Москве, на территории Заиконоспасского монастыря (это в начале Никольской улицы) аналогичное по своему профилю учебное заведение, названное Славяно-греко-латинской академией. Здесь Пётр нашёл созвучный его пожеланиям коллектив, преимущественно из киевлян, ставший, назовём его так, интеллектуальным штабом реформ.

О влиянии, какое приобрели киевляне в России, свидетельствуют хотя бы такие факты. Преподаватель Могилянки Стефан Яворский был поставлен рязанским митрополитом, а после, с отменой патриаршества, — местоблюстителем патриаршего престола! Стефан ранее подвизался в униатстве, затем отрёкся от него, но оставался «православным с католическим оттенком»; реформы Петра поддерживал, хотя не все. Зато ректор Могилянки Феофан Прокопович, в конечном счёте переселившийся в Петербург, стал ведущим идеологом Петра и не просто поддерживал его реформы, но стал их энергичным ревнителем и зачастую инспиратором.

Деятельность киевлян была полезной в той мере, в какой были необходимы реформы Петра. Тем более что большинство предметов, входивших в учебный план академии на Никольской, были светскими: иностранные языки, история, преимущественно древняя, и некоторые другие. Но вся эта просветительская (в ограниченном смысле — можно без кавычек) деятельность взмыла на духовном трамплине западного происхождения. Киевляне внедряли богословскую «учённость», игнорирующую ценность православного церковного опыта. Ибо «учённость» эта включала, как говорили православные оппоненты, «калвинские и лютторские противности» (то есть кальвинистские и лютеранские).

Фактически был взят курс на секуляризацию, по образцу протестантской Европы, Петру особенно близкой. В частности, по европейскому примеру Церковь была подчинена государству, точнее, Государю. А Византия нам завещала единство Царства и Церкви.

В этом плане, впрочем, можно и отдать должное Феофану со товарищи. Они сохраняли память об идее Третьего Рима, ждущей более полного своего воплощения. И видели, что украинцы с их неизбежной склонностью к *казакованию*, на роли реализаторов идеи не тянут. И потому обратили взоры на северо-восток, где был силён государственнический инстинкт и проявлялась воля к историческим свершениям. Чего не могут понять в сегодняшнем Киеве, считающем выбор империи специфическим пороком «русни». Оговорюсь, что самый термин «империя» (Пётр принял титул императора после победного Ништадтского мира в 1721-м) был, возможно, не вполне адекватным. Слово «царь» тоже западного происхождения (от имени Caesar, ставшего нарицательным), но как бы породнившись с византийским «басилевсом», оно стало богаче смыслами. Царь «по-русски» явился удачливее и самого басилевса, так как обеспечивал стабильное престолонаследие (нарушенное было Петром, но восстановленное в начале XIX века), чего не было в Византии.

Пётр был двоевер: тяготел к протестантству в практических вопросах, он сохранял «привязанность» к православию. И двоевером стала страна. В делах, государственных, военных и некоторых иных, включая сферу образования, первенствовали «западные борзости», как их тогда называли. Но глубинные течения русской жизни — неторопливые, как все морские течения и, подобно морским течениям, гораздо большие в охвате, чем поверхностные течения, — из предшествующих столетий вытекающие, продолжали катить свои воды, что отражалось главным образом в нравах всех существующих сословий.

Как относиться к зажигательному образу Петра, созданному Пушкиным? По-прежнему с восхищением, если помнить о задачах, стоявших в то время перед Русским государством; и о том, сколь насущно сохранять толику его огня для каких-то будущих свершений. Но в интимной глубине русского сознания сохраняют свою ценность смиренная тихость и благостояние, свойственные патриархальным оппонентам царя-преобразователя.

Станет ли у них христианство катакомбной верой

Если и вправду сказал царь Пётр (свидетелем тому был, по его словам, канцлер Г.Головкин), что наступит момент, когда мы повернёмся к Европе задом, то этот момент по-настоящему лишь теперь, три века спустя, наступил. Потому что сегодня только сильно отставший от времени западник, который судит о Европе по книгам

Марселя Пруста или Томаса Манна или даже по фильмам относительно недавнего прошлого, может вздохнуть о «вертограде процветшем», как её называли когда-то.

Провозвестники «заката Европы» думали, что она будет «закатываться» по образцу Древнего Рима: оскудение гражданственности, порча нравов, смешение с «варварами». Всё это имеет место, но сверх того происходит нечто такое, о чём заранее догадывался едва ли не один-единственный прогнозист: австрийский историк Ганс Зедльмайр (некоторые его книги переведены на русский язык) полвека назад написал, что в её последний час Европу поразит безумие. Не менее удивительно «видение» Марины Цветаевой, вообразившей «наоборотный мир», к какому способен прийти в конечном счёте левый революционизм, где велено

Рыбам — петь, бабам — умствовать, птицам — ползть,
Конь на всаднике должен скакать верхом,
Новорождённых надо поить вином,
Реки — жечь, мертвецов выносить — в окно,
Солнце красное в полночь всходить должно,
Имя суженой должен забыть жених...

У этого безумия есть своя система, свой логос, изначально носивший имя свободы. Понятие свободы — многообещающее и вместе опасное; «хитрость» в том, что плодотворной она оказывается только в сочетании с несвободой. Длительное время это было как вино, пленившее европейские умы и вызвавшее к жизни множество «открытий чудных». Но из-за неизбежности окисления всякое вино превращается в уксус — если не знать секрета его выдержки.

Можно ли излечить Европу? Рассуждая символически, это могут попытаться сделать те же два врачевателя, что приставлены к слепой принцессе в «Иоланте» Чайковского: «великий мавританский врач» Эбн-Хакиа и исполненный любви христианский рыцарь. Христианского рыцаря на горизонте пока не видно, а вот мусульманские «врачеватели» заполняют Европу чем дальше, тем больше. Некоторые прогнозисты, заглядывая вперёд на считанные десятилетия, уже видят простёршийся в пределах Европы Халифат.

Скрепя сердце придётся признать, что это был бы не худший выход из положения. Ислам — великая религия, близкородственная христианству, и коль скоро Европу, по моему убеждению, доподлинно ждёт кончина — а это будет некрасивая кончина, нечто схожее со «Смертью распутницы», какою её представил Иероним Босх, — конечно, жизнь в исламе куда предпочтительнее.

Но какая жалость! Вся великая Европейская культура — по своему богатству и значению уникальная в истории человечества (уникальность её — производное от уникальности христианства) — будет становиться всё менее понятной; а если здесь возобладает ваххабитская версия ислама, будет даже специально преследоваться.

Но ещё важнее: Европа, по крайней мере западная её часть, будет потеряна для христианства. В лучшем случае оно там станет «катакомбной религией» (возможность, которую предвидел ещё Достоевский).

Заповедано в свой час: «Жизнь и смерть предложил Я тебе... Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твоё» (Втор. 30 : 19). Немудрящая гигиена требует дистанцироваться от тех, кто выбирает смерть.

«Сад расходящихся тропок» и выход из него

Честь спасения западного христианства пытается поддержать Новый Свет. В первую очередь это относится к Соединённым Штатам.

Жители этой страны, как известно, всегда были религиознее европейцев. Изначальное ядро нации, от которого она «есть пошла», составили пуритане (кальвинисты), у которых религиозно продиктованные строгости и стеснения были ничем не меньше тех, которые отличают сегодня мусульман-ваххабитов. Почему ослабление и разложение началось уже через два поколения после того, как первые «пилигримы» в твёрдых пуританских шляпах высадились на берегу Массачусетского залива?

Отчасти причиной тому были жизненные обстоятельства, но нас здесь интересуют собственно религиозные причины. Главной из них было то, что с нелёгкой руки Жана Кальвина истина веры была передовверена каждому из членов общины в отдельности. «Власть имеющим» оставалось для него только Священное Писание. Тогда как авторитет пастора весил не очень; равно как и авторитет священного Предания. Толковать вычитанное в «Библии короля Якова» (популярное тогда издание) каждый получал право самостоятельно. Отсюда начавшиеся в среде пуритан расхождения, которые в дальнейшем привели к дроблению — изначально более или менее цельного объединения — на различные секты, которые утрачивали даже имя пуританства; дробление, продолжающееся по сей день.

Получился «сад расходящихся тропок», если воспользоваться образом Борхеса.

Коль скоро каждый член общины может иметь в вопросах веры своё мнение, принятая общиной доктрина фактически является для него *предварительной*, он в любой момент может поменять её на другую, найдя себе «епанчу по своему плечу». Отсюда — плывучесть, растекаемость протестантства в Америке. К чему это ведёт, писал известный протестантский богослов Ричард Нибур. Мне уже доводилось цитировать его мысль в «ДН», напомним: «Без стабилизации и консервации великие (религиозные) движения проходят, как шторм на море, ничего не оставив после себя, кроме обломков разрушенных ими институций» (Niebuhr Rich. The Kingdom of God in America. N.Y. 1959, p.167).

Плывучее протестантство переставало оказывать влияние на культуру, а утратившая ориентиры культура в свою очередь разъедала религиозные верования, отчего терпели урон все конфессии, но в первую очередь господствующее протестантство. Пустели скамьи в храмах, что говорило о растущем перевесе секулярности в обществе, но перевес секулярности имел следствием недовес смыслов его, общества, существования. Другой, ещё более известный протестантский богослов, уже с некоторым уклоном в католичество, брат Ричарда Нибура Рейнголд Нибур (несколько лет назад о нём вышел документальный фильм, где он назван «совестью Америки») около полувека назад, фиксируя происходящее в стране, присоединился к «теологии кризиса», которую в Европе сформулировали Карл Барт и Рудольф Бультман. Суть её в том, что Бог в последнее время перестал вмешиваться в ход истории; на земле, таким образом, воцарилась кривда, а правда вознеслась высоко за облака и станет доступна в Судный день.

Не сказать что американское католичество находится сейчас в более выгодном положении, чем протестантство: ряды молящихся в католических храмах до последнего времени редели почти так же, как в протестантских. Но на стороне католиков

Надежда Бесфамильная

Душанбинские записки

Пик Коммунизма и многое другое

А вот пусть отсюда без всяких предисловий и начнётся моя душанбинская история.

...Добравшись до своего ряда в салоне самолёта, застаю в общем потоке пассажиров, как в автомобильной пробке, пытаюсь между делом взгромоздить свой компактный, но вполне увесистый чемодан на верхнюю полку для ручной клади. Слышу сзади женский голос, решительный и звонкий, из незнакомой мне речи узнаю только одно слово — «ака»: так обращаются к старшему по возрасту мужчине, старшему брату. Вижу, как стоящий впереди меня мужчина стремительно оборачивается, подхватывает мой чемодан и легко забрасывает его на полку. Я благодарю, он отвечает по-русски, благодарю и женщину — за внимательность. Она тоже отвечает по-русски: «Не за что! — И добавляет приветливо: — Вы тоже в Душанбе летите?» «А куда же ещё, — смеюсь в ответ. — Разве что посреди полёта меня высадят в небо за плохое поведение». Окружающие смеются, смеётся и она, добавляя: «Приходите ко мне в гости!» — и удаляется вглубь салона. Приглашение необязательное, но очень милое. С ребёнком на руках, второй мальчик постарше рядом, держится за маму, не девушка давно, но стройная, как газель, огонь в глазах и голосе, брови густые, чёрные, классической восточной формы, что называется, — аутентичные, доставшиеся ей от предков совершенно бесплатно и на всю жизнь — ни за какие деньги не купишь ни в одном модном косметическом салоне...

Кстати, в самолёте очень много таджикских женщин с детьми, с совсем маленькими, грудничками, и постарше. Сначала удивляюсь, но быстро смекаю: дела семейные, дела миграционные... И ловлю себя на мысли: а что я, собственно, знаю о них, об этих людях, живущих в далёкой горной стране, бывшей ещё не так давно по историческим меркам одной из республик СССР, получившей свою независимость и живущей самостоятельной жизнью? С уверенностью могу только сказать, что раньше я не встречала столько таджичек на улицах Москвы, в поездах метро, в магазинах... Почему раньше, будучи частью одной большой и общей нашей страны, они спокойно жили и работали на своей земле, а теперь устремились в уже чужую для них Россию?

...Какая удача, что мне досталось место у окна. Оба соседних места занимают мужчины, таджики, наверняка уже много раз летавшие этим маршрутом и видевшие

Бесфамильная Надежда Николаевна — поэт, прозаик. Родилась в городе Льгове Курской области. Окончила факультет романо-германской филологии Воронежского Государственного Университета. Работает переводчиком. Шесть сборников стихов, в т.ч. — «Близко к сердцу» (2025). Живёт в Москве.

всю его географию — с островками населённых пунктов, пёстрыми квадратами полей, заплатами лесов, переходящими постепенно в степной ландшафт, достаточно лаконичный и однообразный; это однообразие нарушает лишь сетка рек, порой так диковинно извитых, что удивляешься, как по ним и вода-то течёт. А дальше — суше, и вот уже реки — не реки, а высохшие русла и чаши озёр. И горы, — сначала невысокие, покатые холмы, но чем дальше, тем выше и замысловатее, и вытянутые спины их покрыты полосами ещё не растаявшего снега, и этот рисунок напоминает сверху стадо сбившихся в кучу зебр. Откуда они здесь, зебры, в Средней Азии? Никак, заблудились?

Моим соседям особо некогда смотреть в окно: почти половину полётного времени они погружены в молитву — на взлёте и посадке, перед едой и ещё по неизвестному мне расписанию они, закрыв лицо ладонями и уткнувшись лбами в спинки впереди стоящих кресел, возносят молитву Аллаху, а Творец, единый для всех, смотрит с небес в окно иллюминатора: всё ли у них в порядке, у этих неугомонных людей, которым не сидится на месте, и что делает здесь эта дамочка, любопытно всматривающаяся в горизонт?

А дамочка, то бишь я, пытается сопоставить рисунки горных хребтов с общими очертаниями Памира, предварительно изученными по географической карте. И понимает, что до Пика Коммунизма не долетит точно, — он как горная вершина находится значительно восточнее Душанбе, а как понятие — эфемерен и недостижим в принципе.

Кстати, о Пике Коммунизма. Мода на переименование городов, улиц, учебных заведений и прочих объектов, как и во все сменяющие друг друга эпохи, затронула, похоже, всё постсоветское пространство. Только сейчас по случаю узнала, что знакомый нам по учебникам географии советской поры Пик Коммунизма как был самой высокой вершиной Памирских гор в Таджикистане и самой высокой точкой СССР, так и остался ею навсегда, но теперь носит имя Исмаила Самани — самой почитаемой в Таджикистане исторической личности: именно при его правлении персоязычные государства избавились от власти арабских халифов, приобрели свою национальную идентичность. Именно при нём началась история Саманидской державы и Азиатского Ренессанса, давшего миру медицинские знания Авиценны и незабываемую литературную традицию поэтов Рудаки, Фирдоуси, Хайяма... Именем Самани (или Сомони, оба написания правильны) в Таджикистане названы населённые пункты, улицы, национальная валюта (сомони) и даже таджикская авиакомпания *Somon Air*, рейсом которой я лечу.

Вспомнилось: когда родился первый из трёх моих племянников, сыновей брата, мы, родственники, дружно назвали его вытянутую макушку Пиком Коммунизма, и так он, наш Саша, жил с Пиком Коммунизма всё своё детство, пока макушка не выровнялась и не приобрела обычной своей формы. И хорошо, что выровнялась, иначе и её пришлось бы переименовывать в Пик Исмаила Самани...

В этих весёлых размышлениях я чуть не прозевала смены декораций за окном: занавес гор стал постепенно раскрываться, являя взору Гиссарскую долину — зелёный оазис в чёрно-белом ожерелье горных хребтов. Сейчас, в конце мая, это сплошные изумрудные пятна полей, садов, виноградников и дикой растительности горных склонов, по которым там и сям разбросаны соцветия кишлаков и небольших посёлков, окружающих Душанбе. И только солнечная голубизна неба спорит с этой зеленью, и небо уходит всё дальше и дальше: это самолёт идёт на посадку и приземляется почти в центре города.

Ассалом алейкум, Таджикистан! И вот тебе свежая самолётная эмоция в стихах. Пусть я не Фирдоуси, но ты ведь любишь стихи?

Полёт над Гиссарским хребтом

На то и заветна теперь высота,
Затем и светлы небосводы,
Чтоб взглядом погладить полосы хребта
У зебры гиссарской породы.

Затем и долинам цветенье лугов
И трав изумрудные фетры,
Чтоб горные спины в тисках ледников
Хранили их в пагубах ветра.

Затем и в ущельях звенящи ключи,
И рыбы в стремнинах певучи,
Чтоб можно их было на слух различить,
К подножью сбегающих с кручи.

И счастье мгновенное птицей парить
Над вечностью этой всевластной —
Неужто затем, чтоб увидев, забыть,
Что мира краса не напрасна?..

Старый Душанбе

Улица Садриддина Айни: так именем классика таджикской литературы советского периода называется одна из главных улиц города, на которой находится гостиница, где мне предстоит не раз и не два останавливаться во время моих коротких командировок. Ещё несколько лет назад она представляла собой ряды панельных домов типичной советской застройки с элементами среднеазиатского колорита; такое мне приходилось видеть раньше в Ташкенте, в Ашхабаде... Эти дома — панельные трёх-, четырёхэтажки — ещё можно увидеть за фасадами новых роскошных высоток, они теперь скромно теснятся на задворках, как бы извиняясь за непрезентабельный вид и ожидая своей очереди на снос. Получается, мне довелось попасть в Душанбе на сломе эпох градостроительства. Во всём ощущается обновление, современный архитектурный узор смело и молодо проглядывает через старую ткань города. И хочется рассмотреть поближе старину — не панельное старьё, а изначальную, корневую, восточную, — пока она не исчезла окончательно.

Стоит свернуть с широкого и шумного центрального проспекта, и оказываешься в иной жизни, в иной реальности, как будто машина времени подхватывает и переносит вглубь эпохи, когда весь Душанбе состоял из таких кварталов, формировавшихся вокруг мечетей. Одноэтажный жилой сектор, плоские крыши которого, похожие на огромное лоскутное одеяло, уже успели впечатлить с воздуха при заходе самолёта на посадку, открывается теперь во всех подробностях. Крепкие приземистые дома, обнесённые глухими заборами с массивными воротами — как маленькие крепости, надёжно защищающие своих обитателей от городской суеты и посягательств на домашний уют. Большая часть внутреннего двора в такой «крепости» перекрыта, как правило, кровлей или решётчатым навесом, сплошь увитым виноградной лозой для защиты от палящего солнца. Входные ворота — это отдельная история. Деревянные, с резными украшениями, или металлические с фигурной ковкой, они являют собой символ достатка, и уже по ним можно судить, как живётся тем, кого они

охраняют. Смотришь на ворота и на небольшие цветники перед домами (или отсутствие последних) и понимаешь: по-разному здесь живётся, по-разному.

Таких улочек и целых кварталов в центре города ещё много, и что до меня, то пусть бы они и оставались здесь, сохраняя пожившее лицо старого города, чтобы можно было всматриваться в него, вчитываться, как в простую и мудрую книгу жизни.

А жизнь идёт, можно сказать, кипит на палящем солнце.

Вот перед домом маленький импровизированный базарчик: дыни, арбузы, помидоры и всё, чему сейчас время, — налетай, подешевело!

Вот на противоположной стороне улицы на пустых ящиках из-под фруктов сидят бабушка с внучкой, продают варёную кукурузу. Лица пожилой женщины не видать под накинутым белым платком. На голове девочки лет десяти тоже белый платок, завязанный сзади. Личико её открыто, и взгляд её открыт, взрослый взгляд, добавляющий девочке лет. Видела ли она что-нибудь ещё в своей жизни, кроме двора, очага с варящейся кукурузой и этой торговой точки?

Вот мужчина едет на велосипеде. На багажнике вязанка хвороста — запасается на зиму. Такую картину здесь можно часто увидеть: все засохшие ветки, спиленные сучки деревьев не сжигаются расточительно на месте в костре, а бережно собираются на растопку — это вам не сибирская тайга и даже не среднерусская лесостепь с посадками, полными сухостоя. Здесь голые пустынные горы, дровами запастись нелегко.

Вот самостийный магазинчик автомобильных запчастей и около него небольшое мужское толковище. Нет, мужчины сейчас здесь не ради покупок, — они здесь ради общения. Все местные, все с этой улицы.

Вот дети играют в мяч — шумно, весело, прямо на проезжей части, благо машины проезжают нечасто. Так же и мы в детстве играли в выбивного. Улица идёт в горку, и непойманный мяч катится вниз; мальчишки наперегонки бегут за ним мне навстречу. Поддеваю ногой мяч и на удивление точно направляю одному из мальчуганов под всеобщие радость и одобрение и продолжаю путь в гору: где-то там, выше и ближе к правительственным кварталам, — новый душанбинский рынок Мехргон, о котором много слышала и читала, и очень хочется увидеть его своими глазами, но сегодня уже не получится — темнота начинает накрывать город, пора возвращаться в отель.

Вот на обратной дороге на стыке двух переулков крошечная пекарня, прилепившаяся к кирпичному белёному забору, на заборе висят выбитые ковры — проветриваются. Двери и одно-единственное окно пекарни — нараспашку. Чан для замеса теста, тандыр, большой разделочный стол. И полки с готовыми лепёшками. Две женщины заняты работой, девочка — уже постарше, чем та, с кукурузой, — на подхвате, стоит у стола и вопросительно смотрит на меня, любопытную. Запах выпечки — призывный, на всю улицу. «Сколько стоит лепёшка?» — спрашиваю. «Пять сомони». (Около сорока рублей по-нашему.) «У меня нет сомони, можно я рублями заплачу?» — «Рубли не берём, только сомони», — отвечают они на таджикском, но по их лицам я без перевода понимаю, что лепёшки мне не видать. А жаль, так разгулялся аппетит на эту конкретную лепёшку только-только из тандыра... Рядом по эту сторону прилавка мужчина, местный, забирающий уже оплаченные лепёшки. «А вам сколько нужно?» — спрашивает он меня по-русски. «Да одну всего, очень уж пахнет вкусно...» Мужчина расплачивается ещё за одну лепёшку и вручает мне. Я проворно лезу в кошелёк и протягиваю ему русские рубли. Мужчина категорически отказывается брать, лишь улыбается и прикладывает правую руку к сердцу в знак приветствия и уважения. И уходит. Ухожу и я, оставив на прилавке женщинам русские деньги. Возвращаюсь на шум и огни улицы Айни уже знакомыми переулками, жуя на ходу ещё горячую хрустящую лепёшку. Всего-то мука, вода, соль и дрожжи, но вкуснее этой лепёшки на данный момент ничего не существует.

И пусть это не комильфо: рвать на куски лепёшку и отправлять в рот на ходу, но если очень хочется, то можно.

Возвращаюсь в отель уже затемно, по пустым улочкам старых кварталов. Забегая вперёд, скажу, что за все мои поездки в Душанбе я ни разу не испытала чувства опасности и страха, какой пронизывал на пустынных вечерних улицах европейских столиц. И это не только потому, что меня заранее предупредили, что здесь нет преступности, моё спокойствие идёт изнутри, я сама так чувствую этот город.

Старый Душанбе

Прохлады ждать и радоваться тени
На летнем перевале полнолуний:
Исполненное пряных вдохновений
Жарою пышет варево июня.

В заботах местных горлинок и соек,
В дремотах стариков и в женских родах
По впадинам высотных новостроек
Живёт привычной жизнью старый город.

Здесь ярче прелесть травных ароматов —
Зире, шафрану, тмину и райхону
Дворы в тенистых лозах винограда
Стократ милей дворцовости Мехргона.

Здесь жизнь проста, но жить её непросто,
Ну, разве только с мудростью восточной,
И виден в детском взгляде опыт взрослый —
Судьбы не прожевать зубам молочным.

В Тигровой балке есть, возможно, тигры,
А здесь, растя на солнце и лепёшках,
Играют дети в уличные игры,
Оставленные нами где-то в прошлом.

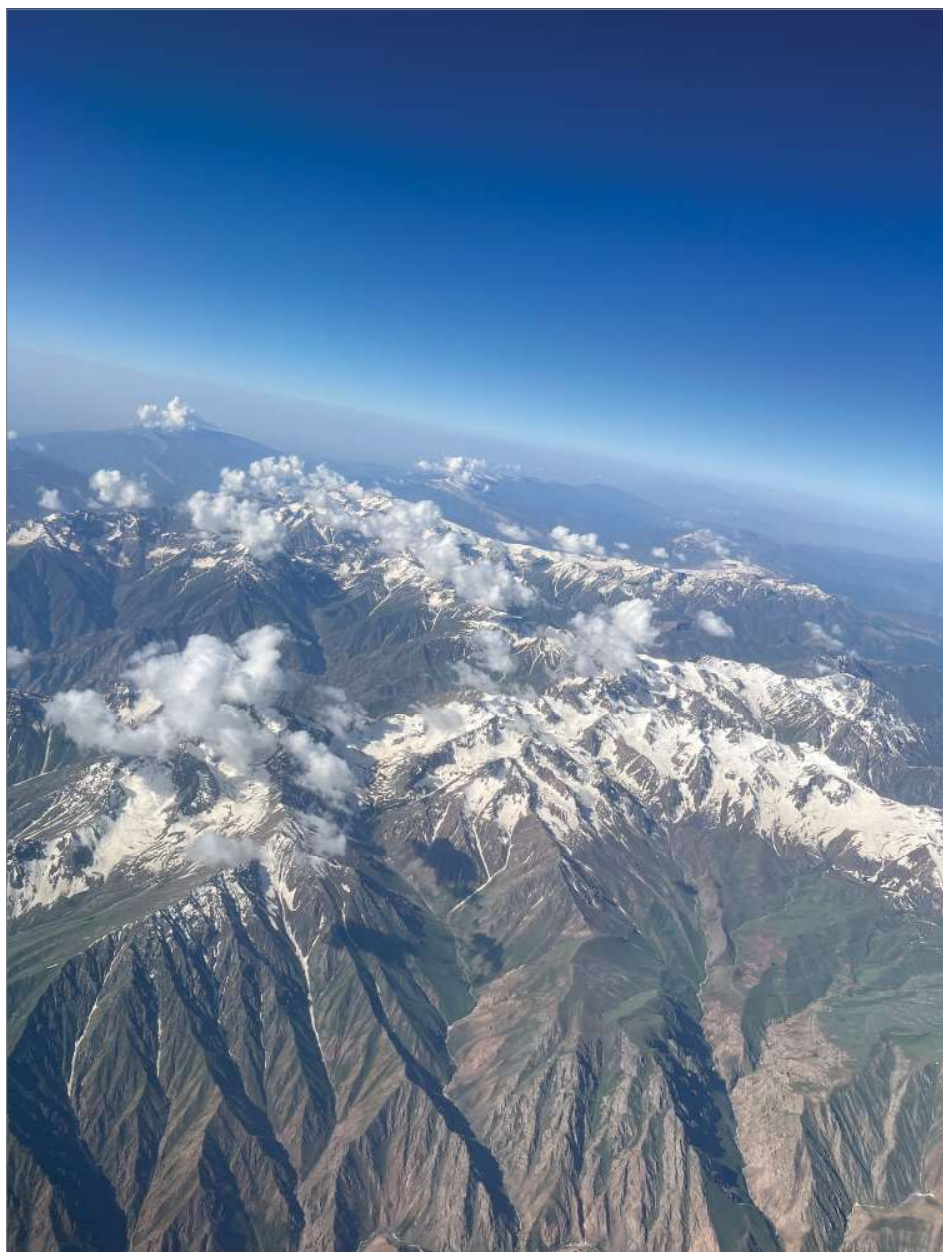
Наступит ночь темнее шелковичной,
Лаваш луны взойдёт над перевалом,
Заснут дворы до первых песен птичьих
Усталым сном остывшего мангала.

А далеко, к дождливым горизонтам
Гвоздём нужды надёжно приколочен,
Ата метёт дворы, стрижёт газоны
И деньги шлёт домой смартфонной почтой.

По Дружбе народов к Мехргону и про золотой унитаз

Сегодняшний Душанбе вырос из большого количества маленьких кишлаков. Здесь, как и в Москве, были свои крохотные мнёвники, матвеевские, владыкины, выхины, которые, сливаясь, образовали характерную мозаику из одноэтажных старых и «новых» кварталов советского конструктивизма, тоже успевших стать «пожилыми». Но при всём при этом сегодняшний Душанбе создаёт впечатление молодёющего

ДУШАНБИНСКИЕ ЭТЮДЫ.
Фото Надежды Бесфамильной

«Я пытаюсь сопоставить рисунки горных хребтов с общими очертаниями Памира, предварительно изученными на географической карте. И понимаю, что до Пика Коммунизма не долетим точно».

*«Мне довелось попасть в Душанбе на сломе эпох градостроительства.
Во всём ощущается обновление, новый современный архитектурный узор смело
и молодо проглядывает через старую ткань города».*

«Эти дома — панельные трёх-, четырёхэтажки — ещё можно увидеть за фасадами новых роскошных высоток, они теперь скромно теснятся на задворках, как бы извиняясь за свой непрезентабельный вид и ожидая своей очереди на снос».

«На противоположной стороне улицы на пустых ящиках из-под фруктов сидят бабушка с внучкой, продают варёную кукурузу».

«Вот мужчина едет на велосипеде. На багажнике вязанка хвороста — запасается теплом на зиму».

«Чан для замеса теста, тандыр, большой разделочный стол. И полки с готовыми лепёшками. Две женщины заняты работой, девочка, уже постарше, чем та, с кукурузой, на подхвате, стоит у стола и вопрошающе смотрит на меня, любопытную».

«Запах выпечки — убийственно призывный, на всю улицу».

«Новое здание Парламента уже введено в строй и полностью открыто взору горожан: в светлых тонах, внушительное и импозантное, под бело-голубым куполом, с прекрасно оформленной цветниками и молодыми деревьями территорией».

«Импозантность — это, пожалуй, точное определение современному архитектурному стилю Душанбе. Таковы многие здания, окружающие центральный парковый оазис — Парк культуры и отдыха имени Рудаки, персидского поэта и основоположника таджикской литературы: Дворец Нации, здание Парламента... »

«Кстати, проспект Рудаки — это только по-русски проспект, на таджикском это... Хиёбони Рудаки! И звучит это слово именно так, как вы сейчас его прочитали. Открытие таких слов в других языках всегда вдохновляет. Ещё один проспект, и это — Проспект (оййй!) Дружбы народов! Дустии Халкхо! Верной дорогой идёте, товарищи: я видела на карте эту улицу, ведущую в сторону рынка».

Рынок Мехргон. «Где как не на рынке лучше всего ощущаются национальные колорит и характер, и в целом культурный код любой нации, в особенности восточной?»

«Золотые унитазы в Душанбе — это как первый золотой форпост на пути в Индию. Сразу же захотелось потрогать эту экзотику, посидеть на ней, поразмышлять».

«Гиссарская крепость — один из старейших архитектурных памятников Таджикистана. Время, та самая Вечность, ощущается в этом сегодняшнем дне не как фигура речи, а как вполне материальная субстанция».

«Эта центральная улочка с рядами домов — музейных лавочек, в которых можно посмотреть на работу ковроткацкого станка, швей и вышивальщиц, а заодно и купить сувениры на память — ручной работы коврики, платья, платки, керамику, изделия из металла».

Юрий Трифонов

Исчезновение

Главы из романа

Читатель, любящий творчество Юрия Трифонова и потому хорошо знакомый с его книгами, не может не заметить, что все они как бы сливаются в один огромный роман, рассказывающий о времени и о жизни в этом времени. Эта река непрерывна, судьбы переплетаются, каждая единственная. Но на некоторые падает отблеск, и по нему мы тотчас отгадываем родство этих людей.

Мне кажется, что замечательны этот эффект «переливания-перехода» одного персонажа в другой объясняется смыслом любимой идеи писателя — идеи «неисчезающих элементов». В них, в этих элементах, залог непрерывного поступательного движения истории нашей страны, залог нравственного совершенствования общества.

Какое же место занимает в этом потоке неоконченный роман «Исчезновение»? Что-то противится назвать его неоконченным, хотя и обрывается он на фразе с многоточием: «Но прошло много лет...»

Юрий Валентинович возвращался к нему всё время. Писался ли «Старик», «Утоление жажды», «Дом на набережной» или «Время и место», роман «Исчезновение» был рядом, всегда под рукой. Как дневник. Как толстая тетрадь для записи заветных мыслей. Он какими-то непостижимыми, тайными, известными только автору нитями был связан со всем, что писалось, о чём думалось, как жилось.

Юрия Трифонова волновала связь времён. Было необходимо ощущать непрерывность нити, тянущееся в будущее из далёкого, иногда уже почти неразличимого во мгле прошедших лет прошлого. Он нащупывал узлы в этой невидимой нити — узлы подтверждали непрерывность...

Ольга ТРИФОНОВА-МИРОШНИЧЕНКО

Знаете ли, я скажу вам секрет: всё это, быть может, было вовсе не сон!

Ф. Достоевский. «Сон смешного человека»

I

Когда-то я жил в этом доме. Нет — т о т дом давно умер, исчез, я жил в другом доме, но в этих стенах, громадных, темно-серых, бетонированных, похожих на крепость. Дом возвышался над двухэтажной мелкотой, особнячками, церквушками, колоколенками, старыми фабриками, набережными с гранитным парапетом, и с обеих сторон его обтекала река. Он стоял на острове и был похож на корабль, тяжеловесный и несуразный, без мачт, без руля и без труб, громоздкий ящик, ковчег, набитый людьми, готовый к отплытию. Куда? Никто не знал, никто не догадывался об этом. Людям, которые проходили по улице мимо его стен, мерцавших сотнями маленьких крепостных окон, дом казался несокрушимым и вечным, как скала: его стены за тридцать лет не изменили своего темно-серого цвета.

Но я-то знал, что старый дом умер. Он умер давно, когда я покинул его. Так происходит с домами: мы покидаем их, и они умирают.

II

Октябрьской ночью 1942 года после одиннадцатисуточного переползания с одной среднеазиатской станции на другую эшелон дотянулся до Куйбышева. Откочевали назад то знойные, то ледяные ржавые казахстанские степи, отдышала полынь в открытые двери тамбура, отмаячили навсегда старухи, сидевшие на корточках с мисками, где в тинистой жиже плавали бараньи кишки и что-то еще баранье, черное. Пошли дожди, настал холод. В Куйбышеве мертво стояли в тупике, никто ничего не знал. Разнесся слух, что на Москву отправят не раньше, чем в понедельник. Внезапно на рассвете объявили, что отправляется какой-то непредвиденный воинский эшелон, к нему прицеплено два вагона, и надо спешно, не теряя ни минуты, пересаживаться туда. Прыгали, бежали, спотыкаясь, волокли узлы в серой знобящей мгле. Игорь тащил очень тяжелый, из толстой кожи отцовский чемодан, набитый вещами, бельем, банками, фруктами, сахаром, одеялами — бабушка насовала все, что можно, чтобы ей и Женьке было меньше везти, — и мешок с двумя зимними пальто, своим и Женькиным, двумя парами валенок, и еще веревочную авоську, где лежала буханка черного хлеба и книжка очерков Эренбурга «Война», купленная в Ташкенте на вокзале. Игорь читал книжку в дороге, лежа в духоте и кислом воздухе под потолком. Чемодан и мешок Игорь связал поясным ремнем и перекинул через плечо. Сумку с черной буханкой нес в руке. Ремень лопнул, не выдержав тяжести. Спутники Игоря проходили мимо, сочувственно вскрикивали, но помочь не могли: каждый тащил свое.

Одновременно нести чемодан и мешок не удавалось, тогда Игорь решил передвигаться короткими перебежками. Оставив мешок, он перенес чемодан на пятнадцать шагов вперед, затем вернулся к мешку. Все его товарищи уже пробежали вперед. Взяв мешок, Игорь двинулся к чемодану и увидел, что высокая фигура, неясно различимая в рассветной мгле и слегка скривившаяся от веса чемодана, торопливо удаляется вглубь перрона. Бросив мешок, чтобы идти быстрее, Игорь последовал

за удалявшейся фигурой; он не побежал, не закричал, ибо и то, и другое казались ему несколько стыдным и преждевременным. Зачем поднимать панику? Человек с родным отцовским чемоданом ускорил шаги, теперь все как будто стало ясно — мысли работали затрудненно, все напоминало тяжкий утренний сон перед пробуждением, — и Игорь побежал. Не очень быстро, чтобы не выглядеть паникером. Похититель нырнул вправо, за вагоны, и исчез. Преследовать было страшновато: можно упустить эшелон. Игорь бегом вернулся к тому месту, где он оставил мешок, но мешка не было. В руках у Игоря осталась сумка с буханкой черного хлеба и книжка очерков Эренбурга. Перрон опустел. С обеих сторон чернели глухо и немо стены товарных вагонов.

Игорь побежал в страхе от мысли, что отстанет от своих. Куда они провалились? Он бежал сквозь строй вагонов и кричал, звал. Дверь одного товарного вагона с тихим визгом сдвинулась, и на уровне пола показалась голова в лохматой шапке, странная голова, лежавшая на полу, щекой к полу, и как будто не имевшая туловища, отрезанная голова, и гаркнула матом. Сейчас же Игорь услышал другие голоса, заплакал ребенок, его успокаивала женщина. Игорь бежал вперед уже не по перрону, а по земле, но с обеих сторон по-прежнему стояли не имевшие конца эшелоны, он бежал, как по дну ущелья, вдруг показалось, что плывет по реке, стиснутой узкими берегами, и тонет. Нечем стало дышать. Тело сникло, он понимал, что надо действовать, двигаться, махать руками, но сил не было: такое же мгновенное, смертное оцепенение он испытал однажды, когда тонул на Габайском пляже, в июле, шагнул и потерял дно. Он остановился — будто кто-то невидимый с силой дернул за руку, тогда, на Габае, это был Володька, — и понял, что надо вернуться к тому месту, откуда начал бежать. Кинулся назад. Вдруг подумал: «Хорошо, что нет чемодана и мешка. Я бы не смог бежать!» Он неся из последних сил, невероятно быстро, как на соревновании, внезапно останавливался, молотил в двери закрытых товарных вагонов, орал: «Эй, кто живой?»

На площадке одного вагона возникла фигура в тулупе, с винтовкой, зажатой в сгибе локтя, и хриплый голос — не поймешь, мужской ли, женский — стал незлобно ругаться: чего орешь, шалопут? Игорь объяснил, что ищет воинский эшелон на Москву. Тулуп сказал, что тут все воинские и все на Москву, но дал совет:

— Спроси вон того мужика, по той пути ходит, колеса стучает. Сигай сюда!

Игорь вскочил на площадку, протолкался мимо тулупа, так и не разобрав, мужчина в него закутан или женщина, спрыгнул на другую сторону и стал оглядываться, ища мужика, который стучает колеса, но никого не было видно ни там, ни здесь. Игорь напрягал зрение, оттягивал пальцем веко — он был близорук, а очки остались в чемодане, — потом закричал с отчаянием:

— Где ж твой мужик?

В то же время раздался нежный звук стали, ударяемой о сталь, и Игорь побежал туда, на звук, все еще никого не видя, совсем ослепнув от тяжести, сдавившей грудь: отстал, отстал! Железнодорожник с фонарем, стоявший на карачках возле колеса и оттого не видный издали, выслушал и махнул рукой.

— Через два пути на третий, и бежи вбок!

Игорь прыгал, пролезал под платформами, на которых стояли накрытые брезентом орудия, ждал, пока пройдет какой-то бесконечный состав из одних цистерн, бежал, спрашивал, звал и наконец нашел, вскочил на подножку и влетел в вагон — это был темный, теплый, пахнувший жильем и махоркой некупированный вагон, полки которого были, кажется, заняты, но Игоря это нисколько не расстроило, он с радостью повалился прямо на пол в проходе.

Леонид Бахнов

В отблесках костра

«Московские» повести Юрия Трифонова

Давным-давно, в позапозапрошлой жизни, я брал интервью у Юрия Трифонова для журнала «Литературное обозрение», где тогда работал. Задал немудреный вопрос: «На какого читателя вы рассчитываете?» «Я рассчитываю на читателя искушенного», — чуть подумав, ответил Юрий Валентинович.

— Ну и что? — спросите вы.

— Да ничего, — отвечу я.

Вот так же ответило и мое редакционное начальство. Прочитало — и отправило в набор. Искушенного так искушенного.

Это был 1977 год. Через десять лет эти «вопрос-ответ» подтолкнули меня разразиться довольно большой статьей о Трифонове. И назвать её «Семидесятник», отчего стал, кажется, первооткрывателем термина.

О, конец 80-х — это были совсем другие времена! Если прежде, в том интервью, я мучился, как бы исхитриться сказать, что человека арестовали, а потом отправили в лагерь, и в конце концов осенило словом «удалили» (Юрий Валентинович, помню, усмехнулся, дочитав текст до этого места, а я подумал: «Ваша школа!»), то теперь о репрессиях можно было писать сколько угодно.

По моему разумению, я писал о Трифонове то, что не могла написать даже Наталья Иванова, умудрившаяся незадолго до перестройки выпустить о нём целую книгу (именно не могла — кто бы ей тогда дал!).

Что же главное я хотел сказать?

В № 1 за 1987 год журнал «Дружба народов» напечатал незаконченный роман Юрия Трифонова «Исчезновение». Ясное дело, я тут же прочитал написанное (и недописанное) без надежды на публикацию сочинение.

И был разочарован. И одновременно думал, что Трифонов правильно решил не завершать этот роман.

Это и был посыл статьи. Правильно ли поступил писатель, отложив крамольное сочинение (как выяснилось, навсегда) и работая над выходящими в печать вещами?

Вот тут-то я и вспомнил про *искушенного* читателя. Позволю себе привести несколько цитат из тогдашнего эссе.

«Если, сдавая в “Новый мир” “Обмен” и “Предварительные итоги”, Трифонов (а он об этом говорил) ещё мог испытывать определенные сомнения, поймет ли его читатель, то после успеха этих первых “московских” повестей он видел: понимают! Понимают, несмотря даже на упорные (а может, и лукавые) старания критиков вогнать его в какой-нибудь строй — бытописателей ли, борцов с “мещанством”... Это читательское понимание не могло не давать ему поддержки, не укреплять сознание, что и в таких, мягко говоря, трудных условиях он может, у него получается донести до нас кое-что важное об “общей судьбе”. А раз может — значит, и должен. Убежден, именно сознание писательского долга отнимало у Трифонова право безмолвствовать перед современниками, пусть даже имея вернейшее из нравственных оправданий: пишу “для вечности” (то бишь “в стол”)).»

«Требования “времени”, если воспользоваться выражением самого Трифонова, “полярно сошлись” с принципами его эстетики. Расхождения состояли в том, что умолчания требовались в той области, о которой он как раз должен был говорить. Нет, поистине нужно было быть Трифоновым, чтобы уметь разрешить столь неразрешимую ситуацию! Писатель создал уникальную, в своем роде совершенную художественную систему, в которой умолчания вынужденные столь же органичны, столь же естественно вплетены в ткань произведения, как и умолчания иного рода. Да, слово его было подцензурно, но поразительно, как свободно, не зажато чувствует себя мысль Трифонова в этих условиях, как вольно входит в ее оборот то, о чем приказано было молчать».

Вот и отложил в сторону Трифонов «Исчезновение», чтобы продолжать писать «московские повести», «Нетерпение», «Старика», «Время и место». Увидели бы мы все эти вещи, стал бы он в самый первый ряд писателей времен застоя, решив по-другому? Сильно сомневаюсь.

Статья, уже говорил, вышла в 1987 году — в № 9 журнала «Октябрь»¹. Только что в «Дружбе народов» закончилась публикация «Детей Арбата», «толстяки» набросились на «тамиздат» и вообще на всё, что не могло быть напечатано прежде, — понятно, что эта лавина погребла под собой статью о недавнем кумире отечественной интеллигенции.

Во времена перестройки и в первые постперестроечные лет десять-пятнадцать Трифонову вообще не везло. Его словно позабыли: не переиздавали, и из критического оборота он выпал. Возможно, подумал я тогда, это оттого, что строители нового общества, бывшие советские люди, очень уж ретиво бросились расставаться с прошлым, отряхивать его прах со своих ног — неважно какой. И тиснул в той же «Дружбе», где уже работал, небольшой матерьяльчик об увидевшемся мне процессе, озаглавив его «Дети совбоды».

Поиграл, так сказать, словами (вот только корректор меня не понял, и «совбода» в заголовке обернулась-таки «свободой»).

Где-то к десяткам годам нынешнего века всё-таки опомнились. Правда, не сразу. Не так давно на Книжной ярмарке было одно обсуждение, и там очень неплохой писатель (кстати, постоянный автор «ДН») горячо убеждал всех, что надо скорее похоронить весь этот опыт советской литературы и забыть чем скорее, тем лучше.

— И Трифонова? — спрашиваю.

— И Трифонова!!!

Сегодня, думаю, он подобного уже не скажет, тем более с такой яростью. Потому как влияние Трифонова на его прозу видно без увеличительного стекла. Впрочем, и прежде было видно — может, потому так и ярился.

Как бы то ни было, сегодня рейтинг Трифонова очень высок. Чуть было не сказал «как при его жизни». Но тут же осекся.

Потому что при его жизни это был другой рейтинг. Рейтинг писателя, говорившего о том, о чем другие не говорили. При этом писателя *разрешённого*. О чем высказывалась масса предположений, в том числе и достаточно неприятных для его репутации, вроде того, что свыше ему была поручена некая тайная *миссия*, и он согласился её выполнять.

Но оставим эту скользкую тему, тем более что её несостоятельность была подтверждена много раз.

Куда важнее, мне кажется, вспомнить, как, какими глазами мы читали Трифонова тогда, когда нам удавалось заполучить его новые сочинения (а это не всегда было просто, учитывая, как их рвали из рук). Что вкладывал в написанное писатель, и что находил в нём тот самый *искушенный* читатель.

И в этом плане стоит вспомнить самих себя тех лет и взглядеться в «московские повести».

¹ Если кому-то интересно, целиком эссе можно прочитать по ссылке https://story.ru/istorii-znamenitostej/istoriya-tsivilizatsii/yuriy-trifonov-semidesyatnik-/fbclid=IwY2xjawLbuglle_HRuA2FlbQIxMABicmlkETF4YnlOZWVFMnJBclpoU01XAR6gzulap3jE8DGn-0jxi6uSAKMiyDvnrl2749gphUm0Hw9fZY5weLZZ2c7Vtw_aem_XpyB3JZeOQ02DQhJOT5qRw Спасибо Диляре Тасбулатовой, которой я показал текст тридцать пять лет спустя.

Правда — какими были читатели начала 70-х, когда к ним стал приходить «новый» Трифонов?

...Был у меня приятель по имени Юра, мой ровесник, сын хорошей знакомой Трифонова — редактора в «Советском писателе», через которую проходили самые значительные рукописи. Он прочитал «Обмен» и сказал маме, что передумал меняться. Бедный Юрий Валентинович! Пришлось ему объяснять Юре, что его повесть вовсе не о том, что не надо меняться.

Понимаете, к чему это я?

Когда устаю, начинаю жалеть я,
что мы рождены и живём в лихолетье,
что годы растрчены на постижение
того, что должно быть понятно с рождения, —

писал поэт Наум Коржавин (сокурсник Трифонова по Литинституту и считавшийся едва ли не самым знаменитым поэтом из молодых, пока не угодил на Лубянку). Поэма «По ком звонит колокол», откуда взяты эти строки, ходила в списках с конца 50-х.

Так вот, в первые послесталинские времена у публики возникла большая нужда *переучиваться*.

Потом началась оттепель, потом воцарился застой. «Обмен» был напечатан в № 12 «Нового мира» за 1969 год, последнем выпуске журнала, где главным редактором числился Твардовский. Про оттепель старались забыть, ещё тщательнее вымарывались из памяти общества злодеяния «культ личности». В критику активно возвращалась кондовость: литература должна была учить и воспитывать, герои должны были быть или положительными или отрицательными, писатель обязан был твердо выражать нравственную позицию — словом, «соцреализм никто не отменял». Мой приятель Юра был человек в литературном плане «продвинутый» (мама!), но и он, как видим, был заморожен ходовыми представлениями о том, что требуется от литературы.

Оттепель кончилась. Шла работа над осовечиванием классиков: Пушкин и Толстой — пламенные борцы с самодержавием, Достоевский — с Западом, Чехов — обличитель мещанства. Из литературы были выкинуты писатели-эмигранты, каких-нибудь Газданова или Набокова словно не было. Да их, и правда, не было. Разве что в «тамиздате», знакомство с которым простому человеку не сулило ничего хорошего.

И всё же — широко печатались произведения Бунина (за исключением «Окаянных дней» и особенно непримиримых к власти большевиков дневниковых записей и заметок), вспомнили Платонова, напечатали (в урезанном виде) «Мастера и Маргариту»... С трудом, но всё-таки прорывались прозаики «новой волны» (при ближайшем рассмотрении несложно увидеть, что большинство из них начинали ещё в оттепельную пору).

Вот в такого рода условиях «новому Трифонову» приходилось разрабатывать собственную эстетику и приучать к ней читателя. Его так и называли — «новый Трифонов». В отличие от «старого» — автора некогда шумевшего романа «Студенты», за который 25-летний писатель получил Сталинскую премию, долго и трудно вынашивавшегося романа «Утоление жажды», «туркменских» рассказов и большого количества очерков на спортивные темы.

Но между «старым» и «новым» Трифоновым имелась существенная «прокладка». А именно — документальная повесть «Отблеск костра» об отце писателя, герое революции и Гражданской войны, одной из жертв Большого террора.

«На мне захлопнули дверь», — с такой невеселой фразой, вспоминал друг писателя, критик В.Кардин, Трифонов в 1967 году вручил ему свеженький экземпляр «Отблеска костра». Удивительно, но повесть была напечатана в «Знамени» — журнале отнюдь не либерального направления (правда, у писателя с ним были давние связи, «Утоление жажды» печаталось именно там). Факт тем более странный оттого, что в Москве не умолкали слухи, будто это Кожевников, главный редактор «Знамени», отправил в госбезопасность рукопись романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Но оставим историю с «Отблеском костра», как и с романом Гроссмана, на совести тогдашней редакции журнала.

Борис Минаев

Реинкарнация Шарикова

У каждого поколения — свой «Гамлет» (вот только недавно писал о прекрасной студенческой постановке в ГИТИСе), свой «Дон-Кихот», свои «Отцы и дети». Ну и своё «Собачье сердце», конечно.

В 1988 году на советском телевидении вышел фильм Владимира Бортко, быстро ставший киноклассикой, а в 1987 году (за год до этого) Генриетта Яновская поставила спектакль в МТЮЗе.

И вот новое «Собачье сердце» в том же МТЮЗе (режиссёр Антон Фёдоров).

Каким же образом повесть Булгакова «вписалась» в этот ряд классических текстов, без которых не может обойтись *каждое* культурное поколение?

Эта проза Булгакова была возвращена читателю в перестроечные годы. Резолюция очень умного и много сделавшего для советской культуры Льва Борисовича Каменева, члена Политбюро и видного «вождя» ранней советской эпохи, гласила: «Это острый памфлет на современность, печатать ни в коем случае нельзя». (Цитирую по книге М. Чудаковой «Жизнеописание Михаила Булгакова».) Его и не печатали... В сущности, «Собачье сердце» входило во «второй круг» тогдашнего самиздата: не Солженицын, конечно, но, в общем, тоже довольно опасно. Повесть справедливо воспринималась именно как памфлет, даже скорее как злая пародия на всё советское: советские идеи, советские установления, порядки, советские обычаи (например, запомнившееся всем хоровое пение, которое кочует из одной постановки в другую, и в этой оно тоже есть). Но самое главное — как пародию на «нового советского человека», главный цивилизационный проект большевиков.

В телевизионной версии Владимира Бортко, ставшей абсолютной, оглушительной сенсацией тогда, в 1988 году, именно это восприятие булгаковской вещи как злой сатиры на советскую действительность, да и на сами советские идеи, включая марксизм-ленинизм, было доведено до последнего предела, до какой-то невероятной мощи.

Успеху способствовал целый ряд обстоятельств: во-первых, талант самого Бортко, в его ранней версии, не политизированной, не дидактической. То есть точная, сухая, лаконичная и четкая режиссура. Фантастическая игра Евгения Евстигнеева в роли профессора Преображенского. Другие блестящие актёрские работы.

Но самое главное — контекст времени.

Кем был Преображенский в тогдашней трактовке Бортко? Настоящим рыцарем, героем в безусловно белых одеждах, защищающим не только свой дом — но и последний островок надежды в тонущей России: островок культуры, островок духа, островок «нормальных» человеческих отношений. В одиночку он сражается с монстром зловещих перемен, с драконом большевизма, с «разрухой в головах» (сражается в одиночку, но во главе маленькой армии — со своим оруженосцем доктором Борменталем и двумя женщинами — Зиной и Дарьей Петровной, тоже своеобразным воплощением интеллигентного, «добропорядочного» уклада патриархальной России).

Что касается первого «Собачьего сердца» в ТЮЗе — это тоже классика перестроечного театра: некоторые зрители, по их собственному признанию, смотрели спектакль по десять-двенадцать раз, в основном «в минуту жизни трудную», он шел на сцене в Мамоновском переулке много-много лет.

Я посмотрел его как раз в момент какого-то юбилея спектакля — в памяти осталось «обугленное золото» оперной «Аиды», пышная и торжественная музыка Верди, звучащая как похоронный марш погибшей русской культуре, замечательный изящный зрительный рисунок (режиссёрский — Генриетты Яновской и художнический — Сергея Бархина).

Профессор Преображенский и в кино, и в спектакле был одним и тем же человеком, просто в спектакле 1987 года он оказывался в ещё более отчаянном, безнадежном, трагическом состоянии. «Объединенные силы» Шарикова и Швондера бодро топали по сцене к новым горизонтам, оставляя его патриархальную обитель на обочине жизни.

Казалось раньше, что эта трактовка — единственно возможная. Что ничего тут ни поправить, ни изменить просто не в человеческих силах.

И что профессор Преображенский как некий донкихот *всегда* будет сражаться за идеалы старой русской культуры и русской жизни с «ветряными мельницами» большевизма, очень хорошо вооруженными.

...Актёры, играющие новое «Собачье сердце» в МТЮЗе, выполняя задачу режиссёра, довольно отчетливо отстраняются от текста в первой части спектакля, как бы его «изучают», рассматривают, недоверчиво пробуют на язык, явно намекая, что это отнюдь не тот, не «классический» вариант. Что сейчас будет всё по-другому.

Самый яркий пример — та самая «разруха в головах». Профессор Преображенский (Игорь Гордин) неуверенно произносит знаменитую булгаковскую формулу и тут же сам себя комментирует: «Кажется, это Булгаков сказал. Или написал...»

Знаменитое «Яблочко» (здесь оно исполняется в его самом что ни на есть кроваво-революционном варианте — «Эх, яблочко / И не спелое! / А буржуйское дело / Прогорелое!»), которое Шариков в старом фильме лихо исполнял на балалайке, здесь звучит на бас-гитаре, в мрачных, так сказать, хард-роковых тонах. Причем тут же Преображенский с Шариковым обсуждают, что «у Булгакова же написано, что песня исполняется на балалайке».

Мы вместе с актёрами как будто всё время спотыкаемся о классический булгаковский текст, порой это превращается в чистый балаган, но поскольку даже самому неискушенному зрителю понятно, что вскоре балаган превратится в трагедию, — зал находится в постоянных перепадах от взрывов смеха к напряженному ожиданию.

Оно накапливается, как гроза в пасмурном небе, и наконец возникает тот самый страшный электрический разряд. Разряд смысла.

...Отвечая на свой собственный вопрос, каким образом небольшая повесть «Собачье сердце» стала классической вещью русской литературы и заново перечитывается каждым новым культурным поколением: так вот, тем-то подобные тексты и отличаются от других, что содержание остается прежним, а *смыслы* меняются. И дело вовсе не в «трактовке» или «режиссёрской интерпретации» — дело в самом воздухе времени. Нашего времени.

В прошлой, перестроечной, эпохе мы прощали профессору Преображенскому его ошибку — по той простой причине, что он ученый, настоящий интеллект, он имеет право на эксперимент. В нашей эпохе такого права у него уже нет. У любого института современной цивилизации, будь то государство, наука, технический прогресс, должны быть естественные ограничители в виде «натуральной», естественной, простой человеческой морали.

Если в прошлой своей версии вся сатира булгаковской прозы была нацелена на советского гомункулуса, то в нынешней — она метит именно в его творцов. В тех, кто её создал, новую реальность. И это отнюдь не карикатурный Швондер (Антон Коршунов).

Это — почти вся русская интеллигенция.

В минуту горького разочарования в результатах эксперимента Преображенский устало садится на диван и обращается к ученику Борменталю (Илья Шляга), объясняя ему свою драму: я-то думал о будущем человечества, о *евгенике*.

Для современного зрителя само это загадочное слово — почти пустой звук. Для зрителя или читателя 20-х и 30-х годов XX века — один из очень внятных маркеров глобального мировоззрения того времени. Исправить человеческое общество, исправить человеческую природу, исправить историю, исправить человека, сделать его счастливее и здоровее — вот цель. Время постоянного, тотального эксперимента во всех областях — в образовании, в искусстве, в быту и в семье, в государстве и науке. Кто же этим занимался? Ну, практически все... Все мировые ученые, мировые мыслители, мировые общественные деятели, педагоги и художники, — потому что эксперимент и «исправление натуры», исправление истории стали новой мировой религией, и русский большевизм был лишь одной из её ипостасей. (В ряду других революционных экспериментов были, конечно, и медико-биологические — довольно близкие по смыслу к тому, что описан в «Собаьем сердце».)

Поэтому за первым слоем булгаковской сатиры для чуткого, внимательного читателя тут же вставал и другой — глобальный и философский. А за вторым и третий — ведь основные социалистические формулы и догматы были рождены отнюдь не на собраниях провинциальной партиячейки, а в кругу самых что ни на есть интеллигентных, просвещенных и прогрессивных людей.

Так стоит ли менять человека? Стоит ли менять общество? Стоит ли *вообще* трогать человеческую природу и сложившиеся вокруг неё устои?..

Булгаков, который ещё не был отлитым в бронзе русским классиком, а воспринимался современниками как яркий газетный сатирик, бытописатель, драматург-комедиограф, ещё в 1925 году вдруг попал на эту тёмную и загадочную территорию важнейших споров его современности.

И вот прошло ровно сто лет. Теперь в «отрицательных» у нас отнюдь не второстепенный Швондер, а сам профессор Преображенский со своими присными.

С него и главный спрос.

За что? Ну вот за это чрезмерное научное любопытство, видимо. Но не только. За эгоизм и чванливость. За глубокое равнодушие к страданиям подопытных существ. И за неглубокую, скажем так, душевную организацию. Даже за буржуазность — его отношения с Зиной (Алла Онофер), Дарьей Петровной (Екатерина Александровна) и дворником Фёдором (Илья Созыкин) уже совсем не выглядят столь благостными, как раньше.

Ну и главное — собаку жалко!

Нельзя, конечно, сказать, что профессор в исполнении Игоря Гордина так уж одномерен. Основной мотив тут простой: даже самый могучий ум, самый могучий характер не выдерживает в столкновении с тёмными временами, с временами, когда всё поставлено с ног на голову, когда всё взорвано и катастрофически разрушено, — и начинает распадаться сам.

Показано это блестяще. Но вопросы-то куда не деваются.

В фильме Бортко тоже была собака, как-то неуверенно мелькнувшая в первых кадрах. В спектакле Фёдорова настоящая собака — невероятно обаятельный белый пушистый терьер — настолько застревает в зрительской памяти, что ты всё время помнишь: речь-то идет именно о ней.

Шариков (Андрей Максимов) в спектакле — существо прежде всего органичное и, как ни странно, богатое на проявления: от ужасных до наивных и даже поэтических. Он человек. Личность. С трудом выкарабкивающаяся из животных инстинктов — но и в этом интересная.

Я помню изумительного Владимира Толоконникова в фильме Бортко — он был жалкий, маленький, какой-то надорванно-больной и жестокий. Его не было жалко. Максимов — актёр незаурядных физических данных, исключительной органики и естественности, он жалким не может быть по определению, и все «собачьи» инстинкты в его исполнении выглядят именно как жизнь собаки, изначально прекрасной, той самой, белой и пушистой, что в начале.

Поэтому, когда Шарикова убивают, — это именно страшное убийство. И когда он в последний момент говорит — «а где папа?», это выглядит именно как страшная трагедия. В любом случае убивают человека, уничтожают «новую», не получившуюся личность, то есть личность — как неудачную пробу, неудачный эскиз. И от этого ещё более грустно.

Ну да, в общем, точно так же с этими «новыми людьми» поступало и большевистское государство — отправляя их в мясорубку истории.

...И наконец — признание, которого не избежать.

Да, это очень хороший спектакль.

Но мне жаль того Преображенского (который в отличие от нынешнего мог выпить рюмку за обедом, но напиться в хлам ну точно никак не мог), того Борменталя (который пил коньяк, а не водку, он мог придушить Шарикова, но уж точно не мог иступленно бить ногами существо, которое всё равно же собака), мне жалко Швондера в каком-то феерическом исполнении Романа Карцева, ну и так далее. Мне жаль той глупенькой машинистки Васнецовой, которую Шариков подло гнобил, использовал и преследовал. Её тут вообще нет.

Да, многое пришлось подвинуть и изменить, но что делать — и мы другие, и читаем мы иначе. Здорово, что «Собачье сердце» может меняться, оставаясь великим текстом.

Но дело не только в них, в персонажах. Дело в том, что перестроечное «Собачье сердце» — это не просто фильм, или спектакль, или текст. Это важная часть нашего мировоззрения, это те волшебные скрижали, те волшебные символы, в которые мы искренне верили. Эта вера была разлита в воздухе и материализовалась в книгах, картинах, фильмах, спектаклях, в формулах, которые нельзя забыть.

Верните «нормальность», вместе с частной собственностью, вместе со свободой слова и информации, вместе с правом человека зарабатывать сколько он сможет и тратить столько, сколько он захочет, — и страна изменится. Верните Преображенского! Уберите эту советскую «разруху в головах».

Так мы считали. И отказаться от этой веры уже невозможно. Вместе с ней мы прожили все эти драматичные 40 лет.

Пройдя через многое.

...Но надо жить дальше. Новые песни, как говорится, придумала жизнь. Спектакль именно о них.

Summary

The Dignity of the Obligatory Title

Last year DN celebrated its eighty-fifth anniversary. We have addressed our authors from Russia, from the neighboring and far-off countries with the proposal to discuss the place and role of the magazine in today's culture and in their personal creative lives and to think of the perspective of its development trend. We have sent out 100 letters and received 84 answers.

It's long since "DN" is more than a literary monthly, it is that very "isle of bonhomie in the ocean of enmity" as the author from Kazakhstan Nickolay Verevchkin has put it. Since 1939 we are not merely publishing texts, we are defending the possibility and the right of various voices of the live multilingual expanse to sound in their shared Russian.

In the epoch of "uncontrolled online literature" the magazine — without any loud statements, relying only on its professional choice and editorial school — "is linking the shores" of the cultural space of the Russian world.

On the magazine's pages there are meeting the authors' trust and the readers' interest. We share the confidence that "all the stones are casted away long ago, it's time to gather them" — to gather talents, "people of good will" as they used to say, without dividing them into friends and strangers, metropolitan and provincial, "patriots" and "liberals". We are sure: while the hearts of those who write and those who read are beating in unison the magazine will live, grow and do its main job — to give the literatures of different peoples common roof and common sky.

Poetry

In the civic lyrics of Ivan Volosyuk there are many warm lines about Ekaterinburg and his home in native Donbas, about the lullaby of mother seeing his son to the war, about the poet's fellow-countrymen. The poems of Stanislav Minakov filled with humility and love actually are the prayers of the parents for their fallen son.

Under the heading "Other Optics" the reader will find the first part of the poem by the Buryat poet Amarsany Ulzituev "To Buy a Ticket to the India of Spirit".

Trifonov 100 +

Under the heading "The Golden Pages of DN" we present chapters from the novel of Yourij Trifonov "Disappearance" and meditations of Leonid Bahnov over the writer's body of work.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Бумажную версию журнала «Дружба народов»
с любого месяца можно выписать онлайн на сайте **Почты России**

<https://podpiska.pochta.ru/press/%D0%9F%D0%A0044>

Подписной индекс в каталоге **Почты России — ПРО44**

Электронную версию «ДН» можно приобрести на сайте

<http://дружбанародов.com>

Журнал продаётся в магазине «**Фаланстер**»

Москва, ул. Тверская, 17

(вход с Малого Гнездиковского переулка)

Вёрстка: Елена ЖИРНОВА

Корректурa: Елена ЛАПШИНА

Дизайн обложки: Степан ЛУКЬЯНОВ

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО ФОНДА ГУМАНИТАРНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ
И ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

8/2025

Читайте:**Сухбат АФЛАТУНИ** (Ташкент)

«Дружба народов» — это один из важнейших механизмов культурной интеграции на постсоветском пространстве. Это журнал делал в 90-е, когда на глазах распадались прежние литературные связи, в 2000–2010-е, когда прежние контакты стали восстанавливаться и даже начали возникать новые российско-белорусские, российско-грузинские, российско-казахстанские и прочие совместные проекты. Это журнал продолжает делать сегодня, несмотря на новое обострение локальных национализмов на постсоветском пространстве и попытки культурной изоляции России.

Леонид ЮЗЕФОВИЧ (Москва)

Сегодня, когда мир тонет в море «идентичностей», журнал напоминает: культура — не сувенирный ковёр с узорами для туристов. Это язык, на котором народ говорит с самим собой, — и, если дать ему быть услышанным, окажется, что все мы говорим об одном. Главная заслуга журнала в том, что он показывает: мы уже связаны единой на протяжении сотен лет историей, вместе пережитой болью, общими надеждами.

Роман СЕНЧИН (Санкт-Петербург)

«Дружба народов» сохранила то, ради чего была когда-то создана, — помогает не порваться тем нитям, что связывают культуры народов. Народов и России, и ближнего, и дальнего зарубежья. А в последние годы это особенно важно. Причём делает это ненавязчиво, не давя на читателя. Знаю, что на «Дружбу народов» пошла атака, возможен рейдерский захват. Но что хотят захватить? Нечего у журнала захватывать, кроме символа, этих двух слов названия. Захватят и умертвят, как умертвили до этого не одно полезное дело. Надеюсь, с «Дружкой народов» у них не получится.

Мария АНУФРИЕВА (Санкт-Петербург)

«Никакой дружбы народов не существовало», — такие заявления встречаются всё чаще. И в противовес им существует журнал, который тонкой, но надёжной нитью удерживает общее межнациональное культурное полотно русского мира, которое, конечно же, гораздо шире границ, обозначенных на географической карте.

